РУССКОЙ СЛАВЫ ИМЕНА

АНДРЕЙ ГОЛУБЕВ • ВЯЧЕСЛАВ МАНЯГИН • ПАВЕЛ ХРУЛЁВ

ПЁТР СТОЛЫПИН

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК ВЕЛИКОЙ РОССИИ!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пётр Аркадьевич Столыпин — выдающийся государственный деятель, министр внутренних дел, председатель Совета министров Российской империи. Это был поистине величайший человек, настоящий патриот, гениальный реформатор, грандиозными планами надолго опередивший свой век. Столыпин ежедневно, до самого своего трагического конца, совершал великий, титанический, ежедневный подвиг по спасению России. Великому человеку, мечтавшему сделать Россию великой, посвящается наша книга.

Как писали о Столыпине его современники, сумевшие оценить грандиозную фигуру великого русского политика и реформатора, опасности родят героев, и не впервой России в годину лихолетий выдвигать лучших своих сынов на защиту царя и Родины.

Издание адресовано широкому кругу читателей, всем интересующимся историей нашего Отечества.

- Андрей Голубев, Дмитрий Лобанов Павел Хрулёв
  - Глава 1. Жизнь. «Честный часовой»
  - Глава 2. Контрреволюционер. «Не запугаете!»
  - Глава 3. Реформатор. «Пусть расцветет наш родной, русский цвет»
  - Глава 4. Аграрная реформа. «Дать толчок организму…»
  - Глава 5. Смерть. «Надеюсь, вы не будете меня затенять так, как это делал Столыпин»
  - Глава 6. Память. «Русский Бисмарк»
  - Выступления П. А. Столыпина
    -
    - 8 июня 1906 г.
    - 6 марта 1907 г.
    - 6 марта 1907 г.
    - 13 марта 1907 г.
    - 10 мая 1907 г.
    - 16 ноября 1907 г.
    - 16 ноября 1907 г.
    - 31 марта 1908 г.
    - 24 мая 1908 г.
    - 27 апреля 1911 г.
  - Список литературы

Андрей Голубев, Дмитрий Лобанов
Павел Хрулёв
Пётр Столыпин. Великий человек великой России!

Глава 1. Жизнь. «Честный часовой»

Как писали о Петре Аркадьевиче Столыпине его современники, сумевшие оценить грандиозную фигуру великого русского политика и реформатора, «опасности родят героев, и не впервые России в годину лихолетий выдвигать лучших своих сынов на защиту царя и Родины. Как это было в памятные великими бедами и скорбями народными годы Смутного времени начала XVII века, когда иноземные враги делили русские земли и Русская земля выдвинула на чреду служения родине таких граждан, как Минин, патриарх Гермоген, князь Пожарский и келарь Авраамий Палицын, так и в смутные дни 1906 г. она на помощь ослабевшей и распадавшейся власти выдвинула П. А. Столыпина. В ту минуту, когда так нужен был устойчивый и твердый кормчий, он нашелся, и мы убедились, что не вконец оскудела Русская земля и может еще давать богатырей».

П. А. Столыпин был мужественным, глубоко честным, искренне и горячо любившим Россию, родной ей по крови человек. Он любил ее не отвлеченной, рассудочной любовью, а живой, теплой любовью, которая развивается и крепнет только на устоях непрерывной связи с прошлым Родины, которая двигает на жертвы ей и увеличивает силы в минуту опасности.

Дворянский род Столыпиных уходил своими корнями глубоко в русскую историю.

Герб рода Столыпиных

Родоначальником Столыпиных был Григорий Столыпин. Сын его Афанасий Григорьевич и внук Сильвестр Афанасьевич писались, как это видно из официальных документов, муромскими городовыми дворянами. Последний из них Сильвестр, за участие в войне с Польшей в 1654–1655 гг., был награжден поместьем в Муромском уезде. У внука этого Сильвестра Афанасьевича — Емельяна Семеновича, бывшего товарищем Пензенского воеводы, было два сына: секунд-майор Димитрий Емельянович и Пензенский предводитель дворянства Алексий Емельянович. От брака последнего с Марией Афанасьевной Мещериновой было шесть сыновей. Александр, бывший адъютант генералиссимуса Суворова; Аркадий, друг Сперанского, женатый на дочери графа Николая Семеновича Мордвинова Вере Николаевне, и умерший в звании сенатора в 1825 году; умерший в молодых годах Петр; Николай, генерал-лейтенант, убитый во время бунта в Севастополе в 1830 году; Афанасий, бывший саратовский предводитель дворянства;

Димитрий, генерал-майор (родился в 1785 г., умер в 1826 г.) и пять дочерей, из которых старшая Елизавета Алексеевна была замужем за капитаном Преображенского полка Михаилом Васильевичем Арсеньевым и имела дочь Марию, которая вышла замуж за Юрия Петровича Лермонтова, отца знаменитого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. П. А. Столыпин приходился троюродным братом М. Ю. Лермонтову.

А. Изгоев в очерке «П. А. Столыпин» (1912) указал, что свою самую «крупную идею» — о необходимости преобразования общинной земельной собственности в личную — его герой заимствовал «отчасти из своих семейных преданий» — от деда Д. А. Столыпина.

Аркадий Дмитриевич Столыпин

Отцом П. А. Столыпина был Аркадий Дмитриевич Столыпин, известный севастопольский герой, генерал-адъютант и обер-камергер, женатый на княжне Наталье Михайловне Горчаковой. Таким образом, в Петре Аркадьевиче Столыпине соединилась

кровь старинного весьма почтенного дворянского рода Столыпиных и княжеская кровь Рюриковны.

П. А. Столыпин четырех лет, с младшим братом А. А. Столыпиным, 1866 г.

Родился Петр Аркадьевич Столыпин 2/14 апреля 1862 года в столице Саксонии Дрездене, куда ездила к родным его мать. Детство свое провел в деревне, в имении Середниково, под Москвой, где, вблизи с природой и народом, началось его воспитание. В 1874 году 12-летний Петр был зачислен во второй класс Виленской гимназии, где проучился до шестого класса. В сентябре 1879 года 9-й армейский корпус под командованием отца был возвращен из Болгарии в город Орел. Петр и его брат Александр были переведены в Орловскую мужскую гимназию. Петра зачислили в седьмой класс. По словам современника, он «выделялся среди гимназистов рассудительностью и характером».

3 июня 1881 года 19-летний Петр окончил Орловскую гимназию и получил аттестат зрелости. Он уехал в Санкт-Петербург, где 31 августа поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета. Во время обучения Столыпина одним из преподавателей университета был знаменитый русский ученый Д. И. Менделеев, который принимал у Столыпина экзамен по химии и поставил «отлично».

Ученик Виленской гимназии П. А. Столыпин. 1876 год

По окончании в 1884 г. курса в университете, 27 октября 1884 года, он поступил в Министерство внутренних дел. В октябре 1885 года советом Императорского Санкт-Петербургского университета Столыпин «утверждается кандидатом физико-математического факультета», что соответствовало получению ученой степени и окончанию университетского образования. На последнем курсе обучения им была подготовлена выпускная работа экономико-статистической тематики — «Табак (табачные культуры в Южной России)».

Через год он причислился к Департаменту земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия и государственных имуществ, в котором последовательно занимал различные должности, и особенно интересовался сельскохозяйственным делом и землеустройством.

П. А. Столыпин — студент естественного отделения физико-математического факультета С.-Петербургского университета

Документы, относящиеся к начальному периоду службы П. А. Столыпина, в государственных архивах не сохранились. Но известно, что молодой чиновник на службе в Департаменте земледелия делал блестящую карьеру. В 1886 году он был утвержден в чине коллежского секретаря (что соответствовало X классу табели о рангах), в январе 1887 стал помощником столоначальника (VII класс) Департамента земледелия и сельской промышленности. Менее чем через год (1 января 1888 года)

Столыпин был «пожалован в звание камер-юнкера Двора его императорского величества» (V класс). Таким образом, всего за два года он поднялся на пять ступенек по лестнице чинов бюрократической системы Российской империи.

Вскоре он вновь перешел в Министерство внутренних дел, первоначально Ковенским уездным предводителем дворянства и Председателем Ковенского съезда мировых посредников, а затем в 1899 году был назначен Ковенским губернским предводителем дворянства. Столыпин провел на службе в Ковно около 13 лет — с 1889 по 1902 годы. Это время его жизни, по свидетельству дочери Марии, было самым спокойным.

Служба на этих местах дала ему возможность весьма близко ознакомиться с местными провинциальными нуждами, дала ему значительный административный опыт и завоевала ему симпатии местного населения, которое избрало его почетным мировым судьей по Инсарскому и Ковенскому судебно-мировым округам.

Усердие на службе было отмечено новыми чинами и наградами. В 1890 году он был назначен почетным мировым судьей, титулярным советником, в 1891 произведен в коллежские асессоры, в 1893 награжден первым орденом св. Анны, в 1895 произведен в надворные советники, в 1896 получил придворное звание камергера, в 1899 произведен в коллежские, а в 1901 и в статские советники.

Во время жизни в Ковно у Столыпина родились четыре дочери — Наталья, Елена, Ольга и Александра.

Столыпин в Ковно с уездными предводителями дворянства (1901 год)

Женитьба Столыпина была связана с трагическими обстоятельствами. На дуэли с князем Шаховским погиб старший брат Михаил. Существует предание, что впоследствии сам Столыпин также стрелялся с убийцей брата. Во время дуэли он был ранен в правую руку, которая после этого плохо функционировала, что часто отмечали современники. Михаил был помолвлен с фрейлиной императрицы Марии Федоровны Ольгой Борисовной Нейдгардт, являвшейся праправнучкой великого русского полководца Александра Суворова. Существует предание, что на смертном одре брат положил руку Петра на руку своей невесты. Через некоторое время Столыпин просил ее руки у отца Ольги Борисовны, указав при этом на свой недостаток — «молодость». Будущий тесть, улыбнувшись, ответил, что «молодость — это тот недостаток, который исправляется каждый день». Брак оказался очень удачным. У четы Столыпиных родились пять дочерей и один сын.

Дом Столыпина под Ковно

В середине мая 1902 года П. А. Столыпин вывез свою семью с самыми ближайшими домочадцами «на воды» в небольшой немецкий город Эльстер. В своих воспоминаниях старшая дочь Мария описывает это время, как одно из самых счастливых в жизни семьи Столыпиных. Она отметила также, что прописанные немецкими врачами грязевые ванны для больной правой руки отца стали давать — к радости всей семьи — положительные результаты.

П. А. Столыпин — Гродненский губернатор с сослуживцами и ближайшими подчинёнными (1903 год)

Спустя десять дней семейная идиллия неожиданно завершилась. От министра внутренних дел фон Плеве, сменившего убитого революционерами Д. С. Сипягина, пришла телеграмма с требованием явиться в Петербург. Через три дня причина вызова стала известной — П. А. Столыпин 30 мая 1902 года был неожиданно назначен гродненским губернатором. Инициатива при этом исходила от Плеве, который взял курс на

замещение губернаторских должностей местными землевладельцами.

П. А. Столыпин — гродненский губернатор (1902 год)

21 июня Столыпин прибыл в Гродно и приступил к исполнению обязанностей губернатора. В управлении губернии были некоторые особенности: губернатор был подконтролен генерал-губернатору Вильны (совр. Вильнюс); губернский центр Гродно был меньше двух уездных городов, Белостока и Брест-Литовска.

По инициативе Столыпина в Гродно были открыты еврейское двухклассное народное училище, ремесленное училище, а также женское приходское училище особого типа, в котором, кроме общих предметов, преподавались рисование, черчение и рукоделие. На второй день работы он закрыл Польский клуб, где господствовали «повстанческие настроения».

Освоившись в должности губернатора, Столыпин начал проводить реформы, которые включали расселение крестьян на

хутора, ликвидацию чересполосицы, внедрение искусственных удобрений, улучшенных сельскохозяйственных орудий, многопольных севооборотов и мелиорации, развитие кооперации, сельскохозяйственное образование крестьян. Проводимые нововведения вызывали критику крупных землевладельцев. На одном из заседаний князь Святополк-Четвертинский заявил, что «нам нужна рабочая сила человека, нужен физический труд и способность к нему, а не образование. Образование должно быть доступно обеспеченным классам, но не массе…» Столыпин дал резкую отповедь: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не приведет к анархии…»

Работа в Гродно вполне удовлетворяла Столыпина. Однако вскоре министр внутренних дел Плеве вновь сделал предложение Столыпину занять должность губернатора Саратовской губернии. Столыпин не хотел переезжать в Саратов, но Плеве заявил: «Меня Ваши личные и семейные обстоятельства не интересуют, и они не могут быть приняты во внимание. Я считаю Вас подходящим для такой трудной губернии и ожидаю от Вас каких-либо деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов».

П. А Столыпин — Саратовский губернатор (1904 год)

Саратовщина не была незнакомой Столыпину: в губернии находились родовые земли Столыпиных. Двоюродный дед Петра Аркадьевича, Афанасий Столыпин, был саратовским предводителем дворянства, а его дочь Марья была замужем за князем В. А. Щербатовым, саратовским губернатором в 1860-х годах. На реке Алае находится село Столыпине, при котором —

«опытный хутор» А. Д. Столыпина с развитым культурным хозяйством.

Назначение Столыпина саратовским губернатором являлось повышением по службе и свидетельствовало о признании его заслуг на различных должностях в Ковно и Гродно. Ко времени его назначения губернатором Саратовская губерния считалась зажиточной и богатой. В Саратове проживало 150 тысяч жителей, имелась развитая промышленность — в городе насчитывалось 150 заводов и фабрик, 11 банков, 16 тысяч домов, почти 3 тысячи магазинов и лавок. Кроме этого, в состав Саратовской губернии входили крупные города Царицын (ныне Волгоград) и Камышин, несколько линий Рязано-Уральской железной дороги.

Начало русско-японской войны Столыпин воспринял критично. Согласно воспоминаниям дочери, в кругу семьи он сказал: «Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю в неведомых ему краях? Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом».

П. А. Столыпин принимает рапорт от волостного старшины в селе Пристанном Саратовской губернии (1904 год)

После поражения в войне с Японией Российскую империю захлестнули революционные события. При наведении порядка Столыпин проявлял редкое мужество и бесстрашие, что отмечают свидетели того времени. Он безоружным и без какой-либо охраны входил в центр бушевавших толп. Это так действовало на народ,

что страсти сами собой утихали.

П. А. Столыпин на санитарном осмотре города Царицына во время холеры (сентябрь 1904 года)

Современник Столыпина В. Б. Лопухин так описывает один из эпизодов революционных событий того времени: «Достаточно известен эпизод, когда Столыпин в относительно скромной роли саратовского губернатора в ту пору, когда губернаторов расстреливали, как куропаток, врезывается в бунтующую толпу. На него наступает человек с явно агрессивными намерениями, с убийством во взгляде. Столыпин бросает ему на руки снятое с плеч форменное пальто с приказанием, отданным так, как умеет повелевать одно только уверенное в себе бесстрашие: «Держи». Ошеломленный презумптивный «убийца» машинально подхватывает губернаторское пальто. Его руки заняты. Он парализован. И уже мыслью далек от кровавой расправы. Столыпин спокойно держит речь загипнотизированной его мужеством толпе. И он, и она мирно расходятся».

П. А. Столыпин в селе Булгаковка Вольского уезда (июль 1904 года)

Благодаря энергичным действиям Столыпина жизнь в Саратовской губернии постепенно успокаивалась. Действия молодого губернатора были замечены Николаем II, который дважды выразил ему личную благодарность за проявленное усердие.

Во второй половине апреля 1906 г. Столыпина вызвали в Царское Село телеграммой за подписью императора. Встретив его, Николай II сказал, что пристально следил за действиями в Саратове и, считая их исключительно выдающимися, назначает его министром внутренних дел.

Дети Столыпиных в Саратове, 1905 г. Слева направо: Наташа, Елена, Александра, Мария, Ольга. На полу сидит Аркадий

Переживший революцию и четыре покушения Столыпин пытался отказаться от должности. Примечательно, что двое из его предшественников на этом посту — Сипягин и Плеве — были убиты революционерами. О страхе и нежелании многих чиновников занимать ответственные посты, боясь покушений, неоднократно в своих мемуарах указывал первый премьер-министр Российской империи Витте.

На это государь ответил:

— Петр Аркадьевич, я вас очень прошу принять этот пост.

— Ваше величество, не могу, это было бы против моей совести.

— Тогда я вам это приказываю.

Столыпину ничего не оставалось делать, как только принять назначение.

П. А. Столыпин — министр внутренних дел, с супругой. (1906 г.)

Ко времени его вступления в должность министра внутренних дел 26 апреля 1906 года, то есть ко времени начала его широкой политической деятельности, ему было 44 года. Это был мужественный, почти богатырского сложения человек, с привлекательным, величаво-спокойным, внушавшим невольное доверие и уважение лицом.

Начало его работы на новом посту совпало с началом работы I Государственной думы, которая была в основном представлена левыми, с самого начала своей работы взявшими курс на конфронтацию с властью. Столыпин оказался хорошим оратором, а некоторые его фразы становились крылатыми. Всего на посту министра внутренних дел Столыпин выступал перед депутатами I Государственной думы трижды. При этом все три раза его речи сопровождались шумом, криками и выкриками с мест «Довольно», «Долой», «Отставка».

Столыпин изначально дал понять, что «надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России». Отвечая на упреки о несовершенстве законов и, соответственно, невозможности их правильного применения, он произнес фразу, которая получила широкую известность: «Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный

часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым».

О революционности Думы говорит ее отказ принять к требованию общей политической амнистии поправку депутата М. А. Стаховича, осуждавшую террор против власти. На его доводы о том, что на 90 казненных за последние месяцы приходится 288 убитых и 388 раненых представителей власти, большей частью простых городовых со скамей левых кричали: «Мало!»

Председатель Совета Министров, Статс-Секретарь П. А. Столыпин (1907 г.)

Такое противостояние между исполнительной и законодательной властью создавало трудности для выхода из послевоенного кризиса и революции. Последним решением Думы, которое окончательно склонило царя к ее роспуску, стало обращение к населению с разъяснениями по аграрному вопросу и заявлением, что она «от *принудительного отчуждения* частновладельческих земель не отступит». 8/21 июля 1906 года I Государственная дума была распущена императором. Столыпин заменил И. Л. Горемыкина на посту председателя Совета министров с сохранением должности министра внутренних дел.

На посту премьер-министра Столыпин действовал весьма энергично. Его запомнили как блестящего оратора, многие фразы из речей которого стали крылатыми, человека, справившегося с революцией, реформатора, бесстрашного человека, на которого было совершено несколько покушений.

Отношения Столыпина со II Государственной думой были весьма напряженными. В законодательный орган власти входило более сотни представителей партий, которые напрямую выступали за свержение существовавшего строя, — РСДРП и эсеры, чьи представители неоднократно устраивали покушения и убийства высших должностных лиц Российской империи. Польские депутаты выступали за выделение Польши из Российской империи в отдельное государство. Две самые многочисленные фракции Думы, кадетов и трудовиков, ратовали за принудительное отчуждение земель у помещиков с последующей передачей крестьянам.

Члены революционных партий, ратовавших за смену государственного устройства, попав в Государственную думу продолжали заниматься антигосударственной деятельностью, о чем вскоре стало известно полиции, руководителем которой являлся Столыпин. 7 мая 1907 года он обнародовал в Думе «Правительственное сообщение о заговоре», обнаруженном в столице и ставившем своей целью совершение террористических актов против императора, великого князя Николая Николаевича и против него самого.

Правительство предъявило Думе ультиматум, требуя снять депутатскую неприкосновенность с предполагаемых участников заговора, предоставив Думе кратчайший срок для ответа. После того, как Дума не согласилась на условия правительства немедленно и перешла к процедуре обсуждения требований, царь, не дожидаясь окончательного ответа, 3 июня распустил Думу. Акт 3 июня формально нарушал «Манифеста 17 октября» и Основные законы 1906 года, в связи с чем противниками правительства был назван «Третьеиюньским государственным переворотом».

Следующим шагом, который предпринял Столыпин для нормализации политической жизни в стране, стало изменение избирательной системы. Взаимоотношения Столыпина с III Думой представляли собой сложный взаимный компромисс, который позволил правительству под руководством П. А. Столыпина укротить революцию и заняться проведению реформ.

Во время революционных событий 1905–1907 годов были осуществлены десятки тысяч террористических актов, в результате которых погибло более 9 тысяч человек. Столыпин лично столкнулся с актами революционного террора. В него

стреляли, бросали бомбу, направляли в грудь револьвер, революционеры приговорили к смерти путем отравления единственного сына Столыпина, которому было всего 2 года.

Среди погибших и пострадавших от революционного террора были родные, друзья и ближайшие знакомые Столыпина. И во многих случаях убийцам удалось избежать смертной казни вследствие судебных проволочек, адвокатских уловок и гуманности общества.

19 августа 1906 года был принят «Закон о военно-полевых судах». Он предусматривал отдавать преступников под суд в течение суток после акта убийства или вооруженного ограбления. Рассмотрение дела в суде — не более двух суток, приговоры утверждаются командующими военными округами и выполняются в течение 24 часов.

Закон о военно-полевых судах не был внесен правительством на утверждение в III Думу и автоматически потерял силу 20 апреля 1907 года. В итоге, вследствие принятых мер, революционный террор был подавлен, перестал носить массовый характер, проявляясь лишь единичными спорадическими актами насилия. Государственный порядок в стране был восстановлен.

Разгром революционного движения позволили П. А. Столыпину приступить к реализации своей основной реформы — аграрной. Началом реформы явился указ от 9 ноября 1906 года «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Указом был провозглашен широкий комплекс мер по разрушению коллективного землевладения сельского общества и созданию класса крестьян — полноправных собственников земли.

П. А. Столыпин со своим семейством на террасе Елагинского Дворца (1907 г.)

Особое значение Столыпин уделял восточной части Российской империи. Политика Столыпина относительно Сибири состояла в поощрении переселения на ее незаселенные просторы крестьян из европейской части России. Это переселение было частью аграрной реформы.

Со второй половины 1909 года наступило время думского затишья. Наладившаяся в ней работа не вызывала более необходимости выступлений Председателя Совета Министров. Общее успокоение страны требовало тоже меньшей затраты его сил. Свою кипучую энергию Столыпин мог поэтому еще с большей силой направить на созидательную деятельность. Наибольшее его внимание было, как и раньше, обращено на реализацию закона о землеустройстве. К этому времени относятся его поездки по разным местностям России для ознакомления с землеустроительными работами и осмотра новых отрубных и хуторных хозяйств; поездка в Сибирь на Амурскую дорогу и поездки в Полтаву и Киев. За это же время он принимал участие во многих мелких делах. Так, он принял участие в борьбе с холерой, в работах по водоснабжению г. Петербурга и т. п.

П. А. Столыпин осматривает хуторские огороды близ Москвы (апрель 1910 года)

Столыпин почти не имел личной жизни и личных интересов; всю свою энергию, всю удивительную свою трудоспособность он вкладывал в каждое дело, которое считал долгом исполнить и довести до конца. Отдыха он не знал, только летом на самое короткое время уезжал в деревню в свое имение, но и там он продолжал работать, не выпуская нитей государственного строительства и управления из своих рук. Только раз за 1906–1911 гг., заболев крупозным воспалением легких, позволил себе двухмесячную поездку в Крым. Обычно он работал с раннего утра до поздней ночи, не признавая утомления. Вставал очень рано, в начале восьмого был уже на прогулке; вернувшись в кабинет, принимался за просмотр текущих дел, делал пометки, подготовлял поручения подчиненным и пробегал газеты, делая внимательно отметки. С половины десятого начинались доклады и приемы высших чинов, лиц явившихся по посторонним делам, членов Думы и Государственного Совета. Промежутки между приемами заполнялись чтением книг, посвященных вопросам государственного права. Значительную часть времени он должен был заседать в Совете Министров и на совещаниях по важнейшим текущим делам и делам законодательства. Заседания эти нередко затягивались до утра. При таком обилии общегосударственных забот Столыпин умудрялся находить время и для менее важных вопросов; так, известны случаи, когда он ночью лично посещал ночлежки, приюты и знакомился с жизнью наиболее бедствующей части населения столицы.

Столыпин выходит из склада сельскохозяйственных хуторских машин близ Москвы (август 1910 года)

Столыпин поставил себе за правило не вмешиваться в иностранную политику. Однако во время Боснийского кризиса 1909 года понадобилось прямое вмешательство премьер-министра. Кризис угрожал перерасти в войну с участием балканских государств, Австро-Венгерской, Германской и Российской империй. Позиция премьер-министра заключалась в том, что страна к войне не готова, и военного конфликта следует избежать любыми способами. В конечном итоге, кризис завершился моральным поражением России. После описываемых событий Столыпин настоял на увольнении министра иностранных дел Извольского.

В 1909 году начали портиться отношения между Николаем II и П. А. Столыпиным.

В первый раз компания против Столыпина была начата по вопросу о преобразовании русской миссии при японском правительстве в посольство. Законопроект по этому вопросу был внесен Столыпиным в Государственную Думу, причем правые хотели видеть в этом покушение Столыпина на прерогативы

императора, но это дело было вскоре признано недостаточно ярким, и атака была оставлена.

Вторая атака на премьера не заставила себя ждать. После поражения русского флота в Цусимском сражении в 1905 году возникло предложение создать Морской штаб, а это требовало увеличения бюджета для его содержания. Столыпин решает провести данный вопрос через Думу. Нашлись те, которые немедленно доложили Николаю II, что Столыпин вмешивается в военную отрасль, которая находится исключительно в компетенции царя, и тот закон отклоняет.

Была и еще одна причина охлаждения отношений между императором и премьером. В то время Григорий Распутин приобретает значительное влияние на царицу. Столыпин предлагает Николаю II, чтобы прекратить разного рода кривотолки, выселить «святого старца» из столицы, на что тот отвечает: «Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет десять Распутиным, чем одна истерика императрицы». Узнав об этом разговоре, Александра Федоровна также прониклась неприязнью к Столыпина и не раз настаивала на замене премьера.

В марте 1911 года Столыпин подал в Думу проект об утверждении земств в западных губерниях. Против премьер-министра сплотились противоположные силы — левые, которых реформы лишали исторической перспективы, и правые, усмотревшие в тех же реформах покушение на свои привилегии.

Столыпин просил царя обратиться через председателя Государственного совета к правым с рекомендацией поддержать законопроект. Один из членов Совета, В. Ф. Трепов, добившись приема у императора, высказал позицию правых и задал вопрос: «Как понимать царское пожелание, как приказ, или можно голосовать по совести?» Николай II ответил, что разумеется, надо голосовать «по совести». Правые восприняли такой ответ как согласие императора с их позицией, о чем незамедлительно проинформировали других правых членов Государственного совета. В результате 4 марта 1911 года законопроект был провален 68 голосами из 92.

Столыпин, узнав об этом, подал в отставку. Николай II сперва никак не отреагировал, но после разговора с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, предложил забрать заявление. Столыпин согласился при условии, что Дума и Государственный совет будут распущены на три дня и закон вступит в силу по специальной статье. А еще убрать его главных противников из Госсовета, с 1 января 1912 назначить туда 30 новых членов по его выбору. На это царь согласился также после

встречи с матерью.

Судьба Столыпина висела на волоске, и только вмешательство вдовствующей императрицы Марии Федоровны, убедившей своего сына поддержать позицию премьера, решило дело в его пользу.

В конце лета снова поползли слухи об отставке премьера. В августе 1911 года, находясь в отпуске в своем имении Колнобреже, Столыпин работал над проектами создания восьми новых министерств, искал резервы для резкого увеличения бюджета. Пришлось прервать эту работу в связи с поездкой в Киев для участия в торжествах по случаю открытия памятника Александру II, приуроченному к 50-летию крестьянской реформы 1861 г.

Там жизнь Петра Аркадьевича прервал выстрел агента царской охранки и анархиста М. Богрова. 5/18 сентября 1911 года Столыпин умер после смертельного ранения, полученного за четыре дня до этого, 1/14 сентября в Киевском театре. Убийство Столыпина прозвучало первым ударом колокола, возвещавшего миру о скорой кончине императорской России. Весьма возможно, что Столыпин, который понимал лучше других всю опасность войны для России, смог бы избежать ее, если бы летом 1914 года был жив…

Глава 2. Контрреволюционер. «Не запугаете!»

Столыпин начинал свою деятельность в крайне трудное для России время — в эпоху разгула революционного террора, направляемого, прежде всего, партией эсеров, разработавших целую теорию политических убийств, подкрепленную зловещей практикой. Так, например, только в декабре 1906 года были убиты генерал А. П. Игнатьев (отец автора книги «Пятьдесят лет в строю» А. А Игнатьева), петербургский градоначальник В. Ф. фон-дер-Лауниц, главный военный прокурор генерал-лейтенант А. С. Павлов. Террор был направлен и против Русской Православной Церкви. 28 мая 1908 года погиб Экзарх Грузии архиепископ Никон (Софийский), один из выдающихся деятелей Русского Православия.

Поэтому первой и главной задачей, которую должен был решить Петр Аркадьевич Столыпин, прежде чем перейти к реализации запланированных реформ, было подавление революционного движения, вылившегося в откровенный террор против государственных служащих и членов их семей.

В течение 1901–1907 годов были осуществлены десятки тысяч террористических актов, в результате которых погибло более 9 тысяч человек. Среди них были как высшие должностные лица государства, так и простые городовые. Часто жертвами становились случайные люди.

Во время революционных событий 1905–1907 годов Столыпин лично столкнулся с актами революционного террора. По разным данным, на Столыпина было совершено от 11 до 18 покушений. В него стреляли, бросали бомбы и камни, в анонимном письме террористы угрожали отравить 2-летнего сына Аркадия. Среди погибших от революционного террора были друзья и ближайшие знакомые Столыпина (к последним следует отнести, в первую очередь, В. Плеве и В. Сахарова). И в том и другом случае убийцам удалось избежать смертной казни вследствие судебных проволочек, адвокатских уловок и гуманности общества.

С самого начала своей деятельности на посту премьер-министра в день роспуска I Государственной думы (9 июля 1906 г.), Столыпин заявил о бескомпромиссной борьбе с террором. В первом же своем циркуляре (от 11 июля) он заявил: «Открытые беспорядки должны встречать неослабленный отпор. Революционные замыслы должны пресекаться всеми законными средствами… Борьба ведется не против общества, а против врагов

общества. Поэтому огульные репрессии не могут быть одобрены… Намерения государя неизменны… Старый строй получит обновление. Порядок же должен быть охранен в полной мере».

В ответ террористы объявили Столыпину войну на уничтожение.

Место взрыва 12(25) августа 1906 г.

Буквально через месяц, 12 августа 1906 года, когда Столыпин на своей даче на Аптекарском острове принимал посетителей, боевая организация эсеров подготовила на него и его семью покушение. Вот как описывает его современник (А. П. Аксаков), хорошо знавший все подробности преступления: «Спустя только месяц после назначения Столыпина Председателем Совета Министров, группа социалистов-революционеров максималистов организовала чудовищное по жестокости покушение. Произошел взрыв министерской дачи на Аптекарском острове. Вот в кратких словах описание этого события. 12 августа 1906 г., в 3 час. 15 мин. дня, во время приема у Председателя Совета Министров, к даче его у Ботанического сада подъехало ландо, в котором находилось 3 человека; из них двое были в форме офицеров. Они подъехали к даче министра уже тогда, когда запись посетителей была прекращена, а потому, несмотря на приемный день, прислуга не хотела их впускать. Они проявили намерение проникнуть силой в следующую за прихожей приемную комнату, где ждали своей очереди многочисленные посетители и находился весь состоящий при Председателе Совета Министров штат должностных лиц. Во время столкновения с прислугой, один

из злоумышленников, одетый в жандармскую офицерскую форму, бросил разрывной снаряд, тотчас же со страшной силой разорвавшийся. Силой взрыва были разворочены прихожая, прилегающая к ней дежурная комната и частью следующая за ней приемная, а также разрушен подъезд, снесен балкон второго этажа, опрокинуты выходящая в сад деревянные стены первого и второго этажей. По всему зданию прошел страшный толчок. Сила взрыва была такова, что частями разрушенных стен и выброшенных из дома предметов меблировки, а также мелкими осколками стекла была осыпана вся набережная перед дачей. Министр, принимавший просителей у себя в кабинете, остался невредимым. Его дочь и сын, находившиеся на балконе второго этажа, были ранены; первая в обе ноги, а второй в бедро с переломом кости. Находившиеся в швейцарской и в соседних комнатах лица убиты и ранены. Раскопками, произведенными нижними чинами двух полков и пожарными пяти городских частей, обнаружены 27 трупов и 32 человека с разными тяжелыми повреждениями; убийцы сами были убиты взрывом. Трупы лиц, бывших на даче, особ разных рангов и положений, среди которых были дамы и даже один младенец, найдены большей частью обезображенными, в виде бесформенных масс, без голов, рук и ног; и долго объятые ужасом, родные отыскивали среди этих обезображенных тел близких им людей. Карета скорой помощи отвезла детей министра в частную лечебницу доктора Кальмейера, куда скоро прибыл и сам П. А. Столыпин. Мальчику, сыну Столыпина, было только три года, а дочери его 14. Несчастная девочка, когда ее вытащили из-под досок и мусора, и понесли в соседний дом, говорят, спросила: «Что это — сон?» «Нет, это не сон, барышня», — ответили ей. Когда ее положили на кровать, и она увидела свои окровавленные ноги, она горько заплакала.

Адъютант Столыпина А. Л. Замятнин, фактически спасший Столыпина от смерти ценой своей жизни

Дача Столыпина после взрыва 12(25) августа 1906 г.

Несмотря на страдания детей и ужас пережитой минуты, когда среди развалин дачи он видел себя окруженным обезображенными трупами, многие из которых представлялись искалеченными остатками близких ему людей, П. А. Столыпин не

потерял присутствия духа и мужественно давал необходимые распоряжения.

«После того как детей увезли, — рассказывает один очевидец, — министр вошел в полуразрушенный кабинет, вместе с министром финансов Коковцевым, который уговаривал его перевести семейство к нему.

— Когда я вытащил свою дочь из под обломков, ноги ее повисли как пустые чулки, — говорил он. Одежда министра вся была замазана известкой, на голове у него было большое чернильное пятно, так как во время взрыва подняло стол и опрокинуло чернильницу. Столыпин хладнокровно приказал позвать офицера и сказал ему: «Поставьте караул к столу; я видел здесь человека, который хотел его открыть. Тут государственные документы». В саду позади виллы отдавал приказания молодой чиновник, прикомандированный лично к Столыпину, весь окровавленный, перевязанный, каким-то чудом спасшийся из маленькой дежурной комнаты, совершенно разрушенной. На деревьях набережной висели клочья человеческого тела…

«В тот же вечер, — продолжает тот же очевидец (Г. Сыромятников), — я был у Столыпина, он бодро говорил мне, что надеется спасти своих детей»…

Ужасное, неудачное для активных революционеров покушение, стоившее стольких жизней, и причинившее столько страданий, вызвало общий крик негодованья и ужаса. Со всех сторон полетели к Столыпину выражения искреннего соболезнования. Сам Государь удостоил его следующей сердечной телеграммой: «Не нахожу слов, чтобы выразить свое негодование; слава Богу, что Вы остались невредимы. От души надеюсь, что Ваши сын и дочь поправятся скоро, также и остальные раненые».

Все испытывали жгучее негодованье и презрение к подлым убийцам, только левые и кадетские группы, по обыкновению, высказывались сдержанно и лукаво».

Вечером семья переехала в дом премьера на Фонтанке. Вскоре по предложению императора Столыпины переселились в Зимний дворец, где охрана была надежнее.

На следующий день после взрыва на Аптекарском острове на станции Новый Петергоф эсерка З. В. Коноплянникова застрелила генерал-майора Г. А. Мина на глазах дочери и жены. Потрясенный этими событиями император приказал принять строжайший закон относительно террористов.

19 августа 1906 года был принят «Закон о военно-полевых судах», который в губерниях, переведенных на военное положение или положение чрезвычайной охраны, временно вводил особые

суды из офицеров, ведавших только делами, где преступление было очевидным (убийство, разбой, грабеж, нападения на военных, полицейских и должностных лиц). Предание суду происходило в течение суток после совершения преступления. Разбор дела мог длиться не более двух суток, приговор приводился в исполнение в 24 часа. Введение военно-полевых судов было вызвано тем, что военные суды (постоянно действующие), на тот момент разбиравшие дела о революционном терроре и тяжких преступлениях в губерниях, объявленных на исключительном положении, проявляли, по мнению правительства, чрезмерную мягкость и затягивали рассмотрение дел. В то время как в военных судах дела рассматривались при обвиняемых, которые могли пользоваться услугами защитников и представлять своих свидетелей, в военно-полевых судах обвиняемые были лишены всех прав.

Опубликованный в газетах 25 августа 1906 года «Закон о военно-полевых судах» сопровождался длинным перечнем террористических актов последнего времени и комментариями правительства, повторявшими слова П. А. Столыпина: «Революция борется не из-за реформ, проведение которых почитает своей обязанностью и правительство, а из-за разрушения самой государственности, крушения монархии и введения социалистического строя». В своей речи от 13 марта 1907 года перед депутатами II Думы премьер так обосновывал необходимость действия этого закона: «Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества».

Подавление революции сопровождалось казнями отдельных ее участников по обвинению в бунте, терроризме и поджогах помещичьих усадеб. Несмотря на несовершенство статистики и противоречивость отдельных данных, можно говорить о том, что за шесть лет действия закона с 1906 по 1911 годы по приговорам военно-полевых судов было казнено по различным данным от 683 до 6 тысяч человек (по тем временам масштаб казней для России был беспрецедентным), а к каторжным работам приговорено 66 тысяч. В основном казни приводились в исполнение через повешение.

Столыпина резко осуждали за столь жесткие меры. Смертная казнь у многих вызывала неприятие, и ее применение напрямую стали связывать с политикой, проводимой Столыпиным. В обиход

вошли термины «скорострельная юстиция» и «столыпинская реакция». В частности, один из видных кадетов Ф. И. Родичев во время выступления в Думе в запальчивости допустил оскорбительное выражение «столыпинский галстук», как аналогию с выражением Пуришкевича «муравьевский воротник» (подавивший Польское восстание 1863 года М. Н. Муравьев-Виленский получил у оппозиционно настроенной части русского общества прозвище «Муравьев-вешатель»). Премьер-министр, находившийся в тот момент на заседании, потребовал от Родичева «удовлетворения», то есть вызвал его на дуэль. Подавленный критикой депутатов Родичев публично принес свои извинения, которые были приняты. Несмотря на это, выражение «столыпинский галстук» стало крылатым. Под этими словами подразумевалась петля виселицы.

П. А. Столыпин 12 августа 1907 г. на закладке памятника погибшим 12 августа 1906 года при взрыве его министерской дачи на Аптекарском острове

Лев Толстой в статье «Не могу молчать!» выступил против военно-полевых судов и соответственно политики правительства: «Ужаснее же всего в этом то, что все эти бесчеловечные насилия и убийства, кроме того прямого зла, которое они причиняют жертвам насилий и их семьям, причиняют еще большее, величайшее зло всему народу, разнося быстро распространяющееся, как пожар по сухой соломе, развращение

всех сословий русского народа. Распространяется же это развращение особенно быстро среди простого, рабочего народа потому, что все эти преступления, превышающие в сотни раз все то, что делалось и делается простыми ворами и разбойниками и всеми революционерами вместе, совершаются под видом чего-то нужного, хорошего, необходимого, не только оправдываемого, но поддерживаемого разными, нераздельными в понятиях народа с справедливостью и даже святостью учреждениями: сенат, синод, дума, церковь, царь».

Его поддержали многие известные люди того времени, в частности, Л. Андреев, А. Блок, И. Репин. Журнал «Вестник Европы» напечатал сочувственный отклик «Лев Толстой и его «Не могу молчать».

В ответ на эти нападки Петр Аркадьевич в своей думской речи ответил: «Но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы, от царской резиденции, волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийской край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в южном промышленном районе, когда распространялись крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целости русского народа, — или действовать и отстоять то, что было ею сделано… За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей родины, мы точно так же, как и все, дадим отчет перед историей… Я убежден, что та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, — сумеет провести тут взгляды свои, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более, я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений. В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление; эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли. Все они сводятся к двум словам,

обращенным к власти: «руки вверх». На эти слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты, может ответить только двумя словами: «не запугаете».

Современники подчеркивали, что последние слова П. А Столыпина «не запугаете» прозвучали ясно и твердо, установили его неуклонно боевое отношение к революции. Слова эти имели особенно сильное значение, так как были произнесены тем человеком, дети которого еще недавно были искалечены ужасным взрывом, в то время, когда раскрывались новые и новые покушения на его собственную жизнь, и когда вокруг совершались убийства его сотрудников.

«Столыпин говорил, — писал Е. Н. Трубецкой, — как власть имеющий, как человек, сознающий свою силу. Напротив, оппозиции недоставало уверенности в себе, социал-демократы потерпели полное поражение в своих отдельных выступлениях. Что же касается молчания кадетов и других левых групп, то оно также не было победоносным… Вся русская оппозиция в этот день почувствовала себя парализованною».

Эта речь дала Столыпину сразу значение оплота силы, власти и законности, который до того как бы отсутствовал. Все почувствовали, что наступил конец параличному состоянию правительства, что власти возвращается ее ответственность, что она готова без страха дать отпор внутренним врагам и продолжать бестрепетно работу по обновлению государственной жизни.

Думская победа Столыпина встретила громадное сочувствие в широких кругах русского общества. Поздравления, приветствия и адреса со многими тысячами подписей, посылавшиеся к нему со всех сторон, еще более вдохновляли его.

Епископ Евлогий, близко знавший Столыпина, почти 30 лет спустя, уже будучи в эмиграции, вспоминал: «Эти знаменитые два слова «Не запугаете!» отразили подлинное настроение Столыпина. Он держался с большим достоинством и мужеством. Его искренняя прекрасная речь произвела в Думе сильное, благоприятное впечатление. Несомненно, в этот день он одержал большую правительственную победу…»

Однако подпольная деятельность революционных партий продолжалась. Сердца руководящей кучки революционеров не дрогнули пред клочьями разорванных на Аптекарском острове тел, пред массой бесплодно загубленных жизней, и эсеровские «боевые дружины», летучие отряды и группы бомбистов стали вновь сорганизовываться. Уже в декабре 1906 года неким Добржинским была организована «боевая дружина», которая, по поручению центрального комитета партии социалистов-

революционеров, должна была убить того же П. А. Столыпина; она была во время открыта и захвачена.

7 мая 1907 года Столыпин обнародовал в Думе «Правительственное сообщение о заговоре», обнаруженном в столице и ставившем своей целью совершение террористических актов против императора, великого князя Николая Николаевича и против самого Столыпина: «В феврале текущего года отделение по охранению общественного порядка и безопасности в Петербурге получило сведение о том, что в столице образовалось преступное сообщество, поставившее ближайшей целью своей деятельности совершение ряда террористических актов. […] В настоящее время предварительным следствием установлено, что из числа задержанных лиц значительное число изобличается в том, что они вступили в образовавшееся в составе партии социалистов-революционеров сообщество, поставившее целью своей деятельности посягательство на священную особу Государя Императора и совершение террористических актов, направленных против Великого князя Николая Николаевича и председателя Совета Министров […] В квартире оказались, действительно, члены Государственной думы».

В заговоре приняли участие 55 депутатов, и Столыпин, сообщая Думе о его раскрытии и обыске в квартире депутата Озоля, заявил, что представляется необходимым принятие мер к обеспечению правильного хода правосудия, для чего требуется разрешение Думы на привлечение нескольких ее членов в качестве обвиняемых. Премьер добавил, что всякое промедление со стороны Думы в разрешении предъявленных к ней требований или неполное их удовлетворение поставит в невозможность дальнейшее обеспечение спокойствия и порядка в государстве.

После того, как Дума не согласилась на условия правительства немедленно и перешла к процедуре обсуждения требований, царь, не дожидаясь окончательного ответа, 3 июня распустил II Государственную думу. Тогда же были арестованы все депутаты с.-д., которые еще не скрылись. Население встретило роспуск Думы совершенно спокойно: не было ни демонстраций, ни попыток устраивать забастовки.

«Революция объективно закончилась», — писал П. Б. Струве.

Еще продолжались террористические акты, аграрные волнения, но даже Ленин на конференции социал-демократов признавал, что «революционной ситуации» больше нет.

В революционном движении наступило временное затишье. П. А. Столыпин заявил: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России»

П. А. Столыпин с дочерью Натальею (1908 г.)

Манифест от 3 июня, объявивший о роспуске II Государственной думы, в тоже время объявил и о новом избирательном законе. «Измененный по инициативе Столыпина избирательный закон создал большую ответственность депутатов перед избирателями, а потому сделал выборы более сознательными; в то же время он устранил опасность переполнения Думы инородцами, сократив их число. Введением этого закона, Столыпин сделал великий шаг вперед на пути созидания нового строя русской жизни; он привел Россию к Думе работоспособной, при содействии которой удалось, наконец, стать на прочную почву законодательных работ» (А. П. Аксаков).

Новая избирательная система, которая использовалась при выборах в III Государственную думу, увеличила представительство в ней землевладельцев и состоятельных горожан, а также русского населения по отношению к национальным меньшинствам, что привело к формированию проправительственного большинства. Большинство в новоизбранной III Думе составили «октябристы». Находящиеся в

центре «октябристы» обеспечивали Столыпину принятие законопроектов, вступая в коалицию по тем или иным вопросам либо с правыми, либо с левыми членами парламента. В то же время партия Всероссийский национальный союз, которой покровительствовал премьер, лидировала в думской национальной фракции, занимавшей промежуточное положение между октябристами и правой фракцией.

По свидетельству современников, III Государственная Дума явилась «созданием Столыпина». С первых же дней деятельности этой Думы требовал разъяснений вопрос о современном государственном строе в России. Выступление Столыпина по этому вопросу состоялось 16 ноября 1907 года. При полном составе всех депутатов, в зале, заполненном публикой, на ораторской трибуне появился П. А. Столыпин. Голос его звучал громко, отчетливо и ясно. Были даны ответы на самые серьезные вопросы русской жизни.

Современник вспоминает: «Когда Столыпиным затрагивались наиболее серьезные и важные вопросы русской жизни, давались ответы на них с обычным его красноречием, — громадное большинство Государственной думы прерывало его слова горячими и громкими аплодисментами. Первый гром таких аплодисментов раздался тогда, когда он говорил о том, что разрушительное движение перешло в открытое разбойничество, и указал на его развращающее влияние на молодежь. Он говорил:

«Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение.

Противопоставить этому явлению можно только силу. Какие-либо послабления в этой области, правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты. Для этого Правительству необходимо иметь в своем распоряжении, в качестве орудия власти, должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности. Поэтому, проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считать несовместимым с государственною службою. […]

Сознавая настоятельность возвращения государства от положения законов исключительных к обыденному порядку, правительство решило всеми мерами укрепить в стране возможность быстрого и правильного судебного возмездия. Оно пойдет к этому путем созидательным, твердо веря, что, благодаря

чувству государственности и близости к жизни русского судебного сословия, правительство не будет доведено смутою до необходимости последовать примеру одного из передовых западных государств и предложить законодательным собраниям законопроекте временной приостановке судебной несменяемости.

В обстановке, когда насилие захлестнуло страну и когда Россию фактически толкали к гражданской войне, совершенно понятной становилась позиция Столыпина, выраженная словами: «Там, где аргумент — бомба, там, конечно, естественный ответ — беспощадность кары». В письме к Николаю II Петр Аркадьевич так выразил необходимость применения силы против насилия: «Тяжелый, суровый долг возложен на меня Вами же, Государь. Долг этот, ответственность перед Вашим Величеством, перед Россиею и историею диктует мне ответ мой: к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих предотвратят моря крови».

Время правления Столыпина известно нам из всевозможных публикаций, от школьных учебников до докторских диссертаций, как «столыпинская реакция», как некая мрачная эпоха. Говорили и писали об этом много, упорно, долго, создавая устойчивое представление о том, что с 1906 по 1911 год страной управляло правительство, преследовавшее любую критику своих действий, не допускавшее ни малейшего контроля над собой, и притом правительство, попранием законов.

Последнее доказывалось особенно усердно, и прежде всего потому, что лица, разжигавшие пожар мировой революции на русском пепелище и публично заявлявшие, что диктатура пролетариата есть диктатура, не ограниченная никакими законами — ни юридическими, ни нравственными, были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы все думали, будто царские министры были тоже жестоки и также не признавали ни законов, ни нравственных авторитетов. Для этой цели и был создан миф, гласящий, что казнь революционера есть преступление, а военные суды — это не что иное, как издевательство над правосудием.

В разменном историографическом обращении находились непременные клише: «скорострельная юстиция», «столыпинский галстук», «столыпинский вагон». Мало кто вспоминает, что «столыпинские вагоны» впервые появились в 1908 году как вагоны, приспособленные для перевозки переселенцев из Европейской России в Сибирь.

И если столыпинскую юстицию называть «скорострельной», а политику Столыпина именовать «реакцией», то следует восстановить истину и напомнить, что эта юстиция и эта реакция были лишь ответом, естественным реагированием на

бомбометательную практику борцов за «мировое счастье». Как государственный деятель Столыпин опирался на закон, как патриот он защищал национальные традиции, как христианин — Русскую Православную церковь.

Сам Столыпин объяснял вынужденность суровых карательных мер так: «…Повторяю, обязанность правительства, святая обязанность — ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ».

Император особым рескриптом от 1 января 1908 года, при пожаловании П. А. Столыпину звания статс-секретаря, выразил ему свою сердечную признательность за его труды, причем в числе его заслуг было особенно отмечено — «возрастающее доверие населения к правительству, особенно наглядно проявившееся при выборах в III Государственную думу, и многие отрадные признаки несомненного успокоения страны».

Наиболее тревожное время было Россией пережито. Смута закончилась.

Закон о военно-полевых судах так и не был внесен правительством на утверждение в III Государственную думу и автоматически потерял силу 20 апреля 1907 года. В итоге, вследствие принятых мер, революционный террор был подавлен, перестал носить массовый характер. Государственный порядок в стране был сохранен. И в этом была огромная заслуга П. А. Столыпина.

Глава 3. Реформатор. «Пусть расцветет наш родной, русский цвет»

На протяжении семи послереволюционных десятилетий мало что говорилось о реформаторской деятельности Столыпина за исключением его аграрной реформы. А между тем, 25 августа 1906 года в газетах, одновременно с «Законом о военно-полевых судах» была опубликована обширная программа экономических и политических преобразований, намеченных правительством.

В этот список входили: свобода вероисповеданий, неприкосновенность личности и гражданское равноправие, улучшение крестьянского землевладения, улучшение быта рабочих (государственное страхование), введение земства в Прибалтийском и в Западном крае, земское и городское самоуправление в Царстве Польском, реформа местного суда, реформа средней и высшей школы, введение подоходного налога, объединение полиции и жандармерии и издание нового закона об исключительном положении. Упоминалось также об ускорении подготовки созыва церковного собора и о том, что будет рассмотрен вопрос, какие ограничения для евреев, «вселяющие лишь раздражение и явно отжившие», могут быть немедленно отменены.

Совершенно очевидно, что хотя сердцевину реформ составляли идеи преобразования общинного землевладения, обеспечение политики и практики переселения и нововведений в школе, но знаменитая столыпинская реформа была задумана Петром Аркадьевичем как многоаспектное изменение страны, включающее модернизацию земской управы и судебного дела, улучшение положения рабочих, новую организацию кредитного дела, проведение новых коммуникаций и многое другое.

Столыпин придавал огромное значение созданию для реформ благоприятного социального фона, без чего, по его мнению, немыслимо было их успешное завершение. Издавна считалось, что любая реформа ухудшает экономическое положение и вносит дисбаланс в общество, подводя его подчас к опасной черте, за которой может последовать обвал, надлом, а то и социальная катастрофа.

То, что подобные суждения не лишены смысла, мы можем подтвердить опытом последних радикально-экономических

реформ, проводимых в стране с 1992 года. Цена их, как известно, оказалась слишком высока. Особенно социальная цена. В результате — массовое обнищание населения, потеря трудящимися своих важнейших социальных завоеваний: права на отдых, на труд, бесплатное образование, лечение и т. д.

Очевидно, главная причина кроется в том, что к рулю управления реформами были допущены люди лишенные «государственного настроения души», говоря словами философа Ивана Ильина. Их основные усилия были направлены на то, чтобы насильственно внедрить на российской почве методики, некритично заимствованные (а точнее, разработанные) на Западе в недрах международных финансово-экономических структур. Все это толкнуло страну на путь освобождения от ее исторического прошлого, от культурных и нравственных традиций нашего народа.

Примечательно, что начал Столыпин не с низов, как это часто бывает, а с самой верхушки, т. е. с правительства. Он понимал, что проводить реформу предстояло все-таки ей, и он пошел на весьма смелый шаг, попытавшись в корне изменить отношение к правительству в Государственной Думе.

Столыпин был центром правительственной власти. Все государство в это время целиком олицетворялось его личностью. Петр Аркадьевич все это хорошо понимал, хотя и старался не злоупотреблять этим. Напротив, при каждом удобном случае он подчеркивал свои симпатии и уважение к народному представительству и его органу — Государственной Думе. По словам Н. П. Шубинского, жесткость силовых решений правительства всегда удачно драпировалась его подчеркнутым уважением к народному представительству и разнообразным выразителям его — от признанных вождей до самых мелких сошек. Выступая в Думе, Столыпин не уставал страстно повторять: тут нет ни судей, ни обвиняемых. Эти скамьи (указывал он на правительственные кресла) — не скамьи подсудимых, а места правительства России. При этом он был далек от мысли о том, что в эпоху реформ правительство вообще не подлежит критике. Члены правительства — это такие же люди, как и все, которым свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Хотя, безусловно, все злоупотребления должны быть осуждаемы и судимы.

П. А. Столыпин в Зимнем дворце (1908 г.)

Выступая в Думе, Столыпин неизменно подчеркивал органичность и национальную идентичность реализуемых им реформ. «Я хочу, — говорил он, — еще сказать, что все те реформы, все то, что только что Правительство предложило вашему вниманию, — ведь это не сочинено, мы ничего насильно, механически не хотим внедрять в народное сознание, — все это глубоко национально. Как в России до Петра Великого, так и в послепетровской России местные силы всегда несли служебные государственные повинности. Ведь сословия, — и те — никогда не брали примера с Запада, не боролись с властью, а всегда служили ее целям. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свои силы в этих русских национальных началах. Каковы они? В развитии земщины, в развитии, конечно, самоуправления, передаче ему части государственных обязанностей, государственного тягла, — и в создании крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью… Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужестранный цветок. Пусть расцветет наш родной, русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного ею нового представительного строя. Вот, господа, зрело обдуманная правительственная мысль, которою воодушевлено правительство… Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в

течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть осуществлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: *неуклонная приверженность к русским историческим началом.* Это противовес беспочвенному социализму, это желание, это страстное желание и обновить, и просветить, и возвеличить родину, в противность тем людям, которые хотят ее распада.

П. А. Столыпин в своем кабинете Зимнем дворце (1907 г.)

Если, выступая в первой Думе, в своих речах Столыпин наметил только некоторые вехи правительственной деятельности, то во вторую он явился уже с подробной, строго продуманной и вполне реальной программой. Призывая Думу к совместной работе с правительством, и говоря о системе зашиты правительственных законопроектов, он заявлял о готовности правительства относиться с полным вниманием к тем мыслям, которые будут противополагаться мысли правительственного законопроекта, и добросовестно решать, совместимы ли они с благом государства, с его укреплением и величием; в то же время он признавал необходимым учитывать все интересы, вносить все изменения, требуемые жизнью и, если это будет нужно, подвергать законопроекты переработке согласно выяснившейся во время обсуждения жизненной правде.

Не борьба с революцией (это была задача текущего момента), а именно реформирование всех сторон государственной жизни было главным направление деятельности Столыпина. А его реформы, прежде всего, основывалось на прекрасном состоянии

русских финансов.

Ежегодно расходы бюджета увеличивались на 72 миллиона рублей, а доходы — на 75–80 миллионов. Несмотря на то, что Русско-японская война обошлась казне в огромную сумму — 2,3 миллиарда рублей, Россия нашла средства не только на покрытие ежегодных бюджетных расходов, но и на сокращение государственного долга. Если к концу 1909 года долг по государственным займам достиг наивысшей после Русско-японской войны суммы — 9,054 миллиарда рублей, то к концу 1913 года он понизился на 230 миллионов рублей.

Каким именно направлениям правительственной политики отдавал наибольшее предпочтение Столыпин? Об этом свидетельствует, например, бюджет на 1911 год. В нем расходы по Министерству народного просвещения увеличились по сравнению с предыдущим годом на 28,4 процента, по Морскому министерству — на 21,3 и по Главному управлению землеустройства и земледелия — на 18,6 процента. К лету 1911 года Столыпин разработал план новых, еще более обширных преобразований, для финансирования которых он намеревался увеличить бюджет более чем в 3 раза — до 10 миллиардов рублей, прежде всего за счет повышения крайне низких по сравнению с европейскими странами налогов. Когда же в 1912 году в Думе встал вопрос о возможности выполнения гигантской — так называемой Большой судостроительной — программы, министерство финансов заверило Думу, что для осуществления этой программы нет никакой необходимости прибегать к займам в течение ближайших десяти лет. Считалось возможным одновременно финансировать и военные, и гражданские программы при условии ежегодного роста доходов в 3,5 процента: в годы правления Столыпина эта цифра доходила до 4 процентов.

Благодаря постоянному превышению доходов над расходами свободная наличность государственного казначейства достигла к концу 1913 года небывалой суммы — 514,2 миллиона рублей. Эти средства пригодились как нельзя кстати в августе 1914 года, когда разразилась Первая мировая война. К ее началу золотой запас России достиг 1,7 миллиарда рублей, и русское правительство могло обеспечить металлическим покрытием более половины всех кредитных билетов, в то время как в Германии, например, считалось нормальным покрытие только на одну треть.

Такое прекрасное состояние финансов позволило правительству начать реализацию всего комплекса запланированных реформ. Не будем пока касаться аграрной реформы, выделив ее в отдельную главу, рассмотрим другие аспекты задуманного Столыпиным преобразования страны.

Реформа образования

Одной из самых жгучих проблем России начала XX века было состояние образования. Насколько нетерпимо обстояло дело с образованием, в особенности в провинциальной глубинке, говорит хотя бы такой пример из жизни Пензенской губернии: в 1906 году в Мокшанском уезде в школах и училищах всех типов обучение проходили лишь 45 процентов мальчиков и 17 процентов девочек школьного возраста. Стремление к развитию в России образования охватило все общество, и в данном случае Столыпин мог опираться на достаточно мощную поддержку в Думе.

Общие расходы только по Министерству народного просвещения повысились с 1907 по 1911 год более чем вдвое — с 45,9 до 97,6 миллиона рублей. Кроме того, в 1911 году расходы на науку и просвещение по смете Святейшего Синода превысили 18 миллионов рублей, а по смете других ведомств — еще 27 миллионов рублей. За это же время (1907–1911) расходы на высшее образование увеличились с 6,9 до 7,5 миллиона рублей. В 1909 году в Саратове был открыт университет.

Более заметно росли ассигнования на среднее образование: на гимназии, реальные и технические училища, учительские институты, семинарии и школы. С 1907 по 1911 год расходы на эти цели увеличились с 13,8 до 17,1 миллиона рублей. Однако максимальные средства выделялись на начальное образование. Если в 1907 году на него расходовалось 9,7 миллиона рублей, то в 1911 году-уже 39,7 миллиона. Министерство народного просвещения предоставляло земствам и городам кредиты на введение всеобщего обучения. К лету 1911 года сумма таких кредитов достигла 16,5 миллиона рублей.

Посещение П. А. Столыпиным собрания студентов-академистов в Лесном, близ Санкт-Петербурга (октябрь 1910 года)

В июне 1908 года в связи с введением всеобщего начального образования в России III Государственная Дума ассигновала дополнительно еще 6,9 миллиона рублей. Часть этих средств направлялась на постройку и оборудование училищ, часть — на выдачу училищам пособий, которую предназначались исключительно на содержание учителей, а следовательно, обучение в училищах становилось бесплатным и города и земства могли не сокращать расходов на народное образование. По планам Министерства народного просвещения, все дети дошкольного возраста должны были получить со временем бесплатное минимальное образование. Соответствующие планы разрабатывались и земствами.

В 1911 году в России насчитывалось свыше 100 тысяч начальных школ, из них почти 60 тысяч принадлежало министерству народного просвещения, а 34 тысячи были церковноприходскими, причем во всех этих школах обучалось 6 миллионов человек. В 1911 году в церковно-приходских школах прошло обучение около 1,5 миллиона человек. Долгие десятилетия о церковных школах даже не упоминалось, тогда как именно они сыграли огромную роль в распространении образования среди малоимущих слоев населения и по преимуществу в сельской местности. В 1908 году в церковных школах работало — в подавляющем большинстве случаев бесплатно — более 40 тысяч законоучителей, в том числе — 32

тысячи священников. Преподавались и общеобразовательные предметы, и здесь учителями часто также были священники, диаконы, псаломщики. Общие расходы на церковные школы в 1907 году составили 16,7 миллиона рублей — эта сумма складывалась из средств Синода и епархий.

Наравне с Русской Православной церковью чрезвычайно много для народного просвещения делало земство. В августе 1911 года в Москве состоялся (благодаря содействию Столыпина) первый общеземский съезд по народному образованию. Более трехсот делегатов, представлявших всю Россию, и 42 приглашенных на съезд специалиста разработали подробную систему развития образования и его материального обеспечения. 21 августа съезд постановил: «Признать введение общедоступности начальной школы неотложным… Признать желательным принцип обязательности начального обучения».

Петру Аркадьевичу, безусловно, было легче проводить свою политику в области образования, когда две мощные силы дореволюционной России — Православная Церковь и земство — поддерживали его начинания. Летом 1911 года он составил проект увеличения числа средних учебных заведений до 5 тысяч, а высших — до 1–1,5 тысячи к 1933–1938 годам. Плату за обучение предполагалось установить незначительную, с тем, чтобы даже малоимущие классы могли получать высшее образование.

Земская реформа

По плану Столыпина, земельная реформа должна была проходить одновременно с развитием земщины, развитием самоуправления путем сдачи ему, как он говорил, части государственных обязанностей, государственного тягла. Именно таким образом можно было создать крепких людей земли, тесно связанных с государственной властью, которые обеспечивали бы социальное спокойствие и порядок в стране. Но при этом подобное усиление, как мы бы сейчас сказали, региональной власти не должно было вредить единству России.

П. А. Столыпин. Портрет работы И. Репина (1910 г.)

Сам Петр Аркадьевич считал реформу местного самоуправления особенно в Западном крае, важнейшей составной частью своей программы. Выступая в Думе, он говорил:

«Сейчас у нас на очереди другая важная реформа Я говорю о реформе местной. Проектируемому правительственным законопроектом институту уездных начальников приписывают стремление умалить авторитет уездных предводителей. Это совершенно несправедливо. Исторически, традиционно сложившаяся крупная местная сила является авторитетом, который правительству ломать не приходится. Задача заключается в том, чтобы суметь скомбинировать с этою местною властью, остающеюся в уезде первенствующею, власть доверенного, уполномоченного правительственного лица. Наше местное управление должно быть построено по той же схеме, как и во всех других благоустроенных государствах. Посмотрите на Францию и Германию. Везде одно и то же. Внизу основой всего — самоуправляющаяся ячейка — сельская община, на которую возложены многие обязанности и государственные, как то: дела полицейские, дела по воинской повинности и проч. Ни у одного государства нет материальных средств, чтобы довести принцип

разделения власти правительственной и общественной до самых низов государства. Но уже в уездах везде на западе мы видим подобное разделение. Наряду с самоуправляющимися единицами во Франции — правительственные супрефекты, в Германии — правительственные ландраты. Нечто аналогичное предстоит и в России…

П. А. Столыпин разговаривает с хуторянином Лащенковым и старостой близ Москвы (август 1910 года)

Новое земство, по правительственному законопроекту, должно перестать быть сословным, но землевладельцы должны сохранить в нем свое влияние. Землевладелец — это крупная культурная сила в великом деле устроения государства. Напрасно опасаются, что, в случае принятия законопроекта, старые испытанные земские работники, создавшие в течение 40 последних лет нынешнее земство, будут затерты новыми лицами. Они будут ими не затерты, а подкреплены…

Итак, на очереди главная задача — укрепить низы. В них вся сила страны. Их более ста миллионов. Будут здоровые и крепкие корни у государства, поверьте, и слава русского правительства совсем иначе зазвучит перед Европой и перед целым миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа — вот девиз для всех нас русских. *Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего и вы не узнаете нынешней России».*

Столыпин придавал важное значение земской реформе в Западном крае, где русское население (белорусы и малороссы) находились в неравном положении по отношению к другим

национальностям, прежде всего, полякам, из которых состояла большая часть землевладельцев. Закон о земстве в Западном крае был неразрывным, неотъемлемым звеном, входившим в цельную планомерную национальную политику, был делом любви Столыпина к России, к народу русскому и к пахарю западного края. Не полицейскими мерами, говорил он, спасем мы белоруса и малоросса от экономического и культурного гнета польских помещиков. Тут необходим сильный подъем русской культуры, которого мы без русского земства не достигаем. Отдавая дань уважения польской культуре, он, как глубоко русский человек, открыто заявлял, что есть культура, которая ему милей и ближе — русская культура для русского народа. Его политика не была политикой угнетения, устранения какой либо из нерусских народностей, а чисто положительной политикой, стремящейся поднять русскую культуру и экономическую силу русского на рода.

Председатель Совета Министров, Статс-Секретарь П. А. Столыпин

Обсуждение и принятие Закона о земстве в Западных губерниях вызвало «министерский кризис» и стало последней победой Столыпина перед его смертью.

Предпосылкой будущего конфликта стало внесение правительством законопроекта, который вводил земство в губерниях Юго-Западного и Северо-Западного. Законопроект

значительно уменьшал влияние крупных землевладельцев (представленных, в основном, поляками, доля которых в этих губерниях составляла от 1 до 3,4 %) и увеличивал права мелких (представленных русскими, украинцами и белорусами).

В этот период деятельность Столыпина протекала на фоне усиливавшегося влияния оппозиции, где против премьер-министра сплотились противоположные силы — левые, которых реформы лишали исторической перспективы, и правые, усмотревшие в тех же реформах покушение на свои привилегии и ревностно относившиеся к быстрому возвышению выходца из провинции.

Лидер правых, не поддерживавших этот законопроект, П. Н. Дурново писал царю о том, что «проект нарушает имперский принцип равенства, ограничивает в правах польское консервативное дворянство в пользу русской «полуинтеллигенции», создает понижением имущественного ценза прецедент для других губерний». Столыпин, выступавший за этот закон, представлялся правым чуть ли не опаснейшим революционером.

Столыпин просил царя обратиться через председателя Государственного совета к правым с рекомендацией поддержать законопроект. Один из членов Совета, В. Ф. Трепов, добившись приема у императора, высказал позицию правых и задал вопрос: «Как понимать царское пожелание, как приказ, или можно голосовать по совести?» Николай II ответил, что, разумеется, надо голосовать «по совести». Трепов и Дурново восприняли такой ответ как согласие императора с их позицией, о чем незамедлительно проинформировали других правых членов Государственного совета. В результате 4 марта 1911 года законопроект был провален 68 голосами из 92.

Карикатура на Столыпина

Утром следующего дня Столыпин отправился в Царское Село, где подал прошение об отставке, объяснив, что не может работать в обстановке недоверия со стороны императора. Николай II говорил, что не хочет лишаться Столыпина, и предлагал найти достойный выход из создавшегося положения. Столыпин поставил царю ультиматум — отправить интриганов Трепова и Дурново в длительный заграничный отпуск и провести закон о земстве по 87-й статье. 87-я статья Основных законов предполагала, что царь может самолично проводить те или другие законы в период, когда Государственная дума не работает. Статья была предназначена для принятия неотложных решений во время выборов и междумских каникул.

Близкие к Столыпину люди пытались отговорить его от столь жесткого ультиматума самому царю. На это он отвечал: «Пусть ищут смягчения те, кто дорожит своим положением, а я нахожу и честнее, и достойнее просто отойти совершенно в сторону. Лучше разрубить узел разом, чем мучиться месяцами над работой разматывания клубка интриг и в то же время бороться каждый час и каждый день с окружающей опасностью».

Судьба Столыпина висела на волоске, и только

вмешательство вдовствующей императрицы Марии Федоровны, убедившей своего сына поддержать позицию премьера, решило дело в его пользу. В воспоминаниях министра финансов В. Н. Коковцова приводятся ее слова, свидетельствующие о глубокой благодарности императрицы к Столыпину: «Бедный мой сын, как мало у него удачи в людях. Нашелся человек, которого никто не знал здесь, но который оказался и умным, и энергичным и сумел ввести порядок после того ужаса, который мы пережили всего 6 лет тому назад, и вот — этого человека толкают в пропасть, и кто же? Те, которые говорят, что они любят Государя и Россию, а на самом деле губят и его и родину. Это просто ужасно».

Император принял условия Столыпина через 5 дней после аудиенции у Николая II. Дума была распущена на 3 дня, закон проведен по 87-й статье, а Трепов и Дурново отправлены в отпуск.

Дума, проголосовавшая ранее за указанный закон, восприняла это как полное к себе пренебрежение. Лидер «октябристов» А. И. Гучков в знак несогласия покинул пост председателя Государственной думы. Впоследствии на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 2 августа 1917 г. Гучков говорил о Столыпине, что «человек, которого в общественных кругах привыкли считать врагом общественности и реакционером, представлялся в глазах тогдашних реакционных кругов самым опасным революционером».

Военная реформа

Почти ничего до недавнего времени не было известно о деятельности П. А. Столыпина по обеспечению «мировых интересов» России, то есть по укреплению обороноспособности страны, в первую очередь, по усилению флота. Забота Столыпина об обороне России была продиктована не только «мировыми интересами» страны. Другая, столь же немаловажная причина заставляла уделять самое пристальное внимание российским вооруженным силам. По свидетельству С. Д. Сазонова, Столыпин неоднократно повторял, что для успеха русской революции необходима война, без нее она бессильна. Петр Аркадьевич понимал, что революция станет бессильной тогда, когда наиболее острые проблемы русской жизни, дающие пищу для революционной агитации, будут решены, причем решены мирно и на прочной законной основе.

П. А. Столыпин и Министр Двора Барон Фредерике на «Штандарте» (Рига, 1910 г.)

Именно Столыпин был инициатором восстановления русского флота, крайне ослабленного после Русско-японской войны 1904–1905 годов. В июне 1908 года Столыпин заявил: «Великие мировые державы имеют и мировые интересы. Великие мировые державы должны участвовать и в международных комбинациях, они не могут отказываться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот — это тот рычаг, который дает возможность осуществить это право, это необходимая принадлежность всякой великой державы, обладающей морем».

В 1909 году Столыпин добился начала строительства на Балтике первых русских кораблей-дредноутов. В 1911 году ему удалось провести через Думу законы об усилении Балтийского и Черноморского флотов (на это выделялось 222 миллиона рублей). Уже после смерти Столыпина, в 1912 году, Дума приняла «Большую судостроительную программу» на 430 миллионов рублей. И это отнюдь не было гонкой вооружений. В 1909 году затраты Германии на военно-морской флот превосходили расходы России на эти же цели почти в 2 раза. В США расходы на военный флот были в 2,9 раза, а в Англии — в 3,5 раза больше, чем в России.

Выступая в Думе, Столыпин сказал, что отказ в кредитах

флоту будет равносилен «изъятию одного из краеугольных, одного из важнейших камней. Отказ — это будет остановка… При теперешнем мировом состязании народов такая остановка гибельна».

Из-за того, что Дума не всегда поддерживала требования военных, Россия к началу Первой мировой войны (август 1914 года) имела всего 1 линкор-дредноут в строю и 3 линкора-дредноута почти готовых, но еще не прошедших ходовых испытаний. Англия имела тогда 22 дредноута, Германия — 16 дредноутов.

Балтийские линейные корабли-дредноуты типа «Севастополь» (спущены на воду в июне-октябре 1911 года) были лучшими в мире. Они превосходили современные им английские линкоры типа «Белерофон» и «Сент-Винсент», германские типа «Нассау», «Остфрисланд» и «Кайзер», американские типа «Делавар», французские типа «Жан Бар». В 1912–1917 годах Россия строила на Черном море усовершенствованные линейные корабли типа «Императрица Мария» (решение об их постройке было принято еще в августе 1911 года). Линкоры «Севастополь» развивали скорость до 24 узлов, то есть на 2–4 узла больше своих зарубежных конкурентов. Русские корабли имели и более сильное вооружение. Перевес в скорости хода и мощи артиллерии позволял русским линкорам навязывать противнику время и дистанцию боя. К тому же русские снаряды были и сильнее немецких того же калибра. На больших (свыше 4 километров) дистанциях боя, а именно на таких дистанциях велись морские сражения во время Первой мировой войны, преимущество более тяжелых снарядов сказывалось особенно заметно. Поэтому итальянский журнал «Ривиста маритима» совершенно справедливо писал: «…С технической точки зрения несомненно, что в русских кораблях наиболее разумно соединены крупная сила, хорошее бронирование и отличная скорость с крайне умеренным водоизмещением».

Примечательно, что «Севастополь» и однотипные «Гангут» и «Петропавловск» участвовали в Великой Отечественной войне, защищали Севастополь и Ленинград. «Севастополь» и «Гангут» (переименованный в «Октябрьскую революцию») оставались в составе нашего флота до 1956 года. Линейный корабль «Императрица Мария» после революции был разобран, но его 305-миллиметровые орудия главного калибра участвовали в 1942 году в защите Севастополя в составе артиллерии береговой обороны.

Столыпин был убежден, что «России нужен могучий линейный флот, который опирался бы на флот миноносный и

подводный». Уже в 1911 году был спущен на воду новейший эскадренный миноносец «Новик», ставший головным кораблем в серии эсминцев. Ему принадлежал мировой рекорд скорости — 37,3 узла. В Великой Отечественной войне участвовали 17 эсминцев типа «Новик», а 7 из них оставались в составе нашего флота до начала 50-х годов. При Столыпине быстро развивался и русский подводный флот, постоянно пополнявшийся все новыми подводными лодками конструкции выдающегося кораблестроителя И. Г. Бубнова.

Когда в 1908 году многие выдающиеся деятели III Государственной думы, возмущенные глубокими непорядками, продолжавшими царить в морском ведомстве, в особенности по делу судостроения, решили демонстративно отказать в кредите на судостроение, не превышавшем тогда 11000000, надеясь вызвать тем ускорение реформирования ведомства, П. А. Столыпин, становясь выше партийных технических требований, выше ведомственных интересов и даже выше правительственной точки зрения, возвышаясь до уровня государственной идеи, призывал к тому же и членов Думы:

«Для всех, кажется, теперь стало ясно, что только тот народ имеет право и власть удержать в своих руках море, который может его отстоять… Беззащитность на море так же опасна, как и беззащитность на суше… Вот почему дело кораблестроения везде стало национальным делом…

Эти вот простые соображения привели правительство к тому выводу, что России нужен флот. А на вопрос, какой России нужен флот, дала ответ та же комиссия государственной обороны, которая выразилась так: России нужен флот дееспособный. Это выражение я понимаю в том смысле, что России необходим такой флот, который в каждую данную минуту мог бы сразиться с флотом, стоящим на уровне новейших научных требований. Если этого не будет, если флот у России будет другой, то он будет только вреден, так как неминуемо станет добычей нападающих. России нужен флот, который был бы не менее быстроходен и не хуже вооружен, не с более слабой браней, чем флот предполагаемого неприятеля. России нужен могучий линейный флот, который опирался бы на флот миноносный и на флот подводный, так как отбиваться от тех плавучих крепостей, которые называются броненосцами, нельзя одними минными судами. Вам известно, господа, что со времени окончания войны в морском ведомстве были произведены спешные работы. …Но нет, нет, господа, той волшебной палочки, от соприкосновения которой в один миг может переустроиться целое учреждение.

Поэтому, если ожидать окончательного переустройства ведомства, если ожидать ассигнования колоссальных сумм на приведение в исполнение полной программы судостроения, то в деле приведения в порядок обломков нашего флота, наших морских сил, расстроенных последней войной, пришлось бы примириться с довольно продолжительной остановкой.

К чему же, господа, привела бы такая остановка? На этом не могло не остановить своего внимания правительство. Вникните, господа, в этот вопрос и вы. Первым последствием такой остановки… было бы, несомненно, расстройство наших заводов, на которое я указывал в комиссии государственной обороны и на что мне обстоятельно никто не возразил. То, что в других государствах оберегается, бережно наращивается, развивается технический опыт, знание, сознание людей, поставленных на это дело, все то, что нельзя купить за деньги, все то, что создается только в целый ряд лет, в целую эпоху, все это должно пойти на убыль, все это должно прийти в расстройство.

Господа, ваши нападки, ваши разоблачения сослужили громадную услугу флоту, они принесли и громадную пользу государству; более того, я уверен, что при наличии Государственной думы невозможны уже те злоупотребления, которые были раньше. Я уверен, что всякая заминка в деле флота будет для него гибельной, нельзя на полном ходу останавливать или давать задний ход машине — это ведет к ее поломке. Господа, в деле воссоздания нашего морского могущества, нашей морской мощи может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль — «вперед»».

Глава 4. Аграрная реформа. «Дать толчок организму…»

Реформа 1861 года, освободившая крестьян от крепостной зависимости, не смогла решить поставленных перед ней задач, главными из которых были снять социальное напряжение в среде аграрного населения Центра России и дать толчок развитию капиталистического производства. Более того, положение крестьян европейской части России в последующие десятилетия продолжало ухудшаться. Это было связано не в последнюю очередь с тем, что количество крестьян в этой части Российской империи, составлявшее 50 миллионов в 1860-х годах, за четыре десятилетия выросло до почти 90 миллионов. Это привело к тому, что земельный надел, составлявший в 1860-х годах в среднем около 5 десятин (1 десятина равна 1,09 га) на душу населения, сократился к началу XX века до 3 десятин. При этом крайне медленно росла урожайность зерновых, которая за то же время увеличилась с 30 до 39 пудов с десятины. Таким образом, население выросло на 80 %, а урожайность всего на 30 %. Шло обнищание крестьянского населения европейской части России.

Попытки правительства исправить создавшееся положение не принесли результатов и не шли дальше сбора статистических данных и теоретических рассуждений. Основная причина этого заключалась в том, что как общественное мнение, так и государственные организации единственный выход из создавшейся ситуации видели в увеличении крестьянских наделов за счет земельных владений других землевладельцев, и прежде всего, дворян. На это правительство пойти не решалось.

Кроме того, простой передел земли не решал проблему, а только откладывал неизбежный кризис, что понимало и руководство государства. П. А. Столыпин своей речи в Думе по аграрному вопросу 10 мая 1907 года пытался убедить депутатов, что «путем переделения всей земли государство в своем целом не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль…» «В настоящее время государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: взять и разделить все 130000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю

тришкина кафтана — обрезать полы, чтобы сшить из них рукава? Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь…»

Представление о «земельной тесноте» в России не вяжется с тем фактом, что она в начале XX века была самой редконаселенной страной Европы. Россия обладала наибольшим земельным простором по сравнению с другими европейскими державами. Удобной земли приходилось в это время на 1 человека населения в Европейской России 2,1 десятины, во Франции 0,82 десятины, в Германии 0,62 десятины, в Великобритании 0,48 десятины.

Необъятные земельные просторы России уже до революции принадлежали, по большей мере, крестьянам. В 1905 году в 50 губерниях Европейской России (т. е. без Польши, Кавказа и Финляндии) было всего 395 миллионов десятин земли; из них около 150 миллионов десятин принадлежало казне, но это были огромные пространства северных и северо-восточных лесов и полярной тундры (почти все казенные земли, удобные для земледелия, были отведены в 60-х годах в надел государственным крестьянам). Остальная масса земель — около 240 миллионов десятин — состояла из двух категорий: 139 млн. десятин «надельных» земель (в том числе 124,1 млн. десятин крестьянских и 14,7 млн. десятин казачьих земель) и 101,7 млн. десятин земель частновладельческих. Однако из последней категории в 1905 г. лишь около половины, 53,2 млн. десятин, принадлежало дворянам; остальные земли частного владения распределялись следующим образом: крестьянам и крестьянским товариществам принадлежало 24,6 млн. десятин, купцам и торгово-промышленным компаниям — 16,7 млн. десятин, мещанам и другим сословиям — 6,5 млн. десятин. В целом, крестьянам в 1905 году принадлежало 164 млн. десятин, дворянам 53 млн. десятин. Таким образом, Россия в отношении земледелия уже до революции была страной, в которой крестьянское землевладение преобладало над крупным частновладельческим в гораздо большей степени, чем в других европейских странах.

Что касается величины крестьянских земельных наделов, то и здесь о «малоземелье» можно говорить лишь в весьма ограниченном смысле. В 1905 году из общего количества 12 млн. крестьянских дворов менее 5 десятин на двор имели 2,857 тыс. дворов (23,8 % общего числа дворов); от 5 до 10 десятин на двор имели 5,072 тыс. дворов (42,3 %); свыше 10 десятин — 4,070 тыс. дворов (33,9 %). Таким образом, общее число действительно

малоземельных крестьян составляло в начале XX века менее 1/4 всего российского крестьянства. Во всяком случае, бедствующие российские крестьяне были снабжены землей в гораздо больших размерах, чем их процветающие и благоденствующие европейские собратья.

Главной причиной этого бедствия была система сельского хозяйства. Прежде всего, это было устаревшее трехполье, при котором 1/3 пахотной земли «гуляет» под паром. Затем, крестьянская земля не принадлежала своему пахарю на правах собственности, она принадлежала общине, которая распределяет ее по «душам», по «едокам», по «работникам» или иным каким-либо способом (из 138 млн. десятин надельных земель около 115 млн. десятин были общинные земли; только в западных областях крестьянские земли находились в подворном владении своих хозяев, и надо отметить, что эти области не знали повальных голодовок, и что урожайность крестьянских полей была там выше, чем в центральных областях государства). Характерными и неизбежными чертами общинного землевладения были чересполосица и принудительный (трехпольный) севооборот, поля делились сначала на несколько больших кусков, по степени отдаленности их от селения и по качеству почвы, а потом в каждом из этих участков отводились полосы отдельным домохозяевам, которым доставалось, таким образом, иногда по несколько десятков разбросанных и узких полос. Ясно, каким сильным тормозом сельскохозяйственного прогресса, каким серьезным и труднопреодолимым фактором рутины и застоя в земледелии являлся такой способ землепользования.

Несмотря на очевидный экономический вред общинного крестьянского землевладения, крестьянская земельная община долго почиталась одним из незыблемых и неприкосновенных «устоев» Российского государства; ее поддерживали, защищали и охраняли все — от славянофилов и Чернышевского до Победоносцева и Александра III. «Народники» усматривали в общине зародыш или ячейку будущего социалистического строя; «охранители» считали ее основным устоем патриархально-консервативного быта. До самой революции 1905 г. правительство считало неприкосновенным строй существующего крестьянского землевладения. Законом 1893 года было запрещено отчуждение надельных земель, а через 10 лет манифест 26 февраля 1903 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», напоминая царский обет «свято блюсти вековые устои Державы Российской», предписывал произвести пересмотр законодательства о крестьянах, при этом,

однако «в основу сих трудов положить неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения» (и сохранение сословного строя). Те же предписания содержал Высочайший (т. е. императорский) указ Сенату 8 января 1904 г. «О пересмотре законодательства о крестьянах»; и наконец, неприкосновенность этих принципов подтверждалась в циркуляре министра внутренних дел начальниками губерний 31 декабря 1904 года, т. е. буквально накануне революции (С. Г. Пушкарев).

П. А. Столыпин разговаривает с хуторянами близ Москвы (август 1910 г.)

Однако крестьянские волнения 1905–1907 годов заставили правительство постепенно пересмотреть свои позиции в этом вопросе. Летом 1905 года аграрные волнения достигли невиданного ранее размаха. Правительство, занятое борьбой с разного рода революционными возмущениями, не имело возможности заниматься ничем, кроме как подавлением наиболее опасных из этих волнений. Но уже 4 марта 1906 года учреждаются землеустроительные комиссии, пока что еще с очень небольшими и плохо продуманными полномочиями. Из указа об учреждении комиссий видно, что правительство еще не вполне продумало свою аграрную программу. Главноуправляющий землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлер подготовил правительственный законопроект, предусматривавший (в духе предложений кадетского большинства думы) принудительное отчуждение части помещичьих земель. Но I Государственная дума

была распущена, так и не сумев найти общий язык с правительством. Аграрные волнения с весны 1906 года возобновились с еще большей силой, и к моменту роспуска I Думы количество инцидентов достигло исторического максимума.

1906 год оказался крайне неурожайным. Правительство интенсивно оказывало дорогостоящую продовольственную помощь, которую сельское население, привыкшее считать ее обязательным подарком («царевым пайком»), принимало без благодарности.

Политическая ситуация продолжала оставаться неопределенной. Хотя правительство уже подготовило основополагающие документы реформы, последующие события могли развиваться различными путями. Можно было предположить, что Вторая Дума, избранная по тому же закону, что и Первая, окажется столь же радикально настроенной. Что произойдет дальше — роспуск Думы, налаживание работы с ней, отмена или реформа думской системы — никто еще не мог представить.

П. А. Столыпин выслушивает объяснения подробностей хуторского хозяйства близ Москвы (август 1910 г.)

Революционные события 1905–1907 годов обнаружили иллюзорность правительственных надежд на консерватизм крестьянской массы. С другой стороны, П. А. Столыпин,

пришедший к власти в 1906 году, внимательно наблюдавший и хорошо знавший сельскую жизнь уже задолго до своего призыва на пост премьера, пришел к заключению, что крестьянская поземельная община является элементом косности и рутины, тормозом экономического развития и социального прогресса в деревне.

Премьер принял решение принимать все необходимые законоположения, не дожидаясь созыва II Думы, по статье 87 Основных законов. Данная статья позволяла правительству принимать неотложные законы без утверждения Думой в перерыве между роспуском одной Думы и созывом новой (а также во время думских каникул), с обязательством внести эти законы в Думу в двухмесячный срок со дня ее открытия.

12 августа 1906 года вышел указ о передаче Крестьянскому банку состоящих в сельскохозяйственном пользовании удельных земель (принадлежавших императорской фамилии), 27 августа — указ о порядке продажи казенных земель, годных для обработки, 19 сентября — указ об использовании для удовлетворения земельной нужды кабинетных земель на Алтае (состоявших в непосредственном ведении императора). Первые два указа создавали земельный фонд в несколько миллионов десятин для Европейской России, третий — открывал обширную площадь для переселения в Сибирь.

5 октября 1906 года правительством был издан указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний». Сельские обыватели были освобождены:

• от представления увольнительных общественных приговоров при поступлении в учебные заведения и на гражданскую службу, равно как и от исполнения личных натуральных повинностей и от несения общественной службы на все время учебного курса или состояния в гражданской службе;

• от необходимости представления при поступлении в белое духовенство или при пострижении в монашество увольнения от общества, согласия казенной палаты и разрешения губернатора.

Было отменено также обязательное исключение сельских обывателей (и лиц других податных состояний) из обществ при вступлении их в гражданскую службу, при производстве в чины и получении орденов, при окончании учебного курса, при получении ученых степеней, а также вообще при приобретении ими высших прав состояния с предоставлением этим лицам оставаться в составе своих обществ с соответствующими правами и обязанностями. В отношении подсудности и наказаний они стали подчиняться узаконениям, действующим по отношению к

тем высшим сословиям или званиям, права которых они приобрели. Сельским обывателям, принадлежащим к составу сельского общества, было разрешено:

• одновременно причисляться к составу других обществ;

• получать, по отказе от участия в пользовании мирской землей или по отчуждении принадлежащих им участков таковой земли, беспрепятственное увольнение из сельских обществ, без соблюдения установленных прежним законом требований, с причислением их к своим волостям без согласия волостного схода, кроме тех случаев, когда увольняемые состоят уже в других обществах или на гражданской службе, либо приобрели высшие права состояния.

Указом 5 октября была предоставлена также сельским обывателям и лицам других податных состояний свобода избрания места постоянного жительства, наравне с лицами прочих состояний, с выдачей им, в качестве видов на жительство, бессрочных паспортов. Было отменено запрещение сельским обывателям, не владеющим недвижимостью, писать векселя; разрешено бывшим горнозаводским людям и крестьянам устраивать огнедействующие заведения и лесопильные мельницы, а также производить торговлю лесом в заводских селениях. Отменены были также:

• особые правила о наказуемости сельских обывателей и других лиц, подведомственных волостному суду, за проступки, не наказуемые по уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (например, за мотовство, пьянство);

• правила о принудительной отдаче лиц бывших податных состояний в общественные работы в качестве особых мер наказания или при несостоятельности их к уплате денежных взысканий;

• особые меры взыскания, налагаемые волостными судами в Прибалтийском крае. Была отменена административно-карательная власть земских и крестьянских начальников в отношении лиц, подведомственных волостному, сельскому и инородческому управлениям, но в отношении должностных лиц крестьянского общественного управления и суда эта власть была сохранена.

Однако считается, что так называемая Столыпинская аграрная реформа началась, когда 9 ноября 1906 года был издан знаменитый указ о праве выхода из общины, с принадлежащим каждому крестьянину в данное время земельным наделом. Ссылаясь на произведенную манифестом 3 ноября 1905 г. отмену выпускных платежей за земли, полученные крестьянами в надел при их освобождении, указ 9 ноября постановлял: «С этого срока

означенные земли освобождаются отлежавших на них, в силу выкупного долга, ограничений, и крестьяне приобретают право свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходящих к личному владению, участков из мирского надела».

Столыпинский аграрный закон вызвал против себя ожесточенную оппозицию не только слева, но и справа. Левые и леволиберальные партии (социалисты и «кадеты») усматривали в нем недопустимое нарушение прав крестьянского мира, насильственное вторжение администрации в социально-экономический строй крестьянской жизни. Правые опасались, что разрушение общины поведет к обезземелению значительной части крестьянства и к росту пролетариата, с его опасными революционными тенденциями.

Указом от 9 ноября 1906 года русская власть окончательно порывала с земельной политикой царствования императора Александра III, с народническими тенденциями охраны общины и становилась на путь развития и укрепления частной земельной собственности в деревне. Главная заслуга в проведении этой реформы принадлежит, бесспорно, П. А. Столыпину. В разработке указа участвовали А. В. Кривошеий, В. И. Гурко, А. И. Лыкашин, А. А. Ритгах и другие знатоки сельского хозяйства, но ответственность за решение спорного вопроса взял на себя П. А Столыпин, встретивший в этом полную поддержку императора.

Реформа разворачивалась в нескольких направлениях:

• повышение качества прав собственности крестьян на землю, состоявшее, прежде всего;

в замене коллективной и ограниченной собственности на землю сельских обществ полноценной частной собственностью отдельных крестьян-домохозяев. Мероприятия в этом направлении носили административно-правовой характер;

• искоренение устаревших сословных гражданско-правовых ограничений, препятствовавших эффективной хозяйственной деятельности крестьян;

• повышение эффективности крестьянского сельского хозяйства; правительственные мероприятия состояли в поощрении выделения крестьянам-собственникам участков «к одному месту» (отруба, хутора), что требовало проведения государством большого объема сложных и дорогостоящих землеустроительных работ по разверстанию чересполосных общинных земель;

• поощрение наращивания оборотных средств крестьянских хозяйств через кредитование во всех формах (банковское кредитование под залог земли, ссуды членам кооперативов и

товариществ);

• расширение прямого субсидирования мероприятий так называемой «агрономической помощи» (агрономическое консультирование, просветительные мероприятия, содержание опытных и образцовых хозяйств, торговля современным оборудованием и удобрениями);

• поддержка кооперативов и товариществ крестьян;

• поощрение покупки частновладельческих (прежде всего, помещичьих) земель крестьянами через Крестьянский поземельный банк.

Вводилось льготное кредитование.

Столыпин считал, что таким образом все государство берет на себя обязательства по улучшению жизни крестьян, а не перекладывает их на плечи немногочисленного класса помещиков. Выступая в Думе, он говорил, что «в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю».

Столыпин внес свой аграрный закон во II Государственную думу, где он изложил свой план преобразований перед депутатами:

«В общих чертах дело сводилось бы к следующему: государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли, которые вместе с землями удельными и государственными составляли бы государственный земельный фонд. При массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы. Из этого фонда получали бы землю на льготных условиях те малоземельные крестьяне, которые в ней нуждаются и действительно прилагают теперь свой труд к земле, и затем те крестьяне, которым необходимо улучшить формы теперешнего землепользования. Но так как в настоящее время крестьянство оскудело, ему не под силу платить тот сравнительно высокий процент, который взыскивается государством, то последнее и приняло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы

посилен крестьянину, который был бы определяем государственными учреждениями. Вот эта разница обременяла бы государственный бюджет; она должна была бы вноситься в ежегодную роспись государственных расходов.

Таким образом, вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей, чиновники, купцы, лица свободных профессий, те же крестьяне и те же помещики. Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса 130000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там ни говорили, и очаги культуры. Этим именно путем правительство начало идти, понизив временно проведенным по 87 статье законом проценты платежа Крестьянскому банку.

Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана, таким образом, крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под надельные земли, был бы создан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых правительством земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет; при рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении.

Пора этот вопрос вдвинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед. Средство это представляется смелым потому только, что в разоренной России оно создаст еще класс разоренных вконец землевладельцев. Обязательное отчуждение, действительно, может явиться необходимым, но, господа, в виде исключения, а не общего правила, и обставленным ясными и точными гарантиями закона. Обязательное отчуждение может быть не количественного характера, а только качественного. Оно должно применяться, главным образом, тогда, когда крестьян можно устроить на местах, для улучшения способов пользования ими землей, оно представляется возможным тогда, когда необходимо: при переходе к лучшему способу хозяйства — устроить водопой, устроить прогон к пастбищу, устроить дороги, наконец, избавиться от вредной чересполосицы.

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это

потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»

Однако все предложения Столыпина натолкнулись на сопротивление как правых так и левых депутатов Государственной думы как второго, так и третьего созыва. Если II Дума выражала негативное отношение к любым начинаниям правительства и отвергала любые значимые правительственные законопроекты, в том числе и аграрные, то III Государственная дума, которая открылась 1 ноября 1907 года, не отвергая правительственного курса, принимала все правительственные законопроекты чрезвычайно долго. Депутаты, как правило, вносили в законопроекты поправки, направленные на их либерализацию, после чего законопроекты попадали в Государственный Совет, который, в силу своей большей консервативности, возвращал законопроект на повторное рассмотрение, назначались согласительные комиссии, после чего процедура рассмотрения и принятия повторялась еще раз.

Ситуация оказалась неоднозначной — те законы, которые были приняты до открытия Думы по статье 87, продолжали действовать, пока Дума их рассматривала. Но законы, которые не успели принять до открытия Думы, застряли в ней надолго.

В частности, указ 9 ноября 1906, основной документ реформы, рассматривался более 3 лет, и был принят как закон только в июле 1910 года, причем все изменения, внесение которых заняло столь длительное время, не имели принципиального характера. Положение о землеустройстве, внесенное в Думу в ноябре 1907 года, было принято в качестве закона только в мае 1911 года. Хотя в некоторых случаях законодательные учреждения работали быстро — законопроект «О ссудах и пособиях из средств казны при землеустройстве» был внесен в Думу в декабре 1911 года, а стал законом в июне 1912 года.

И хотя в III Государственной думе Столыпин оказался в состоянии провести свой аграрный закон, опираясь на большинство, образованное фракциями «октябристов» и «националистов» (или «умеренно-правых»), но и здесь закон этот подвергся жестокой критике со стороны не только левых фракций (социал-демократов и «трудовиков») и «кадетов», но и со стороны значительной части правых.

В заседании Государственной думы 23 октября 1908 г. докладчик земельной комиссии Шидловский, указав на весьма

существенные хозяйственные недостатки крестьянской общины, подверг затем критике «совершенно неправильную правительственную политику в области крестьянской и в области аграрной за последние 40 лет», ибо правительство «в 1861 году создало класс свободных сельских обывателей и воображало более сорока лет, что население может бесконечно плодиться и кормиться на определенной территории, не совершенствуя способов обработки этой территории»

В заседании 5 декабря 1908 г. сам председатель Совета министров П. А. Столыпин выступил с энергичной речью в защиту принципа единоличной собственности против собственности семейной. Он настаивал на предоставлении крестьянству экономической самодеятельности и свободы распоряжаться собственным имуществом и трудом:

«Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание. Поэтому коренною мыслью теперешнего правительства, руководящею его идеей был всегда вопрос землеустройства.

Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы.

На устойчиво заложенном, таким образом, основании правительство предложит вам строить необходимые для страны преобразования посредством расширения и переустройства местного самоуправления, реформы местного управления, развития просвещения и введения целого ряда усовершенствований в строе местной жизни, между которыми государственное попечение о неспособных к труду рабочих, страховании их и обеспечение им врачебной помощи останавливают теперь особенное внимание правительства. Соответственные проекты готовы. Большинство их вносится немедленно в Государственную думу.

П. А. Столыпин на ступенях портика Казанского Собора в Петербурге, перед богослужением в Высочайшем присутствии, в день 50 летия освобождения крестьян (19 февраля 1911 г.)

В заседании 24 апреля 1909 года «столыпинский» закон был, наконец, принят большинством Государственной Думы; против него голосовали социал-демократы, «трудовики», «кадеты» и часть правых.

В Государственном Совете, как и в Думе, столыпинский законопроект встретил критику и оппозицию и справа, и слева. В заседании 15 марта 1910 года Столыпин выступил в Государственном Совете с речью, в которой выражалась уже его спокойная уверенность в правоте его аграрной политики: «Закон этот не только проверен теоретическими рассуждениями специалистов, он четвертый год проверяется самой жизнью… Этим законом заложен фундамент, основание нового социально-экономического крестьянского строя»; за 3 года действия закона, «до 1 февраля 1910 года заявило желание укрепить свои участки в личную собственность более 1700000 домохозяев, т. е. около 17 % всех общинников-домохозяев»

После одобрения аграрного законопроекта Государственной

думой и Государственным Советом, он был утвержден императором и стал законом 14 июня 1910 года.

За первые 5 лет действия закона (1907–1911 гг.) свыше 2500000 крестьян-домохозяев (около 1/4 всех крестьян-общинников) подали заявления о выходе из общины. К концу 1914 года число домохозяев, за которыми укрепление земли окончательно состоялось, составляло около 2 миллионов, кроме того, получили «удостоверительные акты» на закрепление участков в общинах, где не было переделов, около 500 тыс. домохозяев, таким образом, вышло из общин и укрепило землю в личную собственность больше 1/4 всех крестьян-общинников.

В связи с расселением крестьян на надельной земле специально созданная П. А. Столыпиным Землеустроительная комиссия оказывала крестьянам постоянную финансовую помощь. Только за четыре года (1906–1910) ссуды были выданы около 158 тысячам домохозяев на общую сумму 12,5 млн. рублей. При этом свыше 9 млн. выдано в виде безвозвратных пособий.

Крестьянским усадьбам также оказывалось содействие в постройке новых домов и хозяйственных построек путем льготного и бесплатного отпуска лесоматериалов.

В то же время, чтобы, как говорил Столыпин, земля «не ускользала» из рук крестьянского класса, он предусмотрел некоторые предупредительные меры. В частности, надельная земля не могла быть отчуждена лицу иного сословия. Она могла быть заложена не иначе, как в Крестьянском банке. Ее нельзя было продать за долги, завещать иначе как по обычаю, принятому в вековом крестьянском укладе. Ограничивалась возможность скупки наделов установлением правила, что в одни руки в одном уезде их может быть продано не более шести.

Широкая и энергичная землеустроительная работа на крестьянских полях, рост кооперативного движения и особенно развитие кредитной кооперации в деревне, всесторонний технический прогресс в сельском хозяйстве, — все это способствовало подъему крестьянского хозяйства в «столыпинскую» эпоху, подъему, который ясно отразился в заметном росте урожайности и потребления продуктов сельского хозяйства Средний урожай за пятилетие 1908–1913 годов составил вместо прежних 30–40 пудов с десятины, ржи — 52,7 пуда с десятины, озимой пшеницы — 61 пуд, ячменя — 59 пудов, овса — 54,5 пудов.

В 1909 году Россия вывезла только через европейские границы свыше 314 миллионов пудов пшеницы, то есть больше, чем США и Аргентина вместе взятые (266 миллионов пудов). При этом вывоз сельскохозяйственной продукции из США в 1907–1910

годах постоянно падал, а из России в 1909–1912 годах постоянно увеличивался. Россия опережала США и по общей урожайности зерновых. В 1909 году в России урожай составил 97,7 миллиона квартеров (1 квартер = 291 литр), в США — 92,1 миллиона, в Аргентине — только 16,4 миллиона квартеров. В 1910 году Россия собрала 96,7 миллиона квартеров, США — лишь 86,9 миллиона. Аргентина — 20,5 миллиона. В том же году Россия вывезла в Англию пшеницы больше, чем Аргентина и США вместе взятые.

Самое важное в эти годы — резкое увеличение выпуска сельскохозяйственных машин и орудий русской промышленностью. С 1900 по 1909 год он удвоился. Закупалось много и зарубежной техники — например, в 1909 году на 31,8 миллиона рублей. Плуг быстро и почти повсеместно вытеснял соху. Большую помощь русскому крестьянству и переселенцам оказывали широкие мелиоративные работы, в частности в Средней Азии.

П. А. Столыпин осматривает образцы овощей хуторских огородов близ Москвы (август 1910 г.)

К окончательным итогам реформы следует отнести следующие факты. Ходатайства о закреплении земли в частную собственность были поданы членами более чем 6 млн. домохозяйств из существовавших 13,5 млн. Из них выделились из общины и получили землю (суммарно 25,2 млн. десятин — 21,2 % от общего количества надельных земель) в единоличную

собственность около 1,5 миллионов (10,6 % от общего числа). Столь значительные изменения в крестьянской жизни стали возможными не в последнюю очередь благодаря Крестьянскому поземельному банку, выдавшему кредитов на сумму в 1 миллиард 40 миллионов рублей. Из 3 млн. крестьян, переселившихся на выделенные им правительством в частную собственность земли в Сибирь, 18 % вернулись обратно и соответственно 82 % остались на новых местах. Помещичьи хозяйства утратили былую хозяйственную значимость. Крестьяне в 1916 году засевали (на собственной и арендуемой земле) 89,3 % земель и владели 94 % сельскохозяйственных животных.

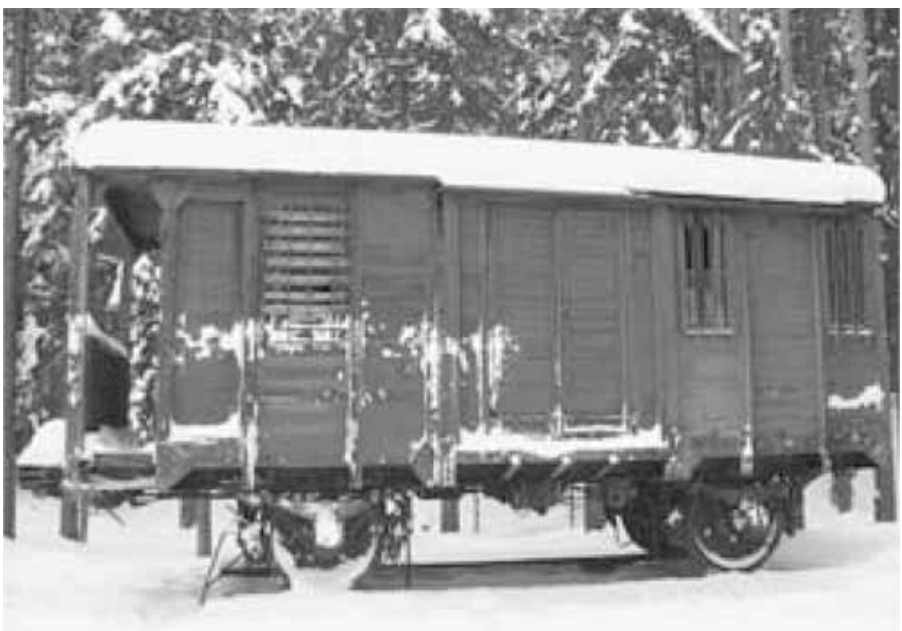
Важной частью аграрной столыпинской реформы должно было стать так называемое переселенчество. Начавшись стихийно еще в середине XVIII века, оно затем получило некоторую поддержку правительства. С 1775 казенные палаты в губерниях, а с 1802 Сенат и министерство внутренних дел содействовали ускоренному заселению неосвоенных районов. В 1-й половине XIX в. переселением государственных крестьян занималось министерство государственных имуществ, переселившее около 400 тыс. чел. С началом крестьянской реформы 1861 года темпы переселенчества возрастали. Основная масса переселенцев устремлялась в Сибирь, Южное Приуралье, на Северный Кавказ, в Новороссию и Нижнее Поволжье. В 1861–1882 годах в Сибирь переселилось около 240 тыс. человек, на Дальний Восток — около 50 тыс. человек.

Темпы переселения в Сибирь, на Дальний Восток и в Среднюю Азию возросли с начала 1880-х годов. В 1883–1905 годах сюда прибыло 1,64 млн. человек (около 740 тыс. осело в Томской губернии, 162 тыс. — на Дальнем Востоке, 230 тыс. — в Акмолинской губернии). Переселенцы приезжали преимущественно из густонаселенных и малоземельных губерний Европейской России со слаборазвитой промышленностью (Полтавской, Черниговской, Могилевской). Особенно переселенчество усилилось с середине 1890-х годов и после проведения Транссибирской железной дороги. В 1893 в Сибирь прибыло 56 тыс. переселенцев, а в 1895 — уже 107 тыс. В 1896 году было создано специальное Переселенческое управление (первоначально в министерстве внутренних дел), которое провело значительную работу по изучению районов, предназначенных для переселенцев. В этот период возрастало переселение в Западную Сибирь и Среднюю Азию, снижалось в Восточную Сибирь и на Дальний Восток.

Но только при П. А. Столыпине переселенчество приняло вид правильно организованного правительственного мероприятия.

Правительство стало поощрять переселение безземельных и малоземельных крестьян, надеясь этим снять остроту аграрного кризиса в центре России.

Для переселенцев в 1910 году были созданы специальные железнодорожные вагоны. От обычных они отличались тем, что одна их часть во всю ширину вагона предназначалась для крестьянского скота и инвентаря. Позднее в этих вагонах были поставлены решетки, сами вагоны после революции стали использоваться уже для принудительной высылки кулаков и иного «контрреволюционного элемента» в Сибирь и Среднюю Азию. Со временем же они были полностью переоборудованы для перевозки заключенных.



«Столыпинский вагон»

В связи с этим данный тип вагонов приобрел дурную славу. При этом сам вагон, имевший официальное название «вагонзак» (вагон для заключенных) получил название «столыпинского». В «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицын так описывает историю его возникновения:

««Вагонзак» — какое мерзкое сокращение! …Хотят сказать, что это — вагон для заключенных. Но нигде, кроме тюремных бумаг, слово это не удержалось. Усвоили арестанты называть такой вагон «столыпинским» или просто «Столыпиным». … История вагона такова. Он действительно пошел по рельсам впервые при Столыпине: он был сконструирован в 1908 году, но

— для *переселенцев* в восточные части страны, когда развилось сильное переселенческое движение и не хватало подвижного состава. Этот тип вагонов был ниже обычного пассажирского, но много выше товарного, он имел подсобные помещения для утвари или птицы (нынешние «половинные» купе, карцеры) — но он, разумеется, не имел *никаких решеток,* ни внутри, ни на окнах. Решетки поставила изобретательная мысль, и я склоняюсь, что большевицкая. А называться досталось вагону — столыпинским… Министр, вызывавший на дуэль депутата за «столыпинский галстук», — этого посмертного оболгания уже не мог остановить».

Хотя, справедливости ради, надо сказать, что уже и при Столыпине в вагонах его имени перевозили в Сибирь ссыльных, которых за время первой русской революции набралось более 60000.

В 1906–1914 годах в Сибирь переселилось 3,3 млн. крестьян, а всего в 1861–1917 годах за Урал переехало около 5,3 млн. чел. Но, объективно, переселение нескольких процентов крестьянского населения из европейской части страны в Сибирь и на Дальний Восток не имело решающего значения для разрешения аграрного кризиса, что собственно и подтвердила широкая поддержка крестьянством программы эсеров во время революционных событий 1917–1918 годов.

5 сентября 1911 года П. А. Столыпин был убит, премьер-министром стал министр финансов В. Н. Коковцов. Коковцов, проявлявший меньшую инициативность, чем Столыпин, последовал намеченным курсом, не привнеся в аграрную реформу чего-либо нового. Объем землеустроительных работ, количество земли, закрепляемой в собственность крестьян, количество земли, продаваемой крестьянам через Крестьянский банк, объем кредитов крестьянам стабильно росли вплоть до начала Первой мировой войны.

Хотя следующие после Коковцова премьер-министры не выражали значительной заинтересованности в аграрной реформе, набранная государственным аппаратом инерция была велика, и даже во время войны мероприятия аграрной реформы продолжали проводиться, хотя уже и более скромными темпами. С началом Первой мировой войны около 40 % землемерного персонала было призвано на фронт, уменьшилось и количество ходатайств о землеустроении. В 1915 году было принято решение отказаться от выделения участков отдельных крестьян к одному месту при отсутствии согласия более чем половины сельского схода.

Февральская революция стала концом реформы. Временное правительство не смогло добиться даже минимального уровня

контроля за ситуацией в деревне. Немедленно начался захват помещичьих земель и разорение усадеб. Во многих случаях, такому же захвату подвергались и частновладельческие земли наиболее преуспевших крестьян. В результате, к концу 1917 года помещичье землевладение было окончательно уничтожено, а крестьянскому частному землевладению был нанесен огромный урон. Большинство земель, ранее закрепленных в собственность, было переделено между крестьянами по уравнительному принципу.

Земельный кодекс 1922 года выражал стремление Советской власти к замирению деревни путем закрепления status quo. Советская власть признала все формы землевладения (общинную, частную, коллективную), кроме помещичьей. В результате, крестьяне-собственники на отрубах, бывшие главной целью столыпинской реформы, в некоторых случаях смогли просуществовать до коллективизации, которая разрушила последние остатки аграрного строя старой России.

Глава 5. Смерть. «Надеюсь, вы не будете меня затенять так, как это делал Столыпин»

По разным данным, на жизнь Петра Аркадиевича Столыпина было совершено от 11 до 18 покушений, наиболее известное из которых произошло 12 августа 1906 года на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге. Но и после различные ультрареволюционные группировки не прекращали попыток убить российского премьер-министра.

Когда еще в 1906 г. Столыпина спрашивали, как может он спокойно жить в виду постоянной опасности, он отвечал просто и откровенно: «Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящий день как на последний в жизни и готовлюсь выполнить все свои обязанности, устремляя уже взоры в вечность. А вечером, когда опять возвращаюсь в свою комнату, то благодарю Бога за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания о близости смерти, как расплаты за свои убеждения. Порою, однако, я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы, наконец, удастся».

П. А. Столыпин при представлении в Киеве Его Величеству

крестьянских депутаций от Юго-Западного края (30 августа 1911)

Этот день наступил 1/14 сентября 1911 года.

В конце августа 1911 года император Николай II с семьей и приближенными, в том числе и со Столыпиным и зарубежными гостями отправились в Киеве на торжества по случаю открытия памятника Александру II в связи с 50-летием отмены им крепостного права. Отъезд происходил с некоторыми затруднениями Петра Аркадьевича в Киев. Поезд дважды то отправлялся, то останавливался из-за неисправности и отправился лишь за полчаса. Потом об этом вспоминали и говорили, что некая сила не отпускала его из родных мест, словно стараясь уберечь. По рассказам очевидцев, Г. Распутин, с которыми у премьера были натянутые отношения, вслед отъехавшей карете Столыпина прокричал: «Смерть за Петром! Смерть за Петром!».

Поздно вечером 27 августа Столыпин прибыл в Киев вместе с министром народного просвещения Л. А. Кассо и обер-прокурором Святейшего синода В. К. Саблером. На следующий день принял участие в освящении помещения Киевского педагогического музея имени наследника цесаревича Алексея (ныне — Дом учителя), посетил Софийский собор.

29 августа в 11 часов на Киевский вокзал прибыл императорский поезд. На перрон вышли государь император Николай II, государыня императрица Александра Федоровна с наследником цесаревичем Алексеем, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, великие князья Андрей Владимирович — внук Александра II и Сергей Михайлович — внук Николая I, близкий друг Николая II, наследник болгарского престола Борис Тарновский и сопровождающие их лица.

Император принял рапорты от военных и гражданских властей, обошел почетный караул и после прохождения войск церемониальным маршем проследовал с семьей в помещение вокзала, где принял хлеб-соль от города. От имени киевлян вручили роскошные букеты, императрице из хризантем, княжнам из роз.

Под торжественный перезвон всех колоколов Киева высокие гости отправились во дворец. Организаторы торжеств сделали все, чтобы оттеснить главу правительства на задний план. Ему не только не нашлось места в экипажах, в которых ехали император, его семья и приближенные, а вообще не было казенного экипажа. Увидев это, мэр И. М. Дьяков уступил свою карету, а сам поехал,

наняв извозчика.

П. А. Столыпин у Дворца в Киеве до представлении Его Величеству депутаций 35-ти Монархических организаций в России (30 августа 1911.)

В этот день император принимал крестьянские депутации Юго-запада, посетил Киево-Печерскую лавру, ее Трапезную церковь, ближние пещеры.

30 августа в день святого великого князя Александра Невского, в честь которого был крещен император Александр II, состоялось открытие его памятника. Утром в Михайловском соборе прошла литургия, на которой присутствовали Николай II и его дочери Ольга, Татьяна и Мария. Затем из собора крестным ходом все пошли по Трехсвятительской улице до Купеческого дома. Император открыл памятник. Высокопреосвященный Флавиан, митрополит Киевский и Галицкий со всех сторон окропил монумент святой водой. После открытия памятника Николай II принимал различные делегации в царском дворце.

31 августа прошли маневры конных полков и артиллерии, после чего состоялось посещение императором Владимирского кадетского корпуса и прием в Купеческом саду.

1/14 сентября 1911 года царь посетил с утра маневры пехоты, а днем на Печерском ипподроме состоялся просмотр выступлений учеников киевских гимназий и заезд орловских рысаков на приз его императорского величества. Вечером император, его дочери и

Столыпин присутствовали на спектакле «Сказка о царе Салтане» в новой постановке Римского-Корсакова в Киевском городском театре. К тому времени у шефа охранного отделения Киева была информация о том, что в город прибыла террористка с целью совершить нападение на высокопоставленного чиновника, а возможно и на самого царя. Данная информация была получена от Д. Г. Богрова, который был секретным осведомителем охранного отделения и одновременно членом анархической группировки. Сам Богров, по пропуску, выданному начальником Киевского охранного отделения Н. Н. Кулябко с согласия П. Г. Курлова, А. И. Спиридовича и М. Н. Веригина, прошел в городской оперный театр во время антракта.

«Столыпин. Последние минуты» (Художник: Д. В. Несыпова)

Столыпин разговаривал у барьера оркестровой ямы с министром двора бароном В. Б. Фредериксом и земельным магнатом графом И. Потоцким. Неожиданно Богров приблизился к П. А. Столыпину и выстрелил в него из браунинга дважды: первая пуля попала в руку, вторая в живот, задев печень. От мгновенной смерти Столыпина спас крест Св. Владимира. Раздробив его, пуля изменила прямое направление в сердце. Этой пулей оказались пробиты грудная клетка, плевра, грудобрюшная преграда и печень. После ранения Столыпин перекрестил царя, тяжело опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным находившимся недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за царя…»

Вот как описывает события их очевидец: «В антракте торжественного спектакля, в то время, когда государь и его

дочери удалились в глубину ложи, а П. А Столыпин стоял в первом ряду партера, обернувшись спиной к оркестру, окруженный другими сановниками, через проход между кресел к нему приблизился прилично одетый брюнет и, быстро направив дуло браунинга, произвел в него два выстрела в упор. Вся зала замерла от ужаса. Как молния пронеслась у многих мысль об опасности, грозившей самому государю. Смертельно раненый, П. А. Столыпин медленно опускался, но слабеющая рука его успела осенить знамением креста царскую ложу, у барьера которой в эту минуту появился государь император. Публика, наполнявшая театр, при виде царя невредимого, поняла жест верного его слуги и, вторя ему, огласила зал криками «гимн, гимн». Раздались звуки гимна…» (А. П. Аксаков).

Шокированная публика стояла у своих кресел. Поднялся занавес. Все артисты, занятые в спектакле, и хор опустились на колени, многие из них подняли составлены как для молитвы руки и исполняли гимн. К куполу неслась молитва «Боже, царя храни», после чего император, княжны Ольга и Татьяна и сопровождающие их лица оставили театр, расходились и приглашенные.

К раненому на помощь бросился министр императорского двора В. Б. Фредерике. Увидев убийцу, спокойно уходящего между рядами кресел, крикнул: «Держите его!» На выходе из партера на преступника набросилась публика. Повалили на пол, били шпагами, кулаками и ногами. Подбежал начальник императорской охраны полковник А. И. Спиридович и предотвратил самосуд. Выхватив из ножен саблю, объявил, что Богров арестован.

Убийца Столыпина Д. Багров (1911 г.)

Столыпина вынесли в вестибюль в кресле, которое сейчас хранится в I музее истории МВД Украины, положили на небольшой диван, остановили кровотечение, наскоро перевязали и уже на носилках перенесли в карету скорой помощи и отвезли в хирургическую больницу Маковского на Малой Владимирской, 33. В клинику поехали профессора Оболенский и Малков. Вызвали хирурга Волковича.

Первая ночь в клинике прошла тревожно, но к утру раненому стало лучше. Рядом была жена Ольга Борисовна, постоянно дежурили, сменяя друг друга, профессора Оболенский, Малков, Маковский, Рейн, Галин, Чернов.

«С первых же минут Петр Аркадьевич предвидел смертельный исход, но это не нарушало ясности его сознания и мужественного его настроения. «Я знаю, что приближается смерть», — говорил он и поспешил исполнить свой христианский долг и дать свои последние распоряжения. Сам, так нуждаясь в помощи, он думал о России, о русских людях и заботился о безопасности царя. «Передайте государю, — сказал он, забывая о своих муках, — что мне не страшно умирать за него». До последней минуты также, как и всю свою жизнь, он продолжал верить в людей и любить их, хотя, казалось, люди сделали все, чтобы разбить эту веру; и в минуты начавшейся агонии, в бреду, он все же думал о тех, для кого так много потрудился. «Граждане, граждане», — шептали его запекшиеся уста» (А. П. Аксаков).

На Сенном рынке закупили все сено и устлали им Малую

Владимирскую улицу, чтобы стук колес по мостовой не тревожил больного.

2 сентября во Владимирском соборе, а затем и во всех храмах города прошли молебны о здравии Столыпина. Церкви были переполнены, присутствующие молились, многие из них плакали. После службы люди шли в клинику, приносили просфоры. Толпа расспрашивал каждого врача, который выходил из больницы, о состоянии здоровья больного, спрашивали, есть ли надежда на выздоровление. Для сведения народа врачи дважды в день, утром и вечером, издавали бюллетени о состоянии здоровья Столыпина и вывешивали их у входа в больницу. Публиковались они и в газетах.

Несмотря на ранение премьера, торжества в Киеве продолжались по намеченному плану. 2 сентября днем был смотр войск и дан обед для начальников отдельных воинских частей, а вечером царь отправился в Овруч на открытие после реставрации Златоверхого Васильевского собора, построенного в XII веке. По возвращении он посетил клинику, интересовался у врачей состоянием здоровья Столыпина, но к нему не зашел. Матери же своей написал, что его не пустила к нему Ольга Борисовна. А вот великий князь Андрей Владимирович, военный министр В. А. Сухомлинов, министр финансов В. М. Коковцов посетили, каждый по отдельности, больного. Врачи все еще надеялись на выздоровление. Устроили консилиум с участием прибывшего из Петербурга профессора Г. Ф. Цейдлера относительно операции по удалению пули. Петербургский хирург перед выездом в Киев консультировался со многими коллегами в столице. Пришли к выводу, что если печень имеет разрывы, то операция приведет к смертельному исходу. Поэтому на консилиуме было принято решение пулю не извлекать.

Между тем, торжества продолжались. Николай II посетил Императорскую Александровскую гимназию, принимал во дворце профессоров Киевского университета имени Святого Владимира. Затем на пароходах отправился со своей свитой в Чернигов. Там посетил Спасо-Преображенский и Борисоглебский соборы, Ильинскую церковь и пещеры.

Столыпин на смертном одре

К вечеру 4 сентября здоровье больного резко ухудшилось, он потерял сознание. 5/18 сентября П. А. Столыпин скончался. На следующий день утром император, вернувшись из Чернигова, прямо с пристани приехал в больницу попрощаться с умершим. Он склонил колено перед телом верного слуги, долго молился, а затем все присутствующие слышали, как он много раз повторил слово: «Прости». Прямо в клинике была отслужена панихида. «А он лежал в гробу с терновым венком на груди, принесенным Киевским национальным клубом, и окруженный массой цветов и серебряных венков. Поклониться праху его приходили: сановники, депутаты, представители городов, разных учреждений и политических организаций и массы народные, вереницей входившие и выходившие из лечебницы, где почил дорогой мученик. Вдова его пребывала неотлучно у гроба. Когда Государь Император, прибывший помолиться у праха своего верного слуги, подошел к ней, она, говорят, с благородной грустью сказала: «Как видите, Ваше Величество, Сусанины еще не перевелись в России» (А. П. Аксаков).

В тот же день император и вся его семья отправились в Крым на отдых.

Перенесение тела с гробом Столыпина из больницы братьев Маковских в Киево-Печерскую Лавру (7 сентября 1911 г.)

Во вскрытом завещании Столыпина, написанном задолго до смерти, в первых строках было наказано: «Я хочу быть погребенным там, где меня убьют». Указание Столыпина было исполнено его близкими: местом вечного его упокоения была избрана Киево-Печерская лавра.

7/20 сентября года траурная процессия направилась из больницы к монастырю, где можно было проститься с покойным в течении двух дней. 9/22 сентября Трапезная церковь, в которой проходило отпевание, была заставлена венками с национальными лентами, собралось Правительство, представители армии и флота и всех гражданских ведомств, многие члены Государственного совета, депутаты Государственной думы, а также приехало более сотни крестьян из ближайших деревень. Не было на похоронах премьер-министра России только императора Николая II, который поручил киевскому генерал-губернатору Ф. Ф. Трепову его замещать.

После отпевания гроб с телом покойного вынесли из храма. Многочисленная публика в лаврском дворе склонила головы. Место упокоения П. А. Столыпина находилось рядом с могилами генерального судьи В. Кочубея и полтавского полковника И. Искры, казненных Мазепой за то, что они предупредили Петра Первого об измене гетмана. После погребения на могиле

установили крест и надгробие, привезенные из Петербурга.

Траурная процессия в Киево-Печерскую Лавру (7 сентября 1911 г.)

«Я увидел, — говорил о своих впечатлениях у гроба П. А. Столыпина близко его знавший граф В. А. Бобринский, — знакомые и любимые черты… вот оно это доброе, умное и честное лицо. Но оно осунулось, на нем видна глубокая печаль перенесенных физически тяжелых страданий. Не стоит смело и бодро пред нами Петр Аркадьевич, каким мы привыкли его видеть в Государственной думе… Он безмолвно лежит в гробу; скрещенные руки держат икону, а на груди лежит терновый венец…» Отуманенные слезами глаза графа Бобринского невольно остановились на венке со знаменательной надписью: «Запугать тебя не могли, тебя предательски убили», — гласила она.

«Вынос тела из лечебницы и перенесение через весь город в Киево-Печерскую Лавру, а затем и самое погребенье, — говорят очевидцы, — представляли величественное, высокотрогательное зрелище. За погребальной колесницей шли вдова и родные, а за ними многие министры и другие сановники, члены Думы и общественные деятели, весь военный мир и все чиновничество Киева, депутации разных политических организаций и другие. По сторонам, по всем улицам, сплошной стеной стояли многие тысячи народа. Настроение было благоговейное и скорбное… Местами среди народа слышались непритворные рыдания,

местами, при приближении гроба, народ становился на колени, слышалось: «Прости, прости страдалец», надо всем носились печальные звуки «Коль славен» и похоронного марша, исполняемого военными оркестрами. Самое погребение, в виду тесноты, было менее народным, но столь же скорбно и величаво…» (А. П. Аксаков).

Еще 7/20 сентября некоторые депутаты Государственной думы и члены местного земства предложили поставить Столыпину памятник в Киеве, и, воспользовавшись тем, что император еще не уехал, получили согласие на это. Собирать средства решили пожертвованиями. Пожертвования потекли столь обильно, что буквально через три дня в одном Киеве была собрана сумма, которая могла покрыть расходы на памятник. Через год, 6 сентября 1912 г., на площади возле городской думы, на Крещатике в торжественной обстановке был открыт памятник. Столыпин был изображен говорящим речь, на камне со всех сторон были высечены его цитаты: «Вам нужны великие потрясения — нам нужна Великая Россия», «Не запугаете!», «Твердо верю, что затеплившийся на западе России свет русской национальной идеи не погаснет и скоро озарит всю Россию!», а на передней стороне пьедестала памятника была надпись: «Петру Аркадьевичу Столыпину — русские люди». С противоположной — даты жизни и смерти. Внизу справа у подножия статуи находилась бронзовая фигура древнего воина в шлеме и кольчуге — воплощение мощи, слева — фигура опечаленной женщины в костюме древнерусской боярыни, символизирующая Россию. Этот памятник простоял недолго. Великие потрясения, которых Столыпин всеми силами пытался избежать, случились и монумент был снесен 16/29 марта 1917 года, через две недели после Февральской революции.

Некоторые из венков присланные на гроб Столыпина (7 сентября 1911 г.)

Пострадали и могила Столыпина. Крест и надгробие с нее сняли в 1950-е годы. Несколько десятилетий они пролежали среди других обломков на первом ярусе Большой лаврской колокольни Успенского собора. Саму могилу сравняли с землей, а ее место заасфальтировали. К 100-летию со дня гибели П. А. Столыпина могила была восстановлена.

Между тем, шло следствие по делу о покушении на премьера. Прямо из театра убийцу, Д. Г. Богрова отправили в киевскую крепость «Косой Капонир», где заключили в одиночную камеру.

Биография Богрова была увлекательна как авантюрный роман. Родился он в состоятельной еврейской семье. Дед — известный еврейский писатель, публиковавшийся под псевдонимом Григорий Богров. Эту фамилию унаследовал впоследствии отец убийцы Столыпина, который был присяжным поверенным и крупным домовладельцем, состояние его оценивалось в полмиллиона рублей. Брат Д. Богрова — медик Ю. Богров, был удостоен Анненского оружия с надписью «За храбрость», награжден орденами Святого Станислава II и III степени и Святой Анны III степени.

Крест из черного мрамора над могилой Столыпина (7 сентября 1911 г.)

Закончив Первую киевскую гимназию, Дмитрий Богров в ноябре 1905 года поступил на юридический факультет Мюнхенского университета. Увлекся трудами теоретиков анархизма — Петра Кропоткина, Макса Штирнера. В 1906 году вернулся в Киев, возобновил занятия в Киевском университете, который закончил в 1910 году. В конце 1906 года вступил в киевскую группу анархистов-коммунистов. Через несколько месяцев, разочаровавшись в анархистах, добровольно предложил свои услуги Киевскому охранному отделению. В качестве платного агента (агентурный псевдоним Аленский/Капустянский — для внутреннего употребления среди сыщиков) сотрудничал с охранным отделением до 1910 года, выдал ряд анархистов и эсеров, получая в месяц до 150 рублей. В частности, по его доносам в конце 1907 — начале 1908 года было арестовано большинство членов анархо-коммунистической группы Сандомирского-Тыша.

С февраля по ноябрь 1910 года служил помощником присяжного поверенного в Петербурге. Проживал в Киеве, во флигеле отцовского дома на Бибиковском бульваре (сейчас бульвар Шевченко, дом и флигель сохранились).

В 1910 году в связи с тем, что в подпольных кругах распространились подозрения в провокаторстве Богрова, он временно прервал отношения с полицией. Но в 1911 году, в конце августа, перед приездом в Киев императора Николая II, явился в

Киевское охранное отделение с сообщением о якобы готовящемся эсерами покушении на одного из высших сановников или даже на самого императора. По свидетельству начальника охранного отделения Кулябко, Богров выдал много революционеров, предупредил террористические акты и тем заслужил доверие властей. Поэтому с согласия заместителя министра внутренних дел генерал-лейтенанта П. Г. Курлова Кулябко и выдал ему пропуск в Купеческий сад и билет в Городской театр на спектакль, где присутствовал Столыпин. Кроме того, выяснилось, что некоторые сотрудники Киевского охранного отделения дружили и даже были партнерами отца Богрова по игре в карты, часто бывали в их доме на Бибиковском бульваре. В дни следствия распространялись слухи, будто Богрову обещали, что после выстрелов в театре немедленно погаснет свет, он в темноте успеет надеть плащ и военную фуражку, незаметно выйдет на улицу и поедет на машине, которая его ждет. Поэтому после выстрелов он не бежал, а шел медленно.

Билет Богрова

Так что, как написал А. Аврех в своей книге «П. А. Столыпин и судьбы реформ в России», «подлинная проблема, связанная с убийством Столыпина, состоит не в том, кем он был убит — революционером или агентом охранки, а в том, знала ли охранка о замысле Богрова». Недаром незадолго до смерти Столыпин говорил: «Меня убьют, и убьют члены охраны» («Последние новости», Париж, 30 августа 1936 года). Даже на приобретенный в Берлине в 1908 году браунинг Богров имел разрешение от охранного отделения. А в 1918 году выяснилось, что замминистра внутренних дел Курлов, санкционировавший допуск Богрова в театр, был германским агентом.

Хотя Курлов после убийства Столыпина был отставлен с поста заместителя министра и его обвинили в бездействии и ряде

нарушений при принятии мер охраны, однако Николай II велел дело прекратить, собственноручно написав на обратной стороне телеграммы, посланной Курловым, в которой последний благодарил за милость и клялся в преданности: «Благодарю. В верности генерала Курлова никогда не сомневался». И с началом Первой мировой войны после личной просьбы к царю, Курлов был возвращен на службу и назначен генерал-губернатором Восточной Пруссии, затем помощником главного начальника Двинского военного округа (ведал контрразведкой и военной цензурой), с осени 1916 снова стал заместителем министра внутренних дел Протопопова и заведующий делами департамента полиции. 3 декабря 1916 вышел в отставку.

Открытие памятника Столыпину в Киеве

Ближайшим соратником Столыпина был его первый заместитель Сергей Ефимович Крыжановский (1862–1935). Его в 1918 году в оккупированном немцами Киеве в гостинице разыскал адъютант некоего германского генерала и пригласил в

часть. Крыжановский отправился в охраняемый немцами штаб и увидел там Курлова. Оказывается, к Курлову проявили особое внимание немецкие власти и вывезли его с семьей из революционного Петрограда.

Двусмысленно ведет себя во время следствия и начальник Киевского охранного отделения Кулябко, который отказался от чрезвычайно важного показания. Сначала он заявил, что не может считать себя виновным в происшедшем несчастье, так как Богров был допущен в театр с ведома генерала Курлова. Затем поменял показания, сказав, что «допустил в театр Богрова без ведома Курлова и специально просил именно эти показания считать действительными». Причина такой перемены может заключаться в письме, найденном при обыске у супруги Кулябко, которая приходилась сестрой начальнику императорской дворцовой охраны Спиридовичу. В нем содержалась угроза: «Если меня посадят на скамью подсудимых, тогда и я вспомню, что у меня жена и ребенок, и отброшу я тогда всякую щепетильность и поставлю вопрос ребром о всей той конспирации, которую проводили относительно меня 1 сентября. Хотели сделать без меня, ну и сделали, неважно только вышло». Письмо это является свидетельством того, что Столыпин пал жертвой заговора ряда высших руководителей российской политической полиции.

Однако с самого начала Богров пытался увести следствие от таких выводов в сторону.

На первом допросе Богров показал, что, находясь в Петербурге в гостях у своего брата, познакомился с неким Николаем Яковлевичем, который рассказал о своих намерениях убить Столыпина. А когда Богров отдыхал на даче в Потоках вблизи Кременчуга, тот будто сам нашел его и сообщил, что эсеры готовят теракт в дни киевских торжеств на председателя совета министров П. А. Столыпина или министра народного просвещения Л. А. Кассо. Просил найти квартиру для ночлега и организовать приезд из Кременчуга в Киев моторной лодкой по Днепру Нины Александровны, которая привезет бомбу. Он уверял, что Николая Яковлевича он поселил у себя дома, а Нина Александровна прибыла самостоятельно. Чтобы не вызвать подозрения, Богрову необходимо было быть на месте покушения. Немедленно группа жандармов отправилась на его квартиру, чтобы арестовать террористов. Но там было пусто. Во всех двенадцати I комнатах — никого. При обыске на квартире нашли много нелегальной литературы и несколько печатных экземпляров тайных приказов в связи с предстоящими киевскими торжественными событиями.

Памятник Столыпину в Киеве. Снесён в 1917 г.

На следующих допросах Богров I признался, что Николай Яковлевич и Нина Александровна выдуманы им с целью войти в доверие к охране. Он действовал сам и давно хотел убить П. А. Столыпина.

Еще одна из версий убийства Столыпина предполагала масонский след. Якобы в день покушения Богров обедал в кафе напротив театра с Л. Д. Бронштейном (Троцким) и получил от него последние указания. Поиски Л. Д. Троицкого в Киеве сразу после покушения на Столыпина ничего не дали. Как оказалось, тот находился в Вене на конгрессе социал-демократов. А телеграмму о нападении на премьера России получил во время подготовки к выступлению.

О тайнах убийства П. А. Столыпина написаны десятки книг, и ни одна из озвученных в них версий до сих пор не получила подтверждения. Все гораздо сложнее, чем может показаться с

первого взгляда. Например, известно, что двоюродный брат Дмитрия Богрова — Сергей (Вениамин) Евсеевич Богров, принявший псевдоним «Николай Валентинов», был знаком с В. И. Лениным. В своих литературных воспоминаниях он ни словом не упоминает ни о брате Дмитрии, ни об их совместном проживании в петербургской квартире. В. И. Ленин в 1918 году лично помогал родственнице Д. Богрова, Валентине Львовне Богровой покинуть Россию и уехать в Германию, а С. Богров-Валентинов находился на дипломатической службе у большевиков.

Для расследования обстоятельств дела была назначена сенаторская ревизия, которую возглавил сенатор М. И. Трусевич. В начале 1912 года результаты комиссии, которые заняли 24 тома, были переданы в Государственный совет. В докладе поднимался вопрос о «превышении и бездействии власти, имевшем весьма важные последствия» и назывались виновные.

Демонтаж памятника Столыпину в Киеве (19 марта 1917 года)

Государственный совет возложили ответственность за убийство П. А. Столыпина на куратора Богрова М. М. Кулябко, вице-директора департамента полиции М. М. Веригина, начальника охраны императорского двора А. И. Спиридовича, товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова и отдали их под суд. Довольно быстро следствие над ними по личному указанию Николая II было приостановлено. Причастность этих чиновников и служащих охранки к организации убийства так и не была доказана, их лишь обвинили в халатном отношении к своим

обязанностям. Смерть Столыпина П. Г. Курлову обошлась лишь недолгой отставкой, А. И. Спиридовичу несколько задержали присвоение генеральского звания, М. М. Веригина отправили в отставку и лишили придворного звания, М. М. Кулябко уволили с должности и посадили на гауптвахту «за хищения казенных средств», выделенных на охранные мероприятия во время пребывания императора в Киеве.

Общественное отношение к происшедшему было различным: от разочарования и досады до нескрываемого возмущения. Видный русский юрист и общественный деятель А. Ф. Кони по этому поводу писал: «Неоднократно предав Столыпина и поставив его в беззащитное положение по отношению к явным и тайным врагам, «обожаемый монарх» не нашел возможным быть на похоронах убитого, но зато нашел возможность прекратить дело о попустительстве убийцам».

Следствие над Богровым велось поспешно, порой даже без протоколов. Часть из них восстанавливали по воспоминаниям участников процесса через год. Известно, что на одном из допросов Богров попросил ручку и бумагу для «важных показаний». Ему их не дали. Возможно, чтобы не написал ничего лишнего. Суд над террористом длился три часа, ему был вынесен приговор: смертная казнь через повешение. 12/25 сентября приговор был приведен в исполнение на Лысой горе. Через 15 минут врачи констатировали смерть. Повешенного закопали в яме под виселицей. Могилу сравняли с землей. Во время казни присутствовали представители черносотенных организаций, которые хотели удостовериться, что Богрова не подменили.

Назначая вместо погибшего Столыпина на пост председателя правительства В. М. Коковцева, Николай II сказал ему: «Надеюсь, вы не будете меня затенять так, как это делал Столыпин».

Глава 6. Память. «Русский Бисмарк»

Оценка деятельности Столыпина как его современниками, так и историками неоднозначна и носит полярный характер. В ней одни выделяют только негативные моменты, другие, напротив, считают его «гениальным политическим деятелем», человеком, который мог бы спасти Россию от грядущих войн, поражений и революций. При этом и те, и другие основываются на оценках современников, документальных источниках, данных статистики. Сторонники и противники зачастую оперируют одними и теми же цифрами, взятыми в различном контексте.

Однако есть такие аспекты, в которых и противники, и сторонники Петра Аркадьевича сходятся. Прежде всего, это высокие моральные качества Столыпина, его честность, справедливость, любовь к семье и детям.

Как писал известнейший русский религиозный философ, критик и публицист В. В. Розанов, «на Столыпине не лежало ни одного грязного пятна: вещь страшно редкая и трудная для политического человека. Тихая и застенчивая Русь любила самую фигуру его, самый его образ, духовный и даже, я думаю, физический, как трудолюбивого и чистого провинциального человека, который немного неуклюже и неловко вышел на общерусскую арену и начал «по-провинциальному», по-саратовскому, делать петербургскую работу, всегда запутанную, хитрую и немного нечистоплотную. Он мог бы составить быстрый успех себе, быструю газетную популярность, если бы начал проводить «газетные реформы» и «газетные законы», которые известны наперечет. Но от этого главного «искушения» для всякого министра он удержался, предпочитая быть не «министром от общества», а министром «от народа», не реформатором «по газетному полю», а устроителем по «государственному полю». Крупно, тяжело ступая, не торопясь, без нервничанья, он шел и шел вперед, как саратовский земледелец, — и с несомненными чертами старопамятного служилого московского человека, с этою же упорною и не рассеянною преданностью России, одной России, до ран и изуродования и самой смерти. Вот эту крепость его пафоса в нем все оценили и ей понесли венки: понесли их благородному, безупречному человеку, которого могли ненавидеть, но и ненавидящие бессильны были оклеветать, загрязнить, даже заподозрить. Ведь ничего подобного никогда не раздалось о нем ни при жизни, ни после смерти; смогли убить, но никто не смог сказать: он был лживый, кривой или своекорыстный человек. Не только не говорили, но не шептали

этого. Вообще, что поразительно для политического человека, о которых всегда бывают «сплетни», — о Столыпине не было никаких сплетен, никакого темного шепота. Все дурное… виноват, все злобное говорилось вслух, а вот «дурного» в смысле пачкающего никто не мог указать. Революция при нем стала одолеваться морально, и одолеваться в мнении и сознании всего общества, массы его, вне «партий». И достигнуто было это не искусством его, а тем, что он был вполне порядочный человек. Притом — всем видно и для всякого бесспорно. Этим одним.

Вся революция, без «привходящих ингредиентов», стояла и стоит на одном главном корне, который, может, и мифичен, но в этот миф все веровали: что в России нет и не может быть честного правительства; что правительство есть клика подобравшихся друг к другу господ, которая обирает и разоряет общество в личных интересах. Может быть, это и миф; наверно — миф; но вот каждая сплетня, каждый дурной слух, всякий шепот подбавлял «веры в этот миф». Можно даже сказать, что это в общем есть миф, но в отдельных случаях это нередко бывает правдой. Единичные люди — плакали о России, десятки — смеялись над Россией. Это произвело общий взрыв чувств, собственно русских чувств, к которому присосалась социал-демократия, попыталась их обратить в свою пользу и частью действительно обратила. «Использовала момент и массу в партийных целях». Но не в социал-демократии дело; она «пахала», сидя «на рогах» совсем другого животного. Как только появился человек без «сплетни» и «шепота» около него, не заподозренный и не грязный, человек явно не личного, а государственного и народного интереса, так «нервный клубок», который подпирал к горлу, душил и заставлял хрипеть массив русских людей, материк русских людей, — опал, ослаб. А без него социал-демократия, в единственном числе, всегда была и останется для России шуткой. «Покушения» могут делать; «движения» никогда не сделают. Могут еще многих убить, но это — то же, что бешеная собака грызет угол каменного дома. «Черт с ней» — вот все о ней рассуждение».

Многие отмечали приветливость и человечность Петра Столыпина. Например, В. В. Шульгин, писал: «П. А. Столыпин был несомненно добрый человек, которому внушала отвращение всякая жестокость, способный до глубины сердца пожалеть всякого, даже врага, как только враг становился безвредным и жалким. В этом отношении глубоко характерно отношение его к человеку, который нанес ему смертельную рану: «Он [Богров] мне показался таким бедным и жалким, этот еврейчик, подбежавший ко мне… Несчастный, быть может, он думал, что совершает подвиг…» Это великодушие и жалость к своему убийце ясно

показывают, какой мягкой, почти женственной была душа Столыпина, и как бесконечно тяжело давались ему суровые меры, которыми ему пришлось остановить революционное движение. Но он понимал, что несвоевременная жалость есть величайшая жестокость, ибо та жалость понимается как трусость, окрыляет надежды, заставляет бунт с еще большей свирепостью бросаться на власть, и тогда приходится нагромождать горы трупов там, где можно было бы обойтись единицами. Он сурово наказывал, чтобы скорее можно было бы пожалеть… Он был русский человек… Сильный и добрый…» (Федоров Б.).

Второе, в чем можно не сомневаться, говоря о Столыпине, это его любовь к России и русскому народу, к самодержавию, которое он считал единственно верным и спасительным для страны политическим устройством. Русский патриот до мозга костей — таким видели его современники, лишенные болезненных крайностей левого и правого уклона.

«Он завещал нам любовь к России и к русской народности, любовь, требующую от нас готовности жертвовать родине всем, — до жизни включительно, любовь к родине, как к великому государству, созданному трудом, кровью наших русских предков и навеки неделимому, — любовь, выражающуюся в почтении к историческому прошлому родины, в горячей заботе о ее благоденствии, цельности и могуществе в настоящем и в вере в ее великое будущее. Он завещал нам любовь и неизменную верность самодержавной власти русских государей, как к оплоту целости и могущества государственного во времена мирного течения государственной жизни, и бесценного сокровища в дни уклонений государственной жизни от исконной правды русской. Он завещал нам свою любовь к исконной вере Православной и особый заботы о процветании ее, как Церкви господствующей. Он завещал нам любовь к свободе, но не к той свободе, которая доступна только верхним, более обеспеченным классам и остается пустым звуком для всего народа русского, а к свободе, построенной на основе хозяйственного благосостояния земледельческого населения, составляющего огромное большинство русских людей, которая может сделаться достоянием всех русских граждан, без различия положений и состояний. Он завещал нам, поэтому, особые заботы о подъеме благосостояния крестьянского населения, о его просвещении и о внесении в жизнь его порядка и законности. Наконец, он призывал нас к общей, дружной, основанной на взаимном доверии, честной работе, как истинных граждан своей родины, на всех ступенях государственного дела, а равно в областях хозяйственной, промышленной, так как честный, добросовестный

и упорный труд может дать благосостояние, просвещение и свободу каждому, созидая в то же время богатство и могущество всего государства» (А. П. Аксаков).

Известие о смерти Столыпина потрясла всех мыслящих и любящих свою родину русских людей. Никогда еще смерть высокого правительственного сановника не являлась таким всенародным горем, никогда убийцы не вызывали такого всеобщего негодования и презрения. От сельских обществ и маленьких уездных городов до столичных дум и законодательных учреждений, всюду были видны чувства искреннего горя по поводу его кончины. Из всех городов России шли сообщения о торжественных заупокойных службах; вдова премьера получала тысячи телеграмм, на могилу Столыпина ехали сотни депутатов с венками, зарождались предположения об увековечении его памяти стипендиями, памятниками и т. п. Смерть от руки Богрова стала последней страницей того подвига, которым была вся жизнь Петра Аркадьевича Столыпина. «Это была жизнь за царя и за Родину, и это была смерть за царя и Родину», — сказал И. А. Гучков, один из красноречивейших думских ораторов на вечере в память погибшего председателя Совета министров.

И, несмотря на негативную оценку реформ Столыпина некоторыми политическими деятелями и историками, многие известные современники русского премьера считали его не просто талантливым реформатором, но твердым и мужественным государственным деятелем, которого можно было сравнить с самыми выдающимися умами человечества.

Важны для характеристики П. Столыпина воспоминания его коллеги по правительству С. И. Тимашева: «…особенность его характера составляло соединение двух обыкновенно взаимоисключающих качеств — чарующей мягкости в отношении к людям (кроме тех, кто становился ему поперек пути) с необычайно твердой, железной волей и редкой неустрашимостью. Этот человек действительно не боялся ничего, не боялся ни за свое положение, ни даже за свою жизнь. Он делал то, что находил полезным, совершенно не считаясь с тем, как отнесутся к его действиям люди, имевшие большое влияние в высших сферах. В случае давления свыше у него всегда была простая дилемма: или переубедить, или оставить свой пост, но никогда никаких компромиссов.

Быть может, в своей настойчивости он шел даже несколько далеко. Прежде чем принять решение, он охотно советовался и выслушивал чужие мнения. Но раз решение было принято, он не отступал от него, хотя бы явились новые аргументы или возникли не предусмотренные ранее обстоятельства. Отмеченный

«недостаток» был следствием целостности и благородства его натуры».

Глубина и продуманность реформ, проводившихся Столыпиным, его яркий талант государственного деятеля, его твердость и непоколебимая приверженность русским национальным интересам — все это поражало и соотечественников Петра Аркадьевича, и его зарубежных современников. Не случайно и до, и после смерти П. Столыпина к нему современниками применялись такие многозначительные слова, как «Русский Бисмарк», «железный министр», «последний витязь», «богатырь», «фактический диктатор» и т. д. (Сыромятников С. Н. Железный министр). Столыпина и в советской исторической науке часто называли «несостоявшимся кандидатом в российские Бисмарки». И тут можно вспомнить слова германского императора Вильгельма II, который тоже сравнивал Столыпина с Бисмарком: «Бисмарк был, бесспорно, величайшим государственным деятелем, преданным престолу и своей Родине, но вне всякого сомнения, что Столыпин был во всех отношениях значительно дальновиднее и выше Бисмарка».

И это не было скоропалительной оценкой — только что приведенные слова были сказаны Вильгельмом в 1938 году, когда он уже два десятилетия находился не у дел, оставаясь лишь сторонним наблюдателем европейской политики.

Стоит привести и высказывание английского посла в России А. Никольсона: «Столыпин был великий человек. Он был, по моему мнению, наиболее замечательной фигурой во всей Европе. Он имел дело с ситуацией, которая угрожала существованию Российской империи. Он считал, что революционеры превратят страну в руины… Я имел с ним близкие отношения и знал его хорошо».

Тот факт, что Столыпина столь высоко оценивали представители враждебных друг другу держав — Германии и Англии (стран, воевавших друг с другом в Первую мировую войну), лучше всего показывает, что политика Столыпина не была ни германофильской, ни проанглийской, а была сугубо русской, проводимой с такой последовательностью и энергией, что она невольно внушала к себе уважение.

Столетие, прошедшее после гибели Столыпина, показало, насколько он был прав, отстаивая идею Великой России и отвергая путь «радикализма» и «великих потрясений». И если мы признаем, что есть национальная русская литература, олицетворяемая именами Пушкина и Лермонтова, Толстого и Достоевского, Тургенева и Гончарова, что есть русское национальное военное искусство, связанное с именами Петра

Великого и Суворова, Кутузова и Ушакова, то с не меньшим правом мы должны признать, что существует и национальное русское государственное мышление, связанное с именем Столыпина, остающегося и сегодня идеалом русского политического деятеля (Н. Ю. Селищев).

Положительно оценивают деятельность Столыпина многие видные общественные и политические деятели современности. А. И. Солженицын в книге «Август Четырнадцатого» писал, что если бы Столыпин не был убит в 1911 году, то предотвратил бы Мировую войну и, соответственно, проигрыш в ней царской России, а значит, и захват власти большевиками, гражданскую войну и миллионы жертв этих трагических событий. История XX века могла пойти по другому, останься Петр Аркадьевич жив.

26 мая 2008 года правительство Российской Федерации учредило медаль Столыпина П. А. двух степеней, которая вручается в качестве поощрения за заслуги в решении стратегических задач социально-экономического развития страны в области промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, науки, образования, здравоохранения, культуры и в других областях деятельности.

И до сих пор пророчески звучат слова самого Петра Аркадьевича Столыпина: «Я думаю, что на втором тысячелетии своей жизни Россия не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не

пойдет, потому что где разложение, — там смерть».

Выступления П. А. Столыпина

Петр Аркадьевич Столыпин, погибший не дожив и до 50 лет, не оставил после себя каких-либо многочисленных книг или трудов, которые позволили бы нам полнее оценить его взгляды. Сохранились только его речи, которые он произносил в стенах Государственной думы. В них отразились его мысли, его планы, его надежды на то, что Россия и в грядущих веках будет Великой и процветающей державой.

8 июня 1906 г.
Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка… Ответ П. А. Столыпина, как Министра внутренних дел, на запрос Государственной думы о Щербаке

[…]

Суть рапорта чиновника особых поручений Макарова заключается в следующем: департамент полиции обвиняется в оборудовании преступной типографии и в распространении воззваний агитационного характера, затем в участии жандармского ротмистра Будаговского в распространении преступных воззваний и прокламаций того же характера, затем в бездеятельности властей департамента, не принявшего мер пресечения против преступных деяний. При производстве по этому делу тщательного расследования оказалось следующее: в середине декабря 1905 года жандармский офицер Комиссаров напечатал на отобранной при обыске бостонке воззвание к солдатам с описанием известного избиения в городе Туккуме полуэскадрона драгун, с призывом свято исполнять свой долг при столкновении с мятежниками. Это воззвание было послано в Вильну в количестве 200–300 экземпляров. Кроме того, был сделан набор другого воззвания к избирателям Государственной думы. В это время его начальству стало известно об этих его деяниях, и оно указало ему на всю несовместимость его политической агитации с его служебным положением и потребовало прекращения его деятельности, внушив ему, что оставление на службе одновременно с политической деятельностью невозможно. Вследствие этого был немедленно уничтожен набор воззвания к избирателям и была послана телеграмма в Вильну об уничтожении тех экземпляров воззвания к солдатам, которые не были еще розданы.

Затем, что касается деятельности ротмистра Будаговского, то надо выяснить, что на почве участия в борьбе во время декабрьских событий у Будаговского в Александровске установились личные отношения к организациям, которые именовались «Александровский союз 17 октября» и «Александровская боевая дружина», причем ротмистр Будаговский употреблял свое влияние на распространение этих воззваний среди населения уезда. Однако после 14 декабря новых

воззваний против революционеров и евреев уже не распространялось. Хотя приписываемое ротмистру Будаговскому подстрекательство к погромам юридически за невоспоследованием погромов ненаказуемо, но, по получении сведений о его деятельности, он был вызываем в Петербург, ему было внушено о несовместимости его деяний со службой в корпусе жандармов и категорически было приказано прекратить агитацию.

Что касается нареканий на департамент полиции за то, что им не принимались меры и что власть бездействовала, то я должен сказать, что хотя по рапорту Будаговского распоряжения своевременно не было сделано, но такое замедление должно объясняться тем, что этот рапорт поступил в разгар московского восстания, между 3 и 10 декабря, когда заведующий департаментом полиции Рачковский находился в Москве; когда же он вернулся в Петербург, то был освобожден от заведования политической частью департамента. Позднее же, как было изложено ранее, Будаговский был вызван в Петербург, и, повторяю, ему было сделано соответствующее внушение. Надо принять во внимание также и то, что не только ожидавшийся 13 февраля погром в Александровске не имел места, но там вообще не произошло никаких беспорядков. Для полноты картины я должен сказать, что когда в департамент достигали слухи о возможных беспорядках, немедленно посылались нужные телеграммы об их прекращении.

Некоторые уяснения неправильных действий жандармских офицеров следует почерпнуть из воспоминаний о тех ужасных событиях, которые переживала Россия минувшей осенью и зимой, событиях, которые поселили во многих совершенно превратное понятие о долге перед родиной. Участие должностных лиц на собраниях крайних партий сменялось страстной агитацией против начал, проповедуемых этими партиями, причем оба эти явления несовместимы с сознательным положением должностных лиц и должны быть призваны в равной степени нетерпимыми. В частности, относительно ротмистра Будаговского надо принять во внимание обстановку, в которой ему приходилось действовать. Не имея в распоряжении своем достаточно войска и видя захват железнодорожной станции и земского начальника мятежной толпой, он решил, опираясь на сочувствующие ему общественные группы, подавить беспорядки, за что и получил Высочайшую награду, а никак не за агитацию. Теперь эти действия ротмистра Будаговского, а также последствия действий администрации послужили предметом нового запроса правительству. Я могу ответить на этот запрос только после того, как судебное

следствие будет опорочено. Мне кажется, что вообще из всего вышеизложенного видно, что департамент полиции не оборудовал преступной типографии и что последствиями его действий не могла быть масса убитых людей. Для министра внутренних дел, однако, несомненно, что отдельные чины корпуса жандармов позволили себе, действуя вполне самостоятельно, вмешиваться в политическую агитацию и в политическую борьбу, что было своевременно остановлено. Эти действия неправильны, и министерство обязывается принимать самые энергичные меры к тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторения их не будет.

Я перехожу ко второй части запроса, касающейся происшествий в городах Вологде, Царицыне и Калязине, проверенных как чинами Министерства внутренних дел, так и чинами прокурорского надзора. В первом из этих городов, в Вологде, толпа сожгла народный дом, повредила 4 частных дома, разгромила типографию и пыталась разгромить дом городского головы. При этом на месте осталось двое убитых и 28 раненых. Дознание выяснило, что беспорядки начались вследствие насильственного закрытия лавок группою манифестантов, когда в город съехалась масса народу для закупок припасов ввиду двух праздников — Николина и Троицына дней. Затем, при столкновении с толпой, первый выстрел был произведен со стороны манифестантов. Губернатор, прокурор и полицмейстер прикрывали собою избиваемых; последний затаптывал костры, сложенные из книг, выброшенных из народного дома.

Трудно даже себе представить, чтобы тут была обвинена администрация в устройстве и сочувствии в учинении погрома. Причина была ясна — насильственное закрытие лавок, объектом же злобы народа явился народный дом, который был обычным местом сборища политических ссыльных, причем в октябре там на митингах раздавались речи о вооруженном восстании, а сцена была украшена надписью «Да здравствует республика», что тогда же вызывало протест и беспорядки со стороны простонародья. Такие же беспорядки повторились по этому же поводу в декабре. Что началом беспорядков послужили действия манифестантов, было видно из крайне враждебных отзывов прессы и из показаний всех опрошенных лиц. Погром не был своевременно прекращен вследствие малочисленности полицейских сил. Всего налицо было 59 человек, войска же приехали слишком поздно, так как они были вызваны из соседнего города по железной дороге. Нарекания со стороны некоторых лиц, вызванные действиями ротмистра Пышкина, который командовал стражниками и который будто бы действовал недостаточно решительно против

толпы, объясняются тем, что стражники были только что сформированы и сам он получил от губернатора приказание не стрелять. При таком положении едва ли он мог действовать более активно. Однако, если бы судебное следствие, которое ведется по этому делу, показало обратное, то министерство не преминет соответственно распорядиться.

К сожалению, обстоятельства происшествия, бывшего в Царицыне 1 мая, дают основательный повод к нареканию на действия полиции, причем дело следствия — выяснить меру ответственности каждого должностного лица. Как теперь ясно, дело происходило приблизительно таким образом. День 1 мая прошел в Царицыне спокойно, были маленькие беспорядки, которые были своевременно прекращены. Но к вечеру, около 7 часов, полицмейстер получил известие, что двигается толпа манифестантов. Он послал отряд казаков, которые разогнали эту толпу, причем трое оказались сильно пострадавшими. Толпа эта оказалась толпою ополченцев. Немедленно на место собралась толпа горожан, приехал полицмейстер, потребовал разойтись. На это последовало со стороны толпы насилие в виде брошенных камней. Затем раздался залп, и в конце концов оказалось 8 раненых, из которых трое тяжело, и они умерли. Происшествие это не останется, конечно, без самых тяжелых последствий для виновных.

Я не могу признать виновной полицейскую власть в г. Калязине. Дело произошло в г. Калязине таким образом. Судебный следователь привлек в качестве обвиняемого некоего Демьянова и заключил его под стражу. Толпа в несколько сот человек, явившись к следователю, потребовала освобождения его. Следователь, чтобы выиграть время и для того, чтобы прекратить беспорядки, обещал запросить по телеграфу прокурора о том, возможно ли освобождение этого лица; до получения на это ответа толпа начала действовать крайне вызывающе, спрашивала судебного следователя, правда или нет, что Демьянов повешен. Следователь просил прислать отца Демьянова и еще двух депутатов, чтобы убедиться, что Демьянов цел, и сам пошел по направлению к тюрьме, но толпа потребовала, чтобы ее туда впустили в количестве от двухсот до трехсот человек. Раздались угрозы по адресу следователя, и он едва успел только бегом скрыться в полицейском управлении; туда укрылся и исправник, который тщетно убеждал разойтись другую толпу, которая осталась перед крыльцом судебного следователя.

В это время в окно полицейского управления были брошены камни; исправник распорядился таким образом: у него было 9 стражников, 5 из них он поставил у окон полицейского

управления, а с четырьмя вышел на крыльцо довольно высокое, так что они стояли выше толпы. На просьбу разойтись, не действовать насильно и не освобождать насильно человека, который заключен под стражу по обвинению судебной власти, послышались насмешки, а затем посыпались камни. Тогда полицмейстер приказал дать залп. Так как стражники стояли выше толпы, то никто в толпе не был поврежден этими выстрелами. В ответ посыпался град камней. Когда был дан вторичный залп, то ранен был один человек, но два стражника, из которых один получил от камней повреждения ноги, дали тоже выстрелы, в результате которых оказалось два убитых. После этого спокойствие было восстановлено. Действия исправника в данном случае я не могу признать неправильными.

Кончив описание событий, бывших после вступления моего в должность, я все-таки должен сделать оговорку. Запросы Думы, конечно, касаются только таких явлений, которые могут вызвать нарекания в обществе. Отвечая на них, я не скрывал неправильных действий должностных лиц; но мне кажется, что отсюда нельзя и не следует делать выводов о том, что большинство моих подчиненных не следуют велениям долга. Это, в большинстве, люди, свято исполняющие свой долг, любящие свою родину и умирающие на посту. С октября месяца до 20 апреля их было убито 288, а ранено 383, кроме того было 156 неудачных покушений. Я бы мог на этом закончить, но меня еще спрашивают, что я думаю делать в будущем и известно ли мне, что администрация переполняет тюрьмы лицами, заведомо не виновными. Я не отрицаю, что в настоящее смутное время могут быть ошибки, недосмотры по части формальностей, недобросовестность отдельных должностных лиц, но скажу, что с моей стороны сделаю все для ускорения пересмотра этих дел. Пересмотр этот в полном ходу. Вместе с тем, правительство так же, как и общество, желает перехода к нормальному порядку управления. Тут, в Государственной думе, с этой самой трибуны раздавались обвинения правительству в желании насаждать везде военное положение, управлять всей страной путем исключительных законов; такого желания у правительства нет, а есть желание и обязанность сохранять порядок (шум). Порядок нарушается всеми средствами, нельзя же, во имя даже склонения в свою сторону симпатий, нельзя же совершенно обезоружить правительство и идти сознательно по пути дезорганизации… (шум).

Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным

безвластие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и: искательства. Правительство — аппарат власти, опирающейся на законы, отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но [также] твердого исполнения своего долга и закона. Я предвижу возражения, что существующие законы настолько несовершенны, что всякое их применение может вызвать только ропот. Мне рисуется волшебный круг, из которого выход, по-моему, такой: применять существующие законы до создания новых, ограждая всеми способами и по мере сил права и интересы отдельных лиц. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым (шум, смех). В заключение повторяю, обязанность правительства — святая обязанность ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, на и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ (шум).

[…]

…виноват, в неточности, который мне бросили, я должен сказать, что мне известны другие сведения о погроме, которые были мне доставлены лицами, специально мною посланными. Я должен указать на то, что ротмистр Пышкин немного неточен в речи Набокова. Дело в том, что стреляли, как точно установлено, в народный дом стражники пешие, а не те, которые были в распоряжении ротмистра Пышкина. Дело о погроме передано следствию, и если судебным следствием будет выяснена вина ротмистра Пышкина, то он, конечно, будет в ответственности. Что же касается вологодского губернатора, тоже как реальной величины, то я должен сказать, что он подал в отставку ранее вологодского погрома. Затем, когда я его спрашивал по телеграфу о нареканиях, которые распространяются на администрацию и полицию, он ответил, что это сплошная ложь, — извините за это выражение, но эти слова были в телеграмме.

Затем я выслушал реальные вопросы и нарекания от г. Винавера. Он спрашивает о моем мнении относительно моих предшественников. Мне кажется, что распространять настолько право запроса не следует. Я не обязан отвечать на такого рода запросы. Относительно реального факта о действительном статском советнике Рачковском, который сидел на месте вице-директора, я заявляю, что этого места он не занимает и ни на

какой определенной должности в департаменте полиции не находится.

Перейду к Пышкину как к эмблеме. Я выслушал здесь от князя Урусова, что мои сведения неточны, что я не осведомлен. Я должен сказать, что я приложил все усилия, чтобы выяснить ту картину, которая была брошена в нас как обвинение, я имел показания лиц, выяснявших это для бывшего председателя Совета министров, и документальные данные — на основании их только я могу ответить. Я могу показать их лицу, которое пожелает их видеть. Не знаю, настолько ли документальны данные князя Урусова и откуда он черпал свои сведения. Затем, он говорит, что, если даже министр внутренних дел одушевлен самыми лучшими намерениями, он лишен возможности сделать добро, ему мешают какие-то призраки ротмистра Пышкина в виде эмблемы. Я должен сказать, что по приказанию Государя я, вступив в управление Министерством внутренних дел, получил всю полноту власти и на мне лежит вся тяжесть ответственности. Если бы были призраки, которые бы мешали мне, то эти призраки были бы разрушены, но этих призраков я не знаю. Затем меня упрекал г. Винавер в том, что я слишком узко смотрю на дело, но я вошел на эту кафедру с чистой совестью. Что я знал, то и сказал и представил дело таким образом, что то, что нехорошо, того больше не будет… (шум; крики: а Белостокский погром?!). Одни говорят — ты этого не можешь, а другие — ты этого не хочешь, но то, что я могу и хочу сделать, на то я уже ответил в своей речи. Упрек, который мне сделал г. Винавер, что я узко смотрю на вопрос, я не совсем понимаю. Для меня дело стоит так: если я признаю нежелательным известное явление, если я признаю, что власть должна идти об руку с правом, должна подчиняться закону, то явления неправомерные не могут иметь места. Мне говорят, что у меня нет должного правосознания, что я должен изменить систему, — я должен ответить на это, что это дело не мое. Согласно понятию здравого правосознания, мне надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России (шум, свистки). Этот шум мне мешает, но меня не смущает и смутить меня не может. Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не вправе, изменять законы я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы (шум, крики: отставка!).

6 марта 1907 г.
Первое выступление П. А. Столыпина во Второй Государственной Думе в качестве Председателя Совета Министров

Перед началом совместной с Государственной думой деятельности я считаю необходимым с возможною полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранию общую картину законодательных предположений, которые министерство решило представить его высокому вниманию.

Но прежде чем перейти к изложению существа отдельных законопроектов, прежде чем попытаться осветить руководящую идею правительства, я не могу не остановить внимания Государственной думы на положении, которое займет правительство по отношению к вносимым им законопроектам. Я разумею существо и порядок их защиты.

В странах с установившимся правительственным строем отдельные законопроекты являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка. В этом случае закон, прошедший все стадии естественного созревания, является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно и брожения.

Тут не только каждый законопроект, но каждая отдельная его черта, каждая особенность может чувствительно отозваться на благе страны, на характере будущего законодательства. При множестве новизны, вносимой в жизнь народа, необходимо связать все отдельные правительственные предположения одною общею мыслью, мысль эту выяснить, положить ее в основание всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте. Затем следует войти в оценку той мысли, которая противополагается мысли законопроекта, и добросовестно решить, совместима ли она, по мнению правительства, с благом государства, с его укреплением и возвеличением и потому приемлема ли она. В дальнейшей же

выработке самих законов нельзя стоять на определенном построении, необходимо учитывать все интересы, вносить все изменения, требуемые жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработке, согласно выяснившейся жизненной правде.

В основу всех тех правительственных законопроектов, которые министерство вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта — создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены.

Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности, получившими одобрение Монарха, и старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии или не обнимающими новых требований законодателя, а также произвольным пониманием новых начал со стороны частных и должностных лиц.

Вот почему правительство главнейшею своею обязанностью почло представить на уважение Государственной думы и Государственного совета целый ряд законопроектов, устанавливающих твердые устои новоскладывающейся государственной жизни России.

Но, прежде чем перейти к выработанным законопроектам, я должен упомянуть о тех законах, которые, ввиду их чрезвычайной важности и спешности, были проведены в порядке ст. 87 основных законов и подлежат также рассмотрению Государственной думы и Совета.

Не останавливаясь на законах, ведущих к равноправию отдельных слоев населения и свободе вероисповедания, срочность осуществления которых не нуждается в разъяснении, считаю долгом остановиться на проведенных, в порядке чрезвычайном, законах об устройстве быта крестьян.

Настоятельность принятия в этом направлении самых энергичных мер настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнению. Невозможность отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьб

крестьян, изнемогающих от земельной неурядицы, ставили перед правительством обязательство не медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения России. К тому же на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам законный выход в их нужде.

В этих видах изданы были законы о предоставлении крестьянам земель государственных, а Государь повелел передать на тот же предмет земли удельные и кабинетские на началах, обеспечивающих крестьянское благосостояние. Для облегчения же свободного приобретения земель частных и улучшения наделов изменен устав Крестьянского банка в смысле согласования с существующим уже в законе, но остававшимся мертвою буквою разрешением залога надельных земель в казенных кредитных учреждениях, причем приняты все меры в смысле сохранения за крестьянами их земель. Наконец, в целях достижения возможности выхода крестьян из общины, издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда.

Все эти законы вносятся на усмотрение Государственной думы и Государственного совета.

Но, наряду с неотложными, уже вошедшими временно в действие законами, правительство изготовило в области внутреннего управления еще целый ряд законопроектов, также вносимых в Государственную думу в нынешнюю сессию.

Ранее всего правительство почло своим долгом выработать законодательные нормы для тех основ права, возвещенных манифестом 17 октября, которые еще законом не установлены.

Тогда как свобода слова, собраний, печати, союзов определены временными правилами, свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции остались не нормированы нашим законодательством. Вследствие сего, в целях выполнения задачи проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру все действующее отечественное законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 года.

Но ранее этого правительство должно было остановиться на своих отношениях к Православной Церкви и твердо установить,

что многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести начала государства христианского, в котором Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тем самым призвана оберегать полную свободу ее внутреннего управления и устройства и идти навстречу всем ее начинаниям, находящимся в соответствии с общими законами государства. Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевляется именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вместе с тем права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений. Поэтому, с целью проведения в жизнь Высочайше дарованных узаконений об укреплении начал веротерпимости и свободы совести, министерство вносит в Государственную думу и Совет ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое; беспрепятственное богомоление, сооружение молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений и т. п.

Переходя к неприкосновенности личности, Государственная дума найдет в проекте министерства обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обусловливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции.

Отклонение от этих начал признано допустимым лишь при введении, во время войны или народных волнений, исключительного положения, которое предполагается одно вместо трех, ныне существующих, причем административную высылку в определенные места предположено совершенно упразднить.

Кроме этих законопроектов общего характера, устанавливающих обязанности и права подданных Российской державы, правительство выработало ряд законопроектов, перестраивающих местную жизнь на новых началах. Так как местная жизнь охватывается областью самоуправления земского и городского, областью управления (администрация) и полицейскими мероприятиями, то и проекты министерства касаются именно этих отраслей нашего законодательства. Как в

губернии, так и в уезде деятельность административная, полицейская и земская течет по трем параллельным руслам, но чем ближе к населению, тем жизнь упрощается и тем необходимее остановиться на ячейке, в которой население могло бы найти удовлетворение своих простейших нужд. Таким установлением по проекту министерства должна явиться бессословная, самоуправляющаяся волость в качестве мелкой земской единицы. Полицейские ее обязанности должны ограничиться простейшими обязанностями местной общественной полиции, а административные предполагается свести к делам, касающимся воинской повинности, ведению посемейных списков, некоторым податным действиям и т. п. В ведение волости должны входить все земли, имущества и лица, находящиеся в ее пределах. Волость будет самой мелкой административно-общественной единицей, с которой будут иметь дело частные лица, но при этом лица, владеющие землею совместно, миром, то есть главным образом владельцы надельной земли, образуют из себя, исключительно для решения своих земельных дел, особые земельные общества, сохраняющие некоторые преимущества, а именно неотчуждаемость надельных земель и применение к наследованию ими местных обычаев. Таким образом земельным обществам не будет присвоено никаких административных обязанностей, создаются они для совместного ведения бывшими надельными землями, причем предполагаются меры против чрезмерного сосредоточения этих земель в одних руках и против чрезмерного дробления их, а равно к упрочению совершения на них актов.

Для удовлетворения же простейших потребностей села, вытекающих из совместного проживания, предположено ввести в селах крупных, а также таких, в которых проживают посторонние крестьянам лица, особые поселковые управления, с участием помянутых посторонних лиц и в управлении, и в обложении.

Все сказанные организации получили свое выражение во вносимых в Государственную думу и Государственный совет проектах земельных обществ, поселкового и волостного управления.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управления осложняются, и в соответствии с этим министерство должно было заняться реформою самоуправления земского и городского, реформою управления губернского, уездного и участкового и реформою полицейскою.

В области самоуправления министерство коснулось трех важнейших, по его мнению, общих вопросов: вопроса земского и городского представительства, вопроса об его компетенции и

вопроса об отношении к самоуправлению со стороны администрации. Одновременно министерство приступило к существенному и необходимому труду пересоставления всех уставов, точно устанавливающих обязанности земства и администрации. В настоящее время министерство вносит в Государственную думу устав общественного призрения, устав о гужевых земских дорогах и временный закон о передаче продовольственного дела в ведение земских учреждений. Составляются уставы врачебный и строительный.

Возвращаясь к общим вопросам, выдвинутым в области самоуправления, укажу на то, что вносимый в Думу проект о земском представительстве строит его на принципе налогового ценза, расширяя этим путем круг лиц, принимающих участие в земской жизни, но обеспечивая одновременно участие в ней культурного класса землевладельцев, компетенция же органов самоуправления увеличивается передачею им целого ряда новых обязанностей, а отношение к ним администрации заключается в надзоре за законностью их действий.

Самоуправление на тех же общих основах с некоторыми, вызванными местными особенностями, изменениями предполагается ввести в Прибалтийском, Западном крае и Царстве Польском, за выделением в особую административную единицу местностей, в которых сосредоточивается исстари чисто русское население, имеющее свои специальные интересы.

Что касается административных органов, то министерство вносит в Думу проекты законов о губернском управлении, об уездном управлении и об участковых комиссарах.

В губернском и уездном управлении получает осуществление принцип возможного объединения всех гражданских властей, всех отдельных многочисленных ныне присутствий и главным образом осуществление начала административного суда. Таким путем все жалобы на постановления административных и выборных должностных лиц и учреждений будут, согласно проекту, рассматриваться смешанной административно-судной коллегией с соблюдением форм состязательного процесса. Во главе уезда предполагается поставить начальника уездного управления, который и объединял бы гражданские власти уезда. В пределах уезда в качестве агентов администрации предположены участковые комиссары. Земские начальники упраздняются. Полицию предполагается преобразовать в смысле объединения полиции жандармской и общей, причем с жандармских чинов будут сняты обязанности по производству политических дознаний, которые будут переданы власти следственной. Новым в области полицейской будет предлагаемый вниманию

Государственной думы устав полицейский, который должен заменить устарелый устав о предупреждении и пресечении преступлений и точно установить сферу действий полицейской власти.

В строгой связи с преобразованием местного управления стоит и преобразование суда. С отменой учреждения земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению. Министерство юстиции представляет но этим соображениям в Государственную думу проект преобразования местного суда с сосредоточением судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчиненных ныне юрисдикции общих судебных установлений, связь с которыми будет поддерживаться образованием для них апелляционной инстанции в виде уездных отделений окружного суда с кассационной инстанцией в лице Правительствующего сената.

Далее, в целях обеспечения в государстве законности и укрепления в населении сознания святости и ненарушимости закона, Министерство юстиции вносят в Государственную думу проект о гражданской и уголовной ответственности служащих, действительно обеспечивающей применение начала уголовной и имущественной ответственности служащих за их проступки и охраняющей вместе с тем спокойное и уверенное отправление ими службы и ограждающей их от обвинений явно неосновательных. Деяния эти предположено поэтому подчинить общим процессуальным постановлениям, устранив все те в указанном отношении отступления от общего, порядка, которые не представляются безусловно необходимыми. Не останавливаясь на проектах об увеличении содержания должностным лицам судебного ведомства и усилении действующих штатов, не могу не обратить внимания Государственной думы на законопроекты в области уголовного права и процесса, устанавливающие целый ряд мер, которые, за сохранением незыблемыми основных начал судебных уставов Александра Второго, оправдываются указаниями практики или же отвечают некоторым получившим за последнее время преобладание в науке и уже принятым законодательствами многих государств Европы воззрениям. Так, предполагается допущение защиты на предварительном следствии, введение состязательного начала в обряде предания суду, установление институтов условного осуждения и условного досрочного освобождения и т. п. Наряду с этим предположено введение в полном объеме нового уголовного уложения, но

согласовании его со всеми изданными за последнее время законоположениями.

Вносится также целый ряд законопроектов в области гражданского законодательства, проект охранительного судопроизводства и, наряду со многими имеющими меньшее значение законопроектами, проекты вотчинного устава и дополнительных к нему узаконений, направленных к установлению у нас ипотечной системы, в целях внесения в область земельных правоотношений надлежащей гласности, определенности и твердости.

Область эта находится в тесной связи с делом землеустройства, составляющего предмет ведения другого ведомства — главного управления землеустройства и земледелия. Названное ведомство стоит перед задачей громадного значения. Оно призвано, главным образом, содействовать экономическому возрождению крестьянства, которое ко времени окончательного освобождения от обособленного положения в государстве выступает на арену общей борьбы за существование экономически слабым, неспособным путем занятия своим исконным земледельческим промыслом обеспечить себе безбедное существование.

Поэтому главное управление поставило себе целью увеличение площади землевладения крестьян и упорядочение этого землевладения, т. е. землеустройство.

Среди мер первой категории главное управление придает особое значение обеспечению земельного быта тех обществ, которые, получив дарственные наделы, не имели возможности до настоящего времени обеспечить себя землею путем покупки. Соответственный законопроект будет внесен в Государственную думу.

Способ устранения острого малоземелия главное управление видит в льготной, соответствующей ценности покупаемого и платежным способностям приобретателя, продаже земель земледельцам. Для этой цели в распоряжении правительства имеется, согласно указам 12 и 27 августа 1906 г., 9 мил. десятин и купленные с 3 ноября 1905 г. Крестьянским банком свыше 2 мил. десятин. Но для успеха дела увеличение крестьянского землевладения надлежит связать с улучшением форм землепользования, для чего необходимы меры поощрения и главным образом кредит. Главное управление намерено идти в этом деле путем широкого развития и организации кредита земельного, мелиоративного и переселенческого.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету положение имеет целью устранение неудобств,

сопряженных с внутри надельным расположением участков отдельных селений и домохозяев, облегчение разверстания чересполосицы, облегчение выделения домохозяевам отрубных участков, упрощение способов отграничительных межеваний и принудительное разверстание чересполосных владений, при условии признания этой чересполосности вредною.

Спешное осуществление аграрных мероприятий находится в зависимости от деятельности местных землеустроительных комиссий, необходимость переустройства которых сознается главным управлением, составившим проект, имеющий целью: 1) теснее связать эти комиссии с местным населением путем усиления в них выборного начала и 2) придать им рабочие силы для проектирования и осуществления землеустроительных планов.

Хотя преобладающим по численности населением у нас является население сельское, но правительство считает настоятельно необходимым принять в законодательном порядке ряд мер и по отношению к рабочим.

В основу предполагаемой реформы положены признание безусловной необходимости положительного и широкого содействия государственной власти благосостоянию рабочих и стремление к исправлению недостатков в их положении.

Рассматривая рабочее движение как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения, реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двоякого рода направлении: в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем ненаказуемости экономических стачек.

Главнейшей задачей в области оказания рабочим положительной помощи является государственное попечение о неспособных к труду рабочих, осуществляемое путем страхования их, в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости. В связи с этим намечена организация врачебной помощи рабочим.

В целях охранения жизни и здоровья подрастающего рабочего поколения, установленные ныне нормы труда малолетних

рабочих и подростков должны быть пересмотрены с воспрещением им, как и женщинам, производства ночных и подземных работ. В связи с этим установленную законом 2 июня 1897 года продолжительность труда взрослых рабочих предполагается понизить.

Независимо от целого ряда менее важных преобразований в области рабочего законодательства, министерство торговли и промышленности полагает внести на обсуждение Государственной думы вопрос о защите интересов русской торговли и промышленности на Дальнем Востоке путем закрытия там порто-франко, установленного вследствие военных действий Высочайшим указом от 1 мая 1904 года.

В числе многочисленных проектов, вносимых в Государственную думу Министерством путей сообщения, я считаю долгом обратить внимание на настоятельную необходимость тех из них, которые имеют целью развитие и улучшение нашей рельсовой сети, разросшейся за последнее десятилетие с 35300 верст до 61725 верст.

Из предполагаемых же к постройке новых дорог я считаю долгом указать на Амурскую дорогу, которую предполагается провести от одной из конечных станций Забайкальской железной дороги до Хабаровска для создания непрерывного пролегающего по русской территории рельсового пути, соединяющего Европейскую Россию с дальневосточными окраинами. Этого требуют жизненные интересы России.

Кроме этого вниманию Государственной думы будет предложен целый ряд проектов о работах по развитию и улучшению внутренних водных путей и шоссейных дорог, а также срочные, имеющие большую важность, проекты, касающиеся правовых отношений, как, например, закон о судоходстве и сплаве и новый закон об отчуждении недвижимых имуществ для нужд государственных и общественных.

Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдает себе отчет, что усилия эти будут бесплодны, пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную высоту и не будут устранены те явления, которыми постоянно нарушается правильное течение школьной жизни в последние годы, явления, свидетельствующие о том, что без коренной реформы наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения. Школьная реформа на всех ступенях образования строится министерством народного просвещения на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но с законченным кругом знаний на каждой из

школьных ступеней. Особые заботы министерства народного просвещения будут направлены к подготовке преподавателей для всех ступеней школы и к улучшению их материального положения.

Затем: 1) ближайшей своей задачей министерство народного просвещения ставит установление совместными усилиями правительства и общества общедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образования для всего населения Империи.

В области средней школы министерство будет озабочено созданием разнообразных типов учебных заведений, с широким развитием профессиональных знаний, но с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством. В реформе высшей школы министерство ставит себе задачей укрепление тех начал, которые положены в основу предположенных преобразований Высочайшим указом 27 августа 1905 года, и согласование их с интересами общегосударственными, на основании опыта применения действующих временных правил.

Проведение в жизнь всех вышеизложенных законодательных предположений находится в зависимости от возможности их осуществления в финансовом отношении. С этой стороны Государственной думе и Государственному совету предстоит задача первостепенной важности: на рассмотрение их вносится государственная роспись, затрагивающая самые жизненные потребности государства. Правительство приглашает Государственную думу приступить к немедленному ее рассмотрению, так как вопросы бюджета настоятельно срочны и требуют величайшего внимания, тем более что положение России вызывает необходимость строгой бережливости, тогда как новые реформы требуют новых затрат. Настоящая минута тем более трудна, что она совпала с весьма крупным сокращением доходного бюджета, образовавшимся вследствие отмены манифестом 3 ноября 1905 года выкупных платежей крестьян и увеличения расходов на платежи процентов и погашения по займам, заключенным для покрытия военных расходов. Осложняется положение еще и тем, что искусственное задерживание нарастания государственных потребностей на долгое время невозможно. В развитии государства, как отдельного лица, бывают критические периоды усиленного роста. Происшедшее в октябре 1905 года коренное изменение в нашем государственном устройстве открыло собою, как указано выше, эту эпоху и выдвинуло на очередь целый ряд потребностей в самых различных отраслях государственной жизни. Наконец,

неудачная для нас война вызывает необходимость крупных затрат на возрождение нашей армии и флота. Как бы ни было велико наше стремление к миру, как бы громадна ни была потребность страны в успокоении, но если мы хотим сохранить наше военное могущество, ограждая вместе с тем самое достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежащего нам по праву места среди великих держав, то нам не придется отступить перед необходимостью затрат, к которым нас обязывает все великое прошлое России. Конечно, чрезвычайному характеру этих потребностей может соответствовать только обращение к чрезвычайным ресурсам.

Эти соображения должны быть предпосланы рассмотрению Государственной думой внесенных в нее министерством финансов законодательных предположений об установлении новых налогов и преобразовании некоторых существующих видов обложения. В этих предположениях руководящею мыслью министерства финансов было достижение возможной равномерности обложения и возможное освобождение широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени. Некоторое исправление в недостаточную уравнительность нашей податной системы внесет, по проекту министерства финансов, подоходный налог. Проекты же обложения некоторых предметов, доступных лицам достаточным, вызваны стремлением министерства избежать отягощения малоимущих слоев населения. Остальные проекты министерства финансов относятся к осуществлению мысли о пересмотре системы реального обложения и о преобразовании некоторых видов пошлин и главным образом пошлин наследственных.

Все эти преобразования не являются осуществлением полной и стройной реформы податного строя. При теперешних обстоятельствах правительство надеется лишь достигнуть ими, при наименьших жертвах со стороны плательщиков, возможности не только проведения настоятельно необходимых государственных реформ, но и оживления деятельности органов общественного самоуправления путем передачи им некоторой части нынешних государственных доходов, так как, расширяя круг действия земств и городов, правительство обязано дать им возможность выполнить возложенные на них обязанности.

Изложив перед Государственной думой программу законодательных предположений правительства, я бы не выполнил своей задачи, если бы не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей

родины. Правительство готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие, то есть правительство стойкое и чисто русское, каковым должно быть и будет правительство Его Величества. (Аплодисменты справа.)

6 марта 1907 г.
Не запугаете!
(Разъяснение П. А. Столыпина, сделанное после Думских прений)

Господа, я не предполагал выступать вторично перед Государственной думой, но тот оборот, который приняли прения, заставляет меня просить вашего внимания. Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях Государственной думе будет держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду. Возвращаюсь к законности. Я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявлять; это его долг перед Думой и страной. В настоящее время я утверждаю, что Государственной думе, волею Монарха, не дано право выражать правительству неодобрение, порицание и недоверие. Это не значит, что правительство бежит от ответственности. Безумием было бы полагать, что люди, которым вручена была власть, во время великого исторического перелома, во время переустройства всех государственных, законодательных устоев, чтобы люди, сознавая всю тяжесть возложенной на них задачи, не сознавали и тяжести взятой на себя ответственности, но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы и от Царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в Южном промышленном районе, когда распространялись крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целости русского народа, или действовать и отстоять то, что было ей вверено. Но, господа, принимая второе решение, правительство роковым образом навлекло на себя и обвинение. Ударяя по революции, правительство несомненно не могло не задеть и частных интересов. В то время правительство задалось одною целью — сохранить те заветы, те устои, те

начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая Второго. Борясь исключительными средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во Вторую думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут волею Монарха нет ни судей, ни обвиняемых и что эти скамьи — не скамьи подсудимых, это место правительства. (Голоса справа: браво, браво.) За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу пашей родины, мы точно так же, как и вы, дадим ответ перед историей. Я убежден, что та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более. Я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений. В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «Руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: «Не запугаете», (Аплодисменты справа.)

13 марта 1907 г.
Исключительные законы — средство необходимой обороны государства (Речь о временных законах, изданных в период между Первой и Второй Думами, произнесенная в Государственной думе)

[…]

Мы слышали тут обвинения правительству, мы слышали о том, что у него руки в крови, мы слышали, что для России стыд и позор, что в нашем государстве были осуществлены такие меры, как военно-полевые суды. Я понимаю, что хотя эти прения не могут привести к реальному результату, но вся Дума ждет от правительства ответа прямого и ясного на вопрос: как правительство относится к продолжению действия в стране закона о военно-полевых судах?

Я, господа, от ответа не уклоняюсь. Я не буду отвечать только на нападки за превышение власти, за неправильности, допущенные при применении этого закона. Нарекания эти голословны, необоснованны, и на них отвечать преждевременно. Я буду говорить по другому, более важному вопросу. Я буду говорить о нападках на самую природу этого закона, на то, что это позор, злодеяние и преступление, вносящее разврат в основы самого государства.

Самое яркое отражение эти доводы получили в речи члена Государственной думы Маклакова. Если бы я начал ему возражать, то, несомненно, мне пришлось бы вступить с ним в юридический спор. Я должен был бы стать защитником военно-полевых судов, как судебного, как юридического института. Но в этой плоскости мышления, я думаю, что я ни с г. Маклаковым, ни с другими ораторами, отстаивающими тот же принцип, — я думаю, я с ними не разошелся бы. Трудно возражать тонкому юристу, талантливо отстаивающему доктрину. Но, господа, государство должно мыслить иначе, оно должно становиться на другую точку зрения, и в этом отношении мое убеждение неизменно. Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть, это будет всегда и неизменно. Этот принцип в природе человека, он в природе самого государства. Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете

двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя его ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете. Этот порядок признается всеми государствами. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы ему полномочия приостанавливать все нормы права. Это, господа, состояние необходимой обороны; оно доводило государство не только до усиленных репрессий, не только до применения различных репрессий к различным лицам и к различным категориям людей, — оно доводило государство до подчинения всех одной воле, произволу одного человека, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство из опасности и приводила до спасения. Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества. Но с этой кафедры был сделан, господа, призыв к моей политической честности, к моей прямоте. Я должен открыто ответить, что такого рода временные меры не могут приобретать постоянного характера; когда они становятся длительными, то, во-первых, они теряют свою силу, а затем они могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом. Временная мера — мера суровая, она должна сломить преступную волну, должна сломить уродливые явления и отойти в вечность. Поэтому правительство должно в настоящее время ясно дать себе отчет о положении страны, ясно дать ответ, что оно обязано делать.

Вот возникают два вопроса. Может ли правительство, в силе ли оно оградить жизнь и собственность русского гражданина обычными способами, применением обыкновенных законов? Но может быть и другой вопрос. Надо себя спросить, не является ли такой исключительный закон преградой для естественного течения народной жизни, для направления ее в естественное, спокойное русло?

На первый вопрос, господа, ответ не труден, он ясен из бывших тут прений. К сожалению, кровавый бред, господа, не пошел еще на убыль и едва ли обыкновенным способом подавить его по плечу нашим обыкновенным установлениям. Второй вопрос сложнее: что будет, если противоправительственному течению дать естественный ход, если не противопоставить ему силу? Мы слушали тут заявление группы социалистов-революционеров. Я думаю, что их учение не сходно с учением социалистических и революционных партий, что тут играет роль созвучие названий и что здесь присутствующие не разделяют

программы этих партий. На заданный вопрос ответ надо черпать из документов. Я беру документ официальный — избирательную программу российской социальной рабочей партии. Я читаю в ней: «Только под натиском широких народных масс, напором народного восстания поколеблется армия, на которую опирается правительство, падут твердыни самодержавного деспотизма, только борьбою завоюет народ государственную власть, завоюет землю и волю». В окончательном тезисе я прочитываю: «Чтобы основа государства была установлена свободно избранными представителями всего народа; чтобы для этой цели было созвано учредительное собрание всеобщим, прямым, равным и тайным, без различия веры, пола и национальности голосованием; чтобы все власти и должностные лица избирались народом и смещались им, — в стране не может быть иной власти, кроме поставленной народом и ответственной перед ним и его представителями; чтобы Россия стала демократической республикой». Передо мной другой документ: резолюция съезда, бывшего в Таммерфорсе перед началом действия Государственной думы. В резолюции я читаю: «Съезд решительно высказывается против тактики, определяющей задачи Думы как органическую работу в сотрудничестве с правительством при самоограничении рамками Думы для многих основных законов, не санкционированных народной волей». Затем резолюция окончательная: «Съезд находит необходимым, в виде временной меры, все центральные и местные террористические акты, направленные против агентов власти, имеющих руководящее, административно-политическое значение, поставить под непосредственный контроль и руководство центрального комитета. Вместе с тем, съезд находит, что партия должна возможно более широко использовать для этого расширения и углубления своего влияния в стране все новые средства и поводы агитации и безостановочно развивать в стране, в целях поддержки, основные требования широкого народного движения, имеющего перейти во всеобщее восстание».

Господа, я не буду утруждать вашего внимания чтением других, не менее официальных документов. Я задаю себе лишь вопрос о том, вправе ли правительство, при таком положении дела, сделать демонстративный шаг, не имеющий за собой реальной цены, шаг в сторону формального нарушения закона? Вправе ли правительство перед лицом своих верных слуг, ежеминутно подвергающихся смертельной опасности, сделать главную уступку революции?

Вдумавшись в этот вопрос, всесторонне его взвешивая, правительство пришло к заключению, что страна ждет от него не оказательства слабости, а оказательства веры. Мы хотим верить,

что от вас, господа, мы услышим слово умиротворения, что вы прекратите кровавое безумие. Мы верим, что вы скажете то слово, которое заставит нас всех стать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение.

В ожидании этого слова правительство примет меры для того, чтобы ограничить суровый закон только самыми исключительными случаями самих дерзновенных преступлений, с тем чтобы, тогда Дума толкнет Россию на спокойную работу, закон этот пал сам собой путем ее внесения его на утверждение законодательного собрания. Господа, в ваших руках успокоение России, которая, конечно, сумеет отличить кровь, о которой так много здесь померилось, кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой — исцелить трудно больного. (Аплодисменты справа.)

Из речи П. А. Столыпина 13 марта 1907 г. // Государственная дума. Второй созыв. Сессия вторая. 1907 год. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. I. С. 512–518.

10 мая 1907 г.
Нам нужна Великая Россия
(Речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности, произнесенная в Государственной думе)

Господа члены Государственной думы! Прислушиваясь к прениям по земельному вопросу и знакомясь с ними из стенографических отчетов, я пришел к убеждению, что необходимо ныне же до окончания прений сделать заявление как по возбуждавшемуся тут вопросу, так и о предположениях самого правительства. Я, господа, не думаю представлять вам полной аграрной программы правительства. Это предполагалось сделать подлежащим компетентным ведомством в аграрной комиссии. Сегодня я только узнал, что в аграрной комиссии, в которую не приглашаются члены правительства и не выслушиваются даже те данные и материалы, которыми правительство располагает, принимаются принципиальные решения. Тем более я считаю необходимым высказаться только в пределах тех вопросов, которые тут поднимались и обсуждались. Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле, самым искренним образом желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту. Я поэтому обойду все те оскорбления и обвинения, которые раздавались здесь против правительства. Я не буду останавливаться и на тех нападках, которые имели характер агитационного напора на власть. Я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам, а постараюсь встать на чисто государственную точку зрения, постараюсь отнестись совершенно беспристрастно, даже более того, бесстрастно к данному вопросу. Постараюсь вникнуть в существо высказывавшихся мнений, памятуя, что мнения, не согласные со взглядами правительства, не могут почитаться последним за крамолу. Правительству тем более, мне кажется, подобает

высказаться в общих чертах, что из бывших здесь прений, из бывшего предварительного обсуждения вопроса ясно, как мало шансов сблизить различные точки зрения, как мало шансов дать аграрной комиссии определенные задания, очерченный строгими рамками наказ.

Переходя к предложениям разных партий, я прежде всего должен остановиться на предложении партии левых, ораторами которых выступили здесь прежде всего господа Караваев, Церетели, Волк-Карачевский и др. Я не буду оспаривать тех весьма спорных по мне цифр, которые здесь представлялись ими. Я охотно соглашусь и с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России. Встревоженное этим правительство уже начало принимать ряд мер для поднятия земледельческого класса. Я должен указать только на то, что тот способ, который здесь предложен, тот путь, который здесь намечен, поведет к полному перевороту во всех существующих гражданских правоотношениях; он ведет к тому, что подчиняет интересам одного, хотя и многочисленного, класса интересы всех других слоев населения. Он ведет, господа, к социальной революции. Это сознается, мне кажется, и теми ораторами, которые тут говорили. Один из них приглашал государственную власть возвыситься в этом случае над правом и заявлял, что вся задача настоящего момента заключается именно в том, чтобы разрушить государственность с ее помещичьей бюрократической основой и на развалинах государственности создать государственность современную на новых культурных началах. Согласно этому учению, государственная необходимость должна возвыситься над правом не для того, чтобы вернуть государственность на путь права, а для того, чтобы уничтожить в самом корне именно существующую государственность, существующий в настоящее время государственный строй. Словом, признание национализации земли, при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него, поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история. Но это, конечно, не довод против предложения левых партий, если это предложение будет признано спасительным. Предположим же на время, что государство признает это за благо, что оно перешагнет через разорение целого, как бы там ни говорили, многочисленного, образованною класса землевладельцев, что оно примирится с разрушением редких культурных очагов на местах, — что же из этого выйдет? Что, был бы, по крайней мере, этим способом разрешен, хотя бы с материальной стороны, земельный вопрос?

Дал бы он или нет возможность устроить крестьян у себя на местах?

На это ответ могут дать цифры, а цифры, господа, таковы: если бы не только частновладельческую, но даже всю землю без малейшего исключения, даже землю, находящуюся в настоящее время под городами, отдать в распоряжение крестьян, владеющих ныне надельною землею, то в то время, как в Вологодской губернии пришлось бы всего вместе с имеющимися ныне по 147 десятин на двор, в Олонецкой по 185 дес, в Архангельской даже по 1309 дес, в 14 губерниях недостало бы и по 15, а в Полтавской пришлось бы лишь по 9, в Подольской всего по 8 десятин. Это объясняется крайне неравномерным распределением по губерниям не только казенных и удельных земель, но и частновладельческих. Четвертая часть частновладельческих земель находится в тех 12 губерниях, которые имеют надел свыше 15 десятин на двор, и лишь одна седьмая часть частновладельческих земель расположена в 10 губерниях с наименьшим наделом, т. е. по 7 десятин на один двор. При этом принимается в расчет вся земля всех владельцев, то есть не только 107000 дворян, но и 490000 крестьян, купивших себе землю, и 85000 мещан, — а эти два последние разряда владеют до 17000000 десятин. Из этого следует, что поголовное разделение всех земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на местах; придется прибегнуть к тому же средству, которое предлагает правительство, то есть к переселению; придется отказаться от мысли наделить землей весь трудовой народ и не выделять из него известной части населения в другие области труда. Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается из цифр прироста населения за 10-летний период в 50 губерниях европейской России. Россия, господа, не вымирает; прирост ее населения превосходит прирост всех остальных государств всего мира, достигая на 1000 человек 15 в год. Таким образом, это даст на одну европейскую Россию всего на 50 губерний 1625000 душ естественного прироста в год или, считая семью в 5 человек, 341000 семей. Так что для удовлетворения землей одного только прирастающего населения, считая по 10 дес. на один двор, потребно было бы ежегодно 3500000 дес. Из этого ясно, господа, что путем отчуждения, разделения частновладельческих земель земельный вопрос не разрешается. Это равносильно наложению пластыря на засоренную рану. Но, кроме упомянутых материальных результатов, что даст этот способ стране, что даст он с нравственной стороны?

Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских

обществах, та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россию. Все и все были бы сравнены, земля стала бы общей, как вода и воздух. Но к воде и к воздуху не прикасается рука человеческая, не улучшает их рабочий труд, иначе на улучшенные воздух и воду, несомненно, наложена была бы плата, на них установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распределилась бы между гражданами, отчуждалась бы у одних и предоставлялась бы другим местным социал-демократическим присутственным местом, что эта земля получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу, — этого никто не стал бы делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданин — а между ними всегда были и будут тунеядцы — будет знать, что он имеет право заявить о желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда занятие это ему надоест, бросить ее и пойти опять бродить по белу свету. Все будет сравнено, — [но нельзя ленивого] равнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самою силой вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле.

Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человек даровитый, сильный, способный силою восстановил бы свое право на собственность, на результаты своих трудов. Ведь, господа, собственность имела всегда своим основанием силу, за которою стояло и нравственное право. Ведь и раздача земли при Екатерине Великой оправдывалась необходимостью заселения незаселенных громадных пространств (голос из центра: «ого»), и тут была государственная мысль. Точно так же право способного, право даровитого создало и право собственности на Западе. Неужели же нам возобновлять этот опыт и переживать новое воссоздание права собственности на уравненных и разоренных полях России? А эта перекроенная и уравненная Россия, что, стала ли бы она и более могущественной и богатой? Ведь богатство народов создает и могущество страны. Путем же переделения всей земли государство в своем целом не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены

крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль, и эта распыленная земля будет высылать в города массы обнищавшего пролетариата. Но положим, что эта картина неверна, что краски тут сгущены. Кто же, однако, будет возражать против того, что такое потрясение, такой громадный социальный переворот не отразится, может быть, на самой целости России. Ведь тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности, предлагают нам среди других сильных и крепких пародов превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество. Я думаю, что на втором тысячелетии своей жизни Россия не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение — там смерть.

Теперь обратимся, господа, к другому предложенному нам проекту, проекту партии народной свободы. Проект этот не обнимает задачу в таком большом объеме, как предыдущий проект, и задается увеличением пространства крестьянского землевладения. Проект этот даже отрицает, не признает и не создает ни за кем права на землю. Однако я должен сказать, что и в этом проекте для меня не все понятно, и он представляется мне во многом противоречивым. Докладчик этой партии в своей речи отнесся очень критически к началам национализации земли. Я полагал, что он логически должен поэтому прийти к противоположному, к признанию принципа собственности. Отчасти это и было сделано. Он признал за крестьянами право неизменного, постоянного пользования землей, но вместе с тем для расширения его владений он признал необходимым нарушить постоянное пользование его соседей-землевладельцев, вместе с тем он гарантирует крестьянам ненарушимость их владений в будущем. Но раз признан принцип отчуждаемости, то кто же поверит тому, что, если понадобится со временем отчудить земли крестьян, они не будут отчуждены, и поэтому мне кажется, что в этом отношении проект левых партий гораздо более искренен и правдив, признавая возможность пересмотра трудовых норм, отнятие излишка земли у домохозяев. Вообще, если признавать принцип обязательного количественного отчуждения, то есть принцип возможности отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, надо знать, к чему [это] поведет в конечном выводе — это приведет к той же национализации земли. Ведь если теперь, в 1907 г., у владельца, скажем, 3000 десятин будет отнято 2500 десятин, и за ним останется 500 десятин культурных, то ведь с изменением понятия о культурности и с ростом населения он, несомненно,

подвергается риску отнятия остальных 500 десятин. Мне кажется, что и крестьянин не поймет, почему он должен переселяться куда-то вдаль ввиду того только, что его сосед не разорен, а имеет по нашим понятиям культурное хозяйство. Почему он должен идти в Сибирь и не может быть направлен — по картинному выражению одного из ораторов партии народной свободы — на соседнюю помещичью землю? Мне кажется, ясно, что и по этому проекту право собственности на землю отменяется; она изъемлется из области купли и продажи. Никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть через несколько лет отчуждены. Докладчик партии прикидывал цену на отчуждаемую землю в среднем по 80 рублей на десятину в европейской России. Ведь это не может поощрить к применению своего труда к земле, скажем, тех лиц, которые за землю год перед тем заплатили по 200–300 рублей за десятину и вложили в нее все свое достояние. Но между мыслями, предложенными докладчиком партии народной свободы, есть и мысль, которая должна сосредоточить на себе самое серьезное внимание. Докладчик заявил, что надо предоставить самим крестьянам устраиваться так, как им удобно. Закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраивается по-своему, и только тогда мы действительно поможем населению. Нельзя такого заявления не приветствовать, и само правительство во всех своих стремлениях указывает только на одно: нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает. Интересно еще в проекте партии народной свободы другое провозглашаемое начало. Это начало государственной помощи. Предлагается отнести на расходы казны половину стоимости земли, приобретаемой крестьянами. Я к этому началу еще вернусь, а теперь укажу, что оно мне кажется несколько противоречивым провозглашаемому принципу принудительного отчуждения. Если признать принудительное отчуждение, то как же наряду с этим признать необходимость для всего населения, для всего государства, для всех классов населения придти на помощь самой нуждающейся части населения? Почему наряду с этим необходимо с этой целью обездолить 130000 владельцев, и не только обездолить, но и оторвать их от привычного и полезного для государства труда? Но, может быть, господа, без этого обойтись нельзя?

Прежде чем изложить вам в общих чертах виды правительства, я позволю себе остановиться еще на одном

способе разрешения земельного вопроса, который засел во многих головах. Этот способ, этот путь — это путь насилия. Вам всем известно, господа, насколько легко прислушивается наш крестьянин простолюдин к всевозможным толкам, насколько легко он поддается толчку, особенно в направлении разрешения своих земельных вожделений явочным путем, путем, так сказать, насилия. За это уже платился несколько раз наш серый крестьянин. Я не могу не заявить, что в настоящее время опасность новых насилий, новых бед в деревне возрастает. Правительство должно учитывать два явления: с одной стороны несомненное желание, потребность, стремление широких кругов общества поставить работу в государстве на правильных законных началах и приступить к правильному новому законодательству для улучшения жизни страны. Это стремление правительство не может не приветствовать и обязано приложить все силы для того, чтобы помочь ему. Но наряду с этим существует и другое: существует желание усилить брожение в стране, бросать в население семена возбуждения, смуты, с целью возбуждения недоверия к правительству, с тем чтобы подорвать его значение, подорвать его авторитет, для того чтобы соединить воедино все враждебные правительству силы. Ведь с этой кафедры, господа, была брошена фраза: «Мы пришли сюда не покупать землю, а ее взять». (Голоса: верно, правильно.) Отсюда, господа, распространялись и письма в провинцию, в деревни, письма, которые печатались в провинциальных газетах, почему я них и упоминаю, письма, вызывавшие и смущение и возмущение на местах. Авторы этих писем привлекались к. ответственности, но поймите, господа, что делалось в понятиях тех сельских обывателей, которым предлагалось, ввиду якобы насилий, кровожадности и преступлений правительства, обратиться к насилию и взять землю силой!

Я не буду утруждать вас, господа, ознакомлением с этими документами, я скажу только, что при наличности их, и я откровенно это заявляю, так как русский министр и не может иначе говорить в русской Государственной думе, можно предвидеть и наличность новых попыток приобретения земли силою и насилием. Я должен сказать, что в настоящее время опасность эта еще далеко, но необходимо определить ту черту, за которой опасность эта, опасность успешного воздействия на население в смысле открытого выступления, становится действительно тревожной. Государство, конечно, переступить эту черту, этот предел, не дозволит, иначе оно перестанет быть государством и станет пособником собственного своего разрушения. Все, что я сказал, господа, является разбором тех

стремлений, которые, по мнению правительства, не дают того ответа на запросы, того разрешения дела, которого ожидает Россия. Насилия допущены не будут. Национализация земли представляется правительству гибельною для страны, а проект партии народной свободы, то есть полуэкспроприация, полунационализация, в конечном выводе, по нашему мнению, приведет к тем же результатам, как и предложения левых партий.

Где же выход? Думает ли правительство ограничиться полумерами и полицейским охранением порядка? Но прежде чем говорить о способах, нужно ясно себе представить цель, а цель у правительства вполне определенна: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не от жила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами. Теперь же надлежит немедленно браться за незаметную черную работу, надлежит сделать учет всем тем малоземельным крестьянам, которые живут земледелием. Придется всем этим малоземельным крестьянам дать возможность воспользоваться из существующего земельного запаса таким количеством земли, которое им необходимо, на льготных условиях. Мы слышали тут, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всем крестьянам, необходимо иметь запас в 57000000 десятин земли. Опять-таки, говорю, я цифры не оспариваю. Тут же указывалось на то, что в распоряжении правительства находится только 10000000 десятин земли. Но, господа, ведь правительство только недавно начало образовывать земельный фонд, ведь Крестьянский банк перегружен предложениями. Здесь нападали и на Крестьянский банк, и нападки эти были достаточно веские. Была при этом брошена фраза: «Это надо бросить». По мнению правительства, бросать ничего не нужно. Начатое дело надо улучшать. При этом должно, быть может, обратиться к той мысли, на которую я указывал раньше, — мысли о государственной помощи. Остановитесь, господа, на том соображении, что государство есть один целый организм и что если между частями

организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в «царство, разделившееся на ся». В настоящее время государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: взять и разделить все 130000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю тришкина кафтана — обрезать полы, чтобы сшить из них рукава?

Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю.

В общих чертах дело сводилось бы к следующему: государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли, которые вместе с землями удельными и государственными составляли бы государственный земельный фонд. При массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы. Из этого фонда получали бы землю на льготных условиях те малоземельные крестьяне, которые в ней нуждаются и действительно прилагают теперь свой труд к земле, и затем те крестьяне, которым необходимо улучшить формы теперешнего землепользования. Но так как в настоящее время крестьянство оскудело, ему не под силу платить тот сравнительно высокий процент, который взыскивается государством, то последнее и приняло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы посилен крестьянину, который был бы определяем государственными учреждениями. Вот эта разница обременяла бы государственный бюджет; она должна была бы вноситься в ежегодную роспись государственных расходов.

Таким образом вышло бы, что все государство, все классы

населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей, чиновники, купцы, лица свободных профессий, те же крестьяне и те же помещики. Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса 130000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там ни говорили, и очаги культуры. Этим именно путем правительство начало идти, понизив временно проведенным по 87 статье законом проценты платежа Крестьянскому банку. Способ этот более гибкий, менее огульный, чем тот способ повсеместного принятия на себя государством платежа половинной стоимости земли, которую предлагает партия народной свободы. Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана таким образом крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под надельные земли, был бы создан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых правительством земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет, при рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении.

Пора этот вопрос вдвинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед. Средство это представляется смелым потому только, что в разоренной России оно создаст еще класс разоренных в конец землевладельцев. Обязательное отчуждение действительно может явиться необходимым, но, господа, в виде исключения, а не общего правила, и обставленным ясными и точными гарантиями закона. Обязательное отчуждение может быть не количественного характера, а только качественного. Оно должно применяться, главным образом, тогда, когда крестьян можно устроить на местах, для улучшения способов пользования ими землей, оно представляется возможным тогда, когда необходимо: при переходе к лучшему способу хозяйства — устроить водопой, устроить прогон к пастбищу, устроить дороги, наконец, избавиться от вредной чересполосицы. Но я, господа, не предлагаю вам, как я сказал ранее, полного аграрного проекта. Я предлагаю вашему вниманию только те вехи, которые поставлены правительством. Более полный проект предлагалось внести со стороны компетентного ведомства в соответствующую комиссию, роли бы в нее были приглашены представители правительства для того, чтобы быть там выслушанными.

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел

к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! (Аплодисменты справа.)

Из речи П. А. Столыпина 10 мая 1907 г. // Государственная Дума. Второй созыв. Сессия вторая. 1907 год. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. I. С. 433–445.

16 ноября 1907 г. Неприкосновенность частной собственности — основа бытия Русской держав (Первая речь П. А. Столыпина в Третьей Государственной Думе)

Господа члены Государственной думы!

Для успеха совместной работы вашей с правительством вам надлежит быть осведомленными о целях, преследуемых правительством, о способах, намеченных для их достижения, и о существе законодательных его предположений.

Ясная и определенная правительственная программа является, в этих видах, совершенно необходимой.

Поэтому, несмотря на то, что я еще так недавно излагал перед второй Думой правительственные законопроекты, оставшиеся с тех пор без рассмотрения, мне приходится вновь выступить перед настоящим высоким собранием с заявлением от имени правительства.

Хотя на рассмотрение ваше, господа члены Государственной думы, вносятся те же, за малыми исключениями и изменениями, законопроекты, которые внесены были во Вторую Думу, но условия, при которых приходится работать и достигать тех же целей, не остались без изменения.

Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение. (Оглушительные рукоплескания центра и справа; возгласы «браво».)

Противопоставить этому явлению можно только силу (возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа). Какие-либо послабления в этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты.

По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени — этим путем пойдет оно и впредь.

Для этого правительству необходимо иметь в своем распоряжении в качестве орудия власти должностных лиц,

связанных чувством долга и государственной ответственности. (Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа.) Поэтому проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считаться несовместимым с государственной службой. (Голоса в центре и справа: «браво».)

Начало порядка законности и внутренней дисциплины должны быть внедрены и в школе, и новый строй ее, конечно, не может препятствовать правительству предъявлять соответственные требования к педагогическому ее персоналу.

Сознавая настоятельность возвращения государства от положения законов исключительных к обыденному порядку, правительство решило всеми мерами укрепить в стране возможность быстрого и правильного судебного возмездия.

Оно пойдет к этому путем созидательным, твердо веря, что, благодаря чувству государственности и близости к жизни русского судебного сословия, правительство не будет доведено смутой до необходимости последовать примеру одного из передовых западных государств и предложить законодательному собранию законопроект о временной приостановке судебной несменяемости.

При наличии Государственной думы, задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на преобразование администрации и полиции правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений, путем обличения незакономерных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной. (В центре и справа возгласы «браво».)

При этих условиях правительство надеется обеспечить спокойствие страны, что даст возможность все силы законодательных собраний и правительства обратить к внутреннему ее устроению.

Устроение это требует крупных преобразований, но все улучшения в местных распорядках в суде и администрации останутся поверхностными, не проникнут вглубь, пока не будет достигнуто поднятие благосостояния основного земледельческого класса государства. (В центре и справа возгласы «браво».)

Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание.

Поэтому коренною мыслью теперешнего правительства, руководящею его идеей был всегда вопрос землеустройства.

Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта

подачками — бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности (рукоплескания центра и справа), реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы. (Рукоплескания в центре и справа.)

Но задачи правительства осуществляются действием. Поэтому никакие политические события не могли остановить действия правительства в этом направлении, как не могли они остановить хода самой жизни. Вследствие сего правительство считает, что исполнило свой долг, осуществив ряд аграрных мероприятий в порядке ст. 87 зак. Осн., и будет защищать их перед законодательными учреждениями, от которых ждет усовершенствования, быть может, поправок в них, но в конечном результате твердо надеется на придание им прочной силы путем законодательного утверждения.

На устойчиво заложенном таким образом основании правительство предложит вам строить необходимые для страны преобразования посредством расширения и переустройства местного самоуправления, реформы местного управления, развития просвещения и введения целого ряда усовершенствований в строе местной жизни, между которыми государственное попечение о не способных к труду рабочих, страхования их и обеспечение им врачебной помощи останавливают теперь особенное внимание правительства. Соответственные проекты готовы. Большинство их вносится немедленно в Государственную думу. Другие же, как затрагивающие многосторонние, местные интересы, будут предварительно проводиться через Совет по делам местного хозяйства и вноситься в Думу постепенно, с принятыми правительством поправками и, во всяком случае, с заключением названного Совета. Такой порядок устанавливается правительством ввиду того, что опубликованные во время сессии Второй думы законопроекты Министерства внутренних дел вызвали оживленное обсуждение на местах и многочисленные ходатайства о передаче их на заключение земских собраний. Замечания местных деятелей могут быть быстрее всего сведены в одно целое и соображены правительством путем живого общения с представителями земств и городов, и результаты этой работы должны послужить драгоценным материалом для законодательных учреждений и особенно их комиссий.

Задержки в работах Государственной думы это не вызовет,

так как Совет по делам местного хозяйства созывается незамедлительно, и, по мере рассмотрения всех законопроектов Министерства внутренних дел, касающихся местных хозяйственных интересов, они будут тотчас же передаваться в Государственную думу, а до того времени Государственная дума будет иметь возможность рассмотреть целый ряд непосредственно вносимых в Дулу законопроектов, перечень которых представляется вместе с ним. Из проектов, касающихся земельного устройства, ныне же вносится в Государственную думу проект о земельных обществах; в области местных преобразований принципиальное значение имеет представляемый в Думу проект Министерства юстиции о преобразовании местного суда, так как в зависимости от принятия этого законопроекта стоит проведение в жизнь другого — о неприкосновенности личности и целый ряд преобразований в местном управлении.

Точно так же подлежали бы рассмотрению в первую очередь все принципиальные законопроекты по другим ведомствам, а также те, которые указывают правильный путь к осуществлению дарованных Высочайшими манифестами населению благ.

При этом правительство почтет своим долгом, в принадлежащей ему области, содействовать всем мероприятиям на пользу господствующей церкви и духовного сословия. (Рукоплескания справа.)

Правительство надеется в скором времени предложить на обсуждение Государственной думы также проекты самоуправления на некоторых окраинах, применительно к предполагаемому новому строю внутренних губерний, причем идея государственного единства и целости будет для правительства руководящей. (Рукоплескания в центре и справа)

Излишне добавлять, что, несмотря на наилучшие отношения со всеми державами, особые заботы правительства будут направляться к осуществлению воли Державного вождя наших вооруженных сил о постановке их на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России. (Рукоплескания в центре и справа.)

Для этого нужно напряжение материальных сил страны, нужны средства, которые будут испрошены у вас, посланных сюда страной для ее успокоения и упрочения ее могущества.

От наличия средств зависит, очевидно, осуществление всех реформ и разрешение вопроса о последовательности их проведения в жизнь. Поэтому подсчет средств, которыми располагает государство, является работой не только основною, но и самой срочною. Вам придется вследствие сего неминуемо обратиться в первую очередь к обсуждению внесенной в

Государственную думу государственной росписи и при этом считаться, конечно, с неизбежностью сохранить бюджетное равновесие как основу воссоздания русского кредита.

С своей стороны правительство употребит все усилия, чтобы облегчить работу законодательных учреждений и осуществить на деле мероприятия, которые, пройдя черен Государственную думу и Государственный совет и получив утверждение Государя Императора, несомненно восстановят порядок и укрепят прочный, правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию.

В этом отношении Монаршая воля неоднократно являла доказательство того, насколько Верховная власть, несмотря на встреченные ею на пути чрезвычайные трудности, дорожит самыми основаниями законодательного порядка, вновь установленного в стране и определившего пределы Высочайше дарованного ей представительного строя. (Рукоплескания в центре и справа.)

Проявление Царской власти во все времена показывало также воочию народу, что историческая Самодержавная власть (бурные рукоплескания и возгласы справа «браво») …историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды. (Бурные рукоплескания и возгласы «браво» в центре и справа.)

Из речи П. А. Столыпина 16 ноября 1907 г. // Государственная дума. Третий созыв. Сессия первая. 1907–1908 гг. Стенографические отчеты. СПб., 1908. Ч. I. С. 307–312.

16 ноября 1907 г.
Пусть расцветет наш родной, русский цвет (Речь П. А. Столыпина, произнесенная в Государственной Думе 16 ноября 1907 года в ответ на выступление члена Государственной Думы В. Маклакова)

[…]

Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей. Мысль правительства, определенно выраженная в прочитанном мною заявлении от имени правительства, несомненно, затемнена последующими речами, вследствие этого я и попросил слова. Я обойду мимо те попреки, которые тут раздавались слева относительно акта 3 июня. Не мне, конечно, защищать право Государя спасать в минуты опасности вверенную Ему Богом державу (рукоплескания в центре и справа). Я не буду отвечать и на то обвинение, что мы живем в какой-то восточной деспотии. Мне кажется, что я уже ясно от имени правительства указал, что строй, в котором мы живем, — это строй представительный, дарованный самодержавным Монархом и, следовательно, обязательный для всех. Его верноподданных (рукоплескания в центре и справа).

Но я не могу, господа, не остановиться на нареканиях третьего характера, на обвинениях в том, что правительство стремится создать в России какое-то полицейское благополучие, что оно стремится сжать весь народ в тисках какого-то произвола и насилия. Это не так. Относительно того, что говорилось тут представителем Царства Польского, я скажу впоследствии. Покуда же скажу несколько слов о двух упреках, слышанных мною от последнего оратора: о том, что говорилось тут о судебной несменяемости, и о том, что я слышал о политической деятельности служащих. То, что сказано было относительно несменяемости судей, принято было тут за угрозу. Мне кажется, такого характера этому придавать нельзя. Мне кажется, что для всех прибывших сюда со всех сторон России ясно, что при теперешнем кризисе, который переживает Россия, судебный аппарат — иногда аппарат слишком тяжеловесный для того, чтобы вести ту борьбу, которая имеет, несомненно, и политический характер. Вспомните политические убийства, которые так красноречиво были описаны тут г. Розановым,

нарисовавшим нам картину убийства всех свидетелей до последнего, до шестилетней девочки включительно, для того, чтобы у суда не было никакого элемента для вынесения обвинительного приговора. Нечего говорить о том, что суд действительно может находиться и сам под влиянием угроз, и при политическом хаосе, гипнозе он может иногда действовать и несвободно.

Не с угрозой, господа, не с угрозой мы шли сюда, а с открытым забралом заявили, что в тех случаях, когда на местах стоят люди не достаточно твердые, когда дело идет о спасении родины, тогда приходится прибегать к таким мерам, которые не входят в обиход жизни нормальной. Я упомянул тогда об одной из передовых стран — страна эта Франция, — где несменяемость судей была временно приостановлена, — этому нас учит история, ведь это факт. Тут говорили о политической деятельности служащих, говорили о том, что нужна беспартийность, что нельзя вносить партийность в эту деятельность. Я скажу, что правительство, сильное правительство должно на местах иметь исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершит ни одной работы, не только репрессивной, но и созидательной, если не будет иметь в своих руках совершенный аппарат исполнительной власти.

Затем перейду к. дальнейшему.

Нас тут упрекали в том, что правительство желает в настоящее время обратить всю свою деятельность исключительно на репрессии, что оно не желает заняться работой созидательной, что оно не желает подложить фундамент права — то правовое основание, в котором несомненно нуждается в моменты созидания каждое государство и тем более в настоящую историческую минуту Россия. Мне кажется, что мысль правительства иная. Правительство, наряду с подавлением революции, задалось задачей поднять население до возможности на деле, в действительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писаный закон не даст ему блага гражданской свободы. (Рукоплескания в центре и справа.) Для того, чтобы воспользоваться этими благами, ведь нужна известная, хотя бы самая малая доля состоятельности. Мне, господа, вспомнились слова нашего великого писателя Достоевского, что «деньги — это чеканенная свобода». Поэтому правительство не могло не идти навстречу, не могло не дать удовлетворения тому врожденному у каждого человека, поэтому

и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, как чувство голода, как влечение к продолжению рода, как всякое другое природное свойство человека. Вот почему раньше всего и прежде всего правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает из совокупности надельных земель и земель, приобретенных в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток.

Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма. (Рукоплескания в центре и справа. Возгласы «браво».) При этих условиях будет иметь успех идея местного суда, будет иметь успех и идея суда административного, который необходим как основа всякого успеха в местном управлении.

Тут говорилось о децентрализации. Представитель Царства Польского говорил о необходимости для правительства, особенно в теперешнюю минуту, черпать силу не в бюрократической централизации, а в том, чтобы привлечь местные силы к самоуправлению, с тем чтобы они заполнили тот пробел, который неизбежно скажется у центральной власти, опирающейся только на бюрократию. Прежде всего скажу, что против этого правительство возражать не будет, но должен заявить, что та сила самоуправления, на которую будет опираться правительство, должна быть всегда силой национальной. (Рукоплескания в центре и справа.) Нам говорилось о том, что в 1828 г. в Царстве Польском пропорционально было больше школ, чем в 1900 г. Я на это отвечу следующее: теперь, может быть, не только мало школ, но там нет даже высшего учебного заведения, и высшего учебного заведения там нет потому, что те граждане, которые только что назвали себя гражданами «второго разряда», не хотят пользоваться в высшей школе общегосударственным русским языком. (Бурные рукоплескания в центре и справа.)

Децентрализация может идти только от избытка сил. Могущественная Англия, конечно, дает всем составным частям своего государства весьма широкие права, но это от избытка сил; если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство ответит: нет! (Бурные рукоплескания в центре и

справа.) Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права. (Рукоплескания в центре и справа.)

Я хочу еще сказать, что все те реформы, все то, что только что правительство предложило вашему вниманию, ведь это не сочинено, мы ничего насильственно, механически не хотим внедрять в народное самосознание, все это глубоко национально. Как в России до Петра Великого, так и в послепетровской России местные силы всегда несли служебные государственные повинности. Ведь сословия и те никогда не брали примера с запада, не боролись с центральной властью, а всегда служили ее целям. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных началах. Каковы они? В развитии земщины, в развитии, конечно, самоуправления, передачи ему части государственных обязанностей, государственного тягла и в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью. Вот наш идеал местного самоуправления так же, как наш идеал наверху — это развитие дарованного Государем стране законодательного, нового представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск Царской Верховной власти.

Ведь Верховная власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой ее силу и цельность, и если быть России, то лишь при усилии всех сынов ее охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россию и оберегающую ее от распада. Самодержавие московских Царей не походит на самодержавие Петра, точно так же, как и самодержавие Петра не походит на самодержавие Екатерины Второй и Царя-Освободителя. Ведь русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная Царская Власть. Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок. (Бурные рукоплескания в центре и справа.)

Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного Ею нового представительного строя. Вот, господа, зрело обдуманная правительственная мысль, которой воодушевлено правительство. Но чтобы осуществить мысль, несомненно нужна воля. Эту волю, господа, вы, конечно, найдете всецело в правительстве. Но этого недостаточно, недостаточно

для того, чтобы упрочить новое государственное устройство. Для этого нужна другая воля, нужно усилие и с другой стороны. Их ждет Государь, их ждет страна. Дайте же ваш порыв, дайте вашу волю в сторону государственного строительства, не брезгуйте черной работой вместе с правительством. (Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа.)

Я буду просить позволения не отвечать на другие слышанные тут попреки. Мне представляется, что, когда путник направляет свой путь по звездам, он не должен отвлекаться встречными попутными огнями. Поэтому я старался изложить только сущность, существо действий правительства и его намерений. Я думаю, что, превращая Думу в древний цирк, в зрелище для толпы, которая жаждет видеть борцов, ищущих, в свою очередь, соперников для того, чтобы доказать их ничтожество и бессилие, я думаю, что я совершил бы ошибку. Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам (рукоплескания в центре и справа) в противовес беспочвенному социализму. Это желание, это страстное желание обновить, просветить и возвеличить родину, в противность тем людям, которые хотят ее распада, это, наконец, преданность не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россию. Вот, господа, все, что я хотел сказать сказал, что думал и как умел. (Бурные рукоплескания в центре и справа.)

31 марта 1908 г.
Мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке
(Речь о сооружении Амурской железной дороги, произнесенная в Государственной думе)

Господа члены Государственной думы! Вопрос о сооружении Амурской железной дороги казался мне настолько ясным, обязанность правительства представлялась мне настолько бесспорной и необходимость новых народных жертв на это народное дело настолько настоятельной, что я никак не мог предвидеть сколько-нибудь горячих прений по этому вопросу и в первый раз, когда он был поставлен на повестку, я в Думу даже не приехал. Теперь я вижу, что дело стоит иначе — вопрос о необходимости дороги вызывает серьезные сомнения, и само решение правительства кажется многим большой политической ошибкой. Вследствие этого, выслушав ораторов главных думских партий, я нахожу, что и правительство должно более подробно развить свою точку зрения на этот вопрос, так как именно в этом существенном вопросе, казалось бы мне, между правительством и большинством народного представительства не должно бы быть разномыслия. Почему я так думаю, я скажу далее, а теперь позвольте мне обратиться к доводам моих противников.

Доводы эти, как я понял, сводятся, главным образом, к следующему: трата 238000000 рублей или более на железную дорогу в настоящее время является для государства непосильной и даже, может быть, безумной. Государство наше ослаблено, нужно все напряжение его сил для внутренней культурной работы, иначе самая работа эта, самый процесс самоизлечения будет обречен на неуспех и на неудачу. Между тем, правительство берется за случайное предприятие, идет против народной нужды, народной пользы и даже не считается и с будущими поколениями, которые никогда не выбьются из нищеты, раз мы отягощаем их гнетом нового непомерного долга.

Но мало того, правительство берется за дело не только разорительное, а за дело прямо опасное; правительство, по-видимому, по словам наших противников, не поняло уроков новейшей истории, не поняло, насколько нам нужен глубокий мир и насколько всякая наша активная политика на Дальнем Востоке может быть для России гибельна. Что касается

стратегических соображений, то противникам нашим кажется, что железнодорожная линия вдоль границы государства может стать разве только легким призом для наших неприятелей и что если говорить о стратегической необходимости, то надо строить в этом отдаленном крае крепости. Но раз отпадают стратегические соображения, то что же остается? Нельзя же серьезно говорить об экономическом значении края, который находится в состоянии вечной мерзлоты, где годичная температура ниже нуля.

Чтобы представить полную картину возражений, надо припомнить еще одно возражение, на этот раз идущее из самой комиссии, которая находит, что начальный пункт дороги должен быть не в Нерчинске, а в Куенге. Если бы правительство оставило все эти возражения без ответа, то это было бы почти равносильно признанию необдуманности правительственного плана, признания ошибки в его расчете, что тем более непростительно, что правительством не только внесен в Думу законопроект, но он уже приводится в исполнение на основании ст. 87 Зак. Осн. Я ничуть не хочу ослабить ответственности правительства, но я надеюсь доказать, что в некоторых случаях преступлением перед страной является не принятая вовремя на себя ответственность, а прикрытая боязнью ответственности бездеятельность. (Голоса справа и из центра: браво!)

Большинство думских партий находит, что у правительства не было определенного политического плана, что им не руководила определенная государственная мысль, что не было той нравственной побудительной силы, которая толкала бы его на спешное энергичное приведение в действие этого предприятия. Правительство, по мнению наших противников, шло по инерции, по рутинному пути, по наклонной плоскости, оно совершенно бессмысленно следовало в прежнем направлении прежней нашей дальневосточной политики. Я же настаиваю на том, что правительство взвесило именно наше положение после дальневосточной войны, что правительство имело в виду мудрое изречение Екатерины Великой gouverner c'est prevoir, «управлять — это предвидеть». Правительство, прежде чем принять решение, имело в виду всю совокупность всех тех возражений, которые здесь были высказаны.

Начиная защиту правительственного проекта, я должен высказать признание, что многое из того, что тут говорилось, соответствует правде, и если строить государственную политику на сопоставлении видимых фактов, то, может быть, от постройки Амурской железной дороги надлежало бы и отказаться, но, припоминая все доказательства, все факты, которые здесь приводились, ссылки на негодность нашего колонизационного

материала, бедность и пустынность отдаленной окраины, на убыточность железной дороги, на ту массу средств, которые придется на нее затратить, я, господа, припомнил и врезавшееся в мою память одно сравнение, высказанное знаменитым нашим ученым Менделеевым и обращенное когда-то давно уже к нам, только что поступившим в университет студентам первого курса. Говоря о видимых явлениях природы, знаменитый профессор предостерегал нас не поддаваться первым впечатлениям, так как видимая правда часто противоречит истине. «Ведь правда, неоспоримая правда для всякого непосредственного наблюдателя, — говорил Менделеев, — что солнце вертится вокруг Земли, между тем истина, добытая пытливым умом человека, противоречит этой правде». Насколько же соответствует истине, исторической национальной истине, та правда, которая только что развивалась перед вами с этого места?

Я прежде всего остановлюсь на стратегических соображениях и сделаю оговорку, что, несомненно, мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке не для борьбы, а для прикрытия нашей национальной культурной работы, которая является и нашей исторической миссией. И в этом отношении военное министерство право, настаивая на проведении в жизнь своих стратегических соображений. Некоторые из них развивал тут помощник военного министра, я же только упомяну о том, что, несомненно, постройка дороги освободит государственное казначейство от многих расходов на содержание сильной армии на Дальнем Востоке, освободит государственное казначейство и от необходимости постройки казарм для этих военных сил. При громадности нашей территории неоспоримо важно иметь возможность перебрасывать армию из одного угла страны в другой. Никакие крепости, господа, вам не заменят путей сообщения. Крепости являются точкой опоры для армии; следовательно, самое наличие крепостей требует или наличия в крае армии, или возможности ее туда перевезти. Иначе, при других обстоятельствах, что бы ни говорили, крепость в конце концов падает и становится точкой опоры для чужих войск, для чужой армии.

Наши государственные границы равняются 18000 верст. Мы граничим с десятью государствами, мы занимаем одну седьмую часть земной суши. Как же не понять, что при таких обстоятельствах первенствующей, главнейшей нашей задачей являются пути сообщения? Пути сообщения имеют значение не только стратегическое: не только на армии зиждется могущество государства; оно зиждется и на других основах. Действительно, отдаленные, суровые, ненаселенные окраины трудно защитить

одними привозными солдатами. Верно то, что говорил предыдущий оратор, что война — это народное дело. С воодушевлением свойственно человеку защищать свои дома, свои поля, своих близких. И эти поля, эти дома дают приют, дают пропитание родной армии. Поэтому, в стратегическом отношении, армии важно иметь оплот в местном населении. Но я повторяю, что я не говорю о войне, я понимаю, что для нас высшим благом явился бы вечный мир с Японией и Китаем, но и с мирной точки зрения важно, господа, может быть, еще важнее иметь тот людской оплот, о котором я только что говорил.

Докладчик комиссии государственной обороны сказал тут, что природа не терпит пустоты. Я должен повторить эту фразу. Отдаленная наша суровая окраина, вместе с тем, богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при таких обстоятельствах, господа, при наличии государства, густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужестранец, если раньше не придет туда русский, и это просачивание, господа, оно уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию.

Я не только говорю об Амурской области. Надо ставить вопрос шире, господа. На нашей дальней окраине, и на Камчатке, и на побережье Охотского моря, уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того, чтобы обнять этот вопрос не только с технической, с стратегической точки зрения, но с более широкой, общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее. Но возможно ли заселение без путей сообщения?

Недавно в разговоре с одним из самых влиятельных наших администраторов на Дальнем Востоке я выслушал заключение его, что при случайности нашего судоходства по р. Шилке, зависящем от разных обстоятельств, Забайкальская область значительную часть года совершенно отрезана от Амурской, и сообщение между этими областями возможно разве лишь посредством воздушных шаров. Каким же образом мы не только заселять, каким образом мы серьезно изучать будем эти области без наличия дорог? Но нам говорят, что вопрос еще, нужно ли заселять эту окраину, нужно ли заселять пустынный, холодный край, который представляет из себя тундру, где средняя годовая температура ниже нуля, где царствует вечная мерзлота. Но тут, господа, такое несоответствие между правдою и истиной, что не

трудно ее восстановить.

Вечную мерзлоту мы наблюдаем везде в Сибири; мы наблюдаем ее и во Владивостоке, и в Иркутской губернии, и в Енисейской губернии — это наследие бывшей геологической эпохи. Мерзлота эта зависит от покрова почвы — толстого слоя торфа и мха. При победоносном шествии человека, при уничтожении этого покрова вытаптыванием и выжиганием мерзлота эта уходит в глубь земли. Точно так же исчезает и заболоченность. Что касается температуры, то тут вам говорилось о том, что в зимнее время холода там сильнее, чем в Европейской России, но летом там температура выше. В июле месяце в Амурской области температура выше, чем в Варшаве; она почти доходит до московской температуры, в сентябре теплее, чем в Москве.

Край этот не есть край неизведанный. Тут упоминалось об исследованиях Старжинского, Крюкова и Семенова. Действительно, Семенов говорит, что ему край этот кажется подобным Германии времен Тацита, когда Германия считалась непроходимой вследствие заболоченности. Но, господа, вспомните, что Германия представляет из себя теперь? Зачем, впрочем, далеко ходить за сравнениями? Обратите внимание на Уссурийский край, о котором предшествующий оратор говорил, что он не заселяется. Господа, он заселяется. Заселяется, может быть, не так скоро, как было бы желательно, но те места в Уссурийском крае, которые недавно считались еще заболоченными таежными, составляют в настоящее время одну из главных приманок для переселенцев.

Вообще на возможности заселения этого края, хотя об этом много говорилось, мне все-таки приходится несколько остановить ваше внимание. Железная дорога, как вам известно, пройдет по двум областям и дойдет до третьей. Начинается она с Забайкальской области. Эта область по своему климату несколько суровее соседней Амурской, но климат в ней вместе с тем и более сухой, так что в климатическом отношении не было никогда и сомнения в том, что полевая культура в нем возможна; несмотря на то, что подробных исследований всего этого края не производилось, но отчасти он все же обследован. В настоящее время производится обследование его северной части — Баргузинской тайги: эта тайга представляет из себя большой интерес, потому что там земли, годной под полевую культуру, до 2000000 десятин. Уже 500000 десятин земли, по соглашению ведомства Главного управления землеустройства и земледелия с Кабинетом Его Величества, обследованы. Там отводятся участки для переселенцев.

Баргузинская тайга интересна тем, что она граничит с Витимским побережьем, с бассейном р. Витим; там много плодородных земель; эта местность уже заселяется, и если она будет в районе железной дороги или если железная дорога будет к ней приближена, то, несомненно, это богатый край для заселения. В нем 13000000 десятин, если считать от Баргузинской тайги на восток до Амурской области. В настоящем году будут обследованы 2000000 дес. Баргузинской тайги, до 2000000 дес, в Витимском побережье л отведено будет под переселение 151000 дес. земли.

Я должен на Забайкальской области остановить ваше внимание, так как тут интересен один привходящий вопрос, к которому потом мне не придется вернуться. Я говорю о начальном пункте дороги. Как известно, тут являются разногласия между Правительством и комиссией путей сообщения. Правительство предлагает начальным пунктом Нерчинск, комиссия предлагает Куенгу. Мне кажется, что для выбора начального пункта нужны стратегические соображения с одной стороны, переселенческие — с другой.

О стратегических соображениях вам тут говорил помощник военного министра, что касается интересов переселения, что же надо иметь в виду? Надо провести дорогу так, чтобы ею обслуживалось наибольшее количество годной под переселение земли; затем необходимо, чтобы самая дорога прошла по такой местности, которая могла бы быть заселена, ж затем, чтобы подступ к самой колее был наиболее легок и удобен. Всем этим условиям соответствует вариант нерчинский уже потому, что по этому варианту железнодорожная колея приближается именно к тем землям Витимского побережья, о которых я говорил.

Говорят, что разница расстояния между куенгинским и нерчинским вариантом только несколько десятков верст, Но, господа, для переселенцев и это важно. Затем, по нерчинскому направлению дорога проходит по долине р. Нерчин, и в самой долине этой теперь уже до 750000 дес. земель, назначаемых для переселения; затем, эта долина очень удобна для проведения колесных дорог. Удаляя дорогу в Куенгу, вы ее удаляете как можно дальше от заселенных мест и прячете в каменный мешок. Дорога пройдет здесь в скалистом ущелье и будет не только удалена от переселенческого района, но будет для него недоступна; переселенец через несколько лет будет недоумевать, почему начало дороги проведено по местности не населенной, которая и не может быть заселена, и при том по местности скалистой, недоступной.

Приведу еще одно соображение. Изменение направления,

несомненно, послужит к замедлению самой постройки. В настоящее время все ведь налажено для нерчинского направления; затем, если изменить направление, изучать новое направление, составлять чертежи новых мостов, то это, несомненно, будет серьезным тормозом и может привести нас к потере целого строительного периода. Что касается финансовой стороны, то куенгинское направление представляет уже не такое крупное преимущество, так как даст, конечно, гораздо более расходов по ремонту скалистого пути и затем вызовет необходимость в постройке соединительной ветви между станцией Нерчинск и городом Нерчинск.

Это я сказал попутно и теперь возвращаюсь к железной дороге. Дальше она пойдет по Амурской области. В Амурской области климат более влажный, там более жаркое лето, и, конечно, для наших серых зерновых хлебов он менее удобен, чем наши средние европейские губернии. Но, господа, пора оставить то рутиннее мнение, что наши переселенцы должны двигаться, неся с собой наши серые зерновые хлеба. Тот же самый Крюков, о котором здесь так часто упоминали, удостоверяет, что область эта вполне пригодна для растений бобовых, для китайского гаоляна и, наконец, для огородных овощей.

Край этот не есть загадка: в нем живут. О низменности между Зеей и Буреей тут много говорилось. Там уже взято 800000 десятин земли под переселение. В этой равнине живут только те молокане, о которых тут упоминалось, степень культуры которых высока и которые обрабатывают землю американскими машинами. На этих пресловутых американских машинах позвольте, господа, остановиться. Предыдущий оратор сказал, что тот, кто призывает страну к жертвам, должен представить полную картину мотивов, вызывающих эти жертвы. Господа, мне кажется, что и то лицо, которое опровергает мотивы правительства, должно тоже представить вам верные основания своей аргументации; поэтому я полагаю, что оно должно входить на эту кафедру с проверенным багажом и то, что оно вам говорит, должно соответствовать не только правде, но и истине. (Рукоплескания центра и справа.)

Между тем я удостоверяю, что предыдущий оратор не ознакомился даже с представлением правительства в Государственную думу относительно снятия порто-франко, потому что если бы он прочел его, то для него стало бы ясным, что правительство, уничтожая порто-франко, возвращается к закону 1900 года, по которому — я цитирую самое представление — «все фабрично-заводские производства, как-то: сельскохозяйственные машины, семена, всякого рода растения,

землеудобрительные вещества, орудия, ремесленно-строительные материалы освобождаются от уплаты пошлины». (Рукоплескания справа и центра.) Поэтому мне кажется, что наши молокане, которые живут и достигли в достаточной степени благосостояния в этой местности, являются для нас живым примером не только прошедшего, но и того, что может быть достигнуто в будущем.

Но не только бассейн между Зеей и Буреей должен вас интересовать. Вверх по р. Зее имеются громадные пространства земли, годные под переселение. Если брать от Зеи на запад, в направлении к Забайкальской области, вдоль течения не только реки Зеи, но и Уркана, мы найдем до 13000000 десятин земли, годной под переселение. Вверх по реке Бурее мы находим у молокан не только зерновые хлеба, не только урожай зернового хлеба, но и хороший урожай кукурузы, бахчи, арбузов и дынь. Затем по строящемуся колесному тракту от Благовещенска до Хабаровска открываются еще миллионы десятин земли, годных под заселение.

Но железная дорога оживит, несомненно, и конечный пункт, в который она упирается, она оживит находящиеся отчасти в Приморской области долины рек Виры, Куры и Амгуни. Тут важно не только полеводство, тут важно и скотоводство, тут важны особенно рыбный промысел, лесной промысел. Пора оставить то поверье, что переселенец может жить только там, где преобладает земледелие; достаточно уже китайские старатели унесли нашего золота в Китай.

Много лежит нашего богатства в той области, стоит только упомянуть о лесной торговле. В Китай и Японию привозится исключительно американский (орегонский) лес, а наши амурские лесные богатства остаются нетронутыми, нетронутыми потому, что мы не умеем приноравливаться к потребностям покупателя, потому что мы не умеем разрабатывать наши лесные материалы. Уже этих данных, казалось бы, достаточно для того, чтобы понять, что оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности. Край этот нельзя огородить каменной стеной. Восток проснулся, господа, и если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут их, хотя бы путем мирного проникновения, возьмут их другие.

Я нарочито не ставлю этот вопрос в связь с разрешением аграрного вопроса в Европейской России. Вопрос амурский важен сам по себе, это вопрос самодовлеющий, но я должен настоятельно подчеркнуть, что Амурская железная дорога должна строиться русскими руками, ее должны построить русские пионеры… (рукоплескания справа и центра); эти русские пионеры построят дорогу, они осядут вокруг этой дороги, они вдвинутся в

край и вдвинут вместе с тем туда и Россию.

Теперь о финансовой стороне дела; но прежде, чем перейти к этому, я обращу ваше внимание, господа, на то, что даже тут между вами есть много сторонников необходимости постройки второй колеи по Сибирской железной дороге, и мнение это вполне обосновано. Надо знать, что в 1899 году было провезено по Сибирской дороге 41000000 пудов груза, в 1906 г. было провезено уже 103000000 пудов груза. Это доказывает, что вторая колея необходима не только в стратегическом отношении, но и в коммерческом. Неужели мы эту вторую колею остановим в Маньчжурии? Где же мы будем выбрасывать и излишек наших товаров, и перевозимые в ту далекую окраину войска?

Относительно постройки второй колеи Китайской дороги и речи быть не может; никто серьезно не может об этом говорить уже потому, что через 75 лет Китайская дорога переходит к Китаю по арендному договору, и через 31 год Китай вправе ее выкупить и наверное выкупит. Затем, это было бы и действительным серьезным вызовом соседу, так как по статье 7 портсмутского договора мы не имеем права использовать дороги в стратегическом отношении. Таким образом, если нужна вторая колея Сибирской железной дороги, то нужен железнодорожный путь по нашему левому берегу реки Амура.

Я не буду представлять вам подробных финансовых исчислений и выкладок. Вам известно, что правительство исчисляет стоимость ее в 238000000 рублей; тут ее исчислили в несколько большей цифре, по даже если взять правительственную цифру, если достать деньги из 6 %, то и то на уплату процентов потребуется 15–16 млн. рублей в год. На покрытие же убытков — правительство не закрывает глаза на то, что первое время дорога будет убыточна, — если взять цифры применительно к Уссурийской дороге, придется точно так же уплачивать 5–6 миллионов рублей в год, так как убыток будет равняться от 2500 до 3000 рублей в год на версту.

Таким образом, вся стоимость дороги выразится в цифре от 20 до 22 миллионов рублей в год. Это, конечно, жертва громадная, и правительство ее требует от вас после разорительной войны и во времена лихолетья. Но вспомните, господа, что и другие государства, и другие страны переживали минуты, может быть, еще более тяжелые. Вспомните то патриотическое усилие, которое облегчило Франции выплатить пятимиллиардную контрибуцию своей победительнице. Амурская дорога будет та контрибуция, которую русский народ выплатит своей же родине.

Я совершенно понимаю точку зрения моих противников,

которые говорят, что в настоящее время надо поднять центр. Когда центр будет силен, будут сильны и окраины, но ведь лечить израненную родину нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу зарубцевания всех нанесенных ей ран, то наиболее отдаленные, наиболее истерзанные части ее, раньше чем окрепнет центр, могут, как пораженные антоновым огнем, безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться. И верно то, что сказал предыдущий оратор: мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу. Мы ответим за то, что, занятые своими важными внутренними делами, занятые переустройством страны, мы, может быть, проглядели более важные мировые дела, мировые события, мы ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность, что мы утратили веру в русский народ, в его жизненные силы… (бурные рукоплескания справа и из центра)… в силу его не только экономическую, но и в культурную. Мы, господа, ответим за то, что приравниваем поражение нашей армии к поражению и унижению нашей родины. (Бурные рукоплескания справа и из центра.)

Господа, действительно, верно, что вам впервые придется подать свой голос в большом историческом деле. До настоящего времени такого рода государственные вопросы доходили до Верховной власти в разработке только одних служилых людей. Впервые теперь в деле народного строительства до престола Монаршего дойдет голос и ваш, голос народных представителей, которые созданы Государем и поставлены им на стражу народной пользы и народной чести. И в этом деле ваш голос, конечно, не может оказаться в разнозвучии с сознанием и стремлением русского народа.

Но не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии, — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью. (Рукоплескания справа и из центра.)

Я, господа члены Государственной думы, уверен, я убежден, что одно ваше решение в этом деле уже придаст большую силу государству. Одна наша разумная плодотворная работа уже поднимает кредит государства, уже дает новые миллионы России.

(Рукоплескания справа и из центра.) Ваше решение одно даст возможность найти и средства на посильных для нас условиях. Это одно уже является новым источником финансовой силы. Если, господа, в самые тягостные минуты нашей новейшей истории русские финансы осилили войну, осилили смуту, то на скрепление нашего расшатанного государственного тела железным обручем будут средства. Для этого, господа, нужно только ваше единодушное решение, о котором я говорил в начале своей речи, нужно ваше единодушное слово — произнесите. (Продолжительные рукоплескания справа и из центра.)

Из речи П. А.Столыпина 31 марта 1908 г. // Государственная дума. Третий созыв. Сессия первая. 1907–1908 гг. Стенографические отчеты. СПб., 1908. Ч. II. С. 1404–141.

24 мая 1908 г.
Только тот народ имеет право удержать в своих руках море, который может его отстоять
(Речь о морской обороне, произнесенная в Государственной думе)

[…]

Господа! Область правительственной власти есть область действий. Когда полководец на поле сражения видит, что бой проигран, он должен сосредоточиться на том, чтобы собрать свои расстроенные силы, объединить их в одно целое. Точно так же и правительство после катастрофы находится несколько в ином положении, чем общество и общественное представительство. Оно не может всецело поддаться чувству возмущения, оно не может исключительно искать виновных, не может исключительно сражаться с теми фантомами, о которых говорил предыдущий оратор. Оно должно объединить свои силы и стараться восстановить разрушенное. Для этого, конечно, нужен план, нужна объединенная деятельность всех государственных органов. На этот путь и встало настоящее правительство с первых дней, когда была вручена ему власть. Оно начало перестраивать свои ряды; оно разделило задуманные им мероприятия на более спешные, имеющие связь с последующими, и на эти последующие мероприятия, которые оно и решило проводить и планомерно, и последовательно. При этом правительство не могло не задать себе вопросов: нужен ли России флот, какой флот России нужен, и можно ли с этим делом медлить.

На первых двух вопросах я долго останавливаться не буду, так как мнение правительства было подробно высказано в комиссии государственной обороны, и оно соответствует тому мнению, которое выражено в формуле постатейного перехода к чтению отдельных номеров сметы морского министерства, предложенной вашему вниманию. Для всех, кажется, теперь стало ясно, что только тот народ имеет право и власть удержать в своих руках море, который может его отстоять. Поэтому все те народы, которые стремились к морю, которые достигали его, неудержимо становились на путь кораблестроения. Для них флот являлся предметом народной гордости; это было внешнее доказательство того, что народ имеет силу, имеет возможность удержать море в своей власти. Для этого недостаточно одних крепостей, нельзя

одними крепостными сооружениями защищать береговую линию.

Для защиты берегов необходимы подвижные, свободно плавающие крепости, необходим линейный флот.

Это поняли все прибрежные народы. Беззащитность на море так же опасна, как и беззащитность на суше. Конечно, можно при благоприятных обстоятельствах некоторое время прожить на суше и без крова, но когда налетает буря, чтобы противостоять ей, нужны и крепкие стены, и прочная крыша. Вот почему дело кораблестроения везде стало национальным делом. Вот почему спуск каждого нового корабля на воду является национальным торжеством, национальным празднеством. Это отдача морю части накопленных на суше народных сил, народной энергии. Вот почему, господа, везде могучие государства строили флоты у себя дома: дома они оберегают постройку флота от всяких случайностей; они дома у себя наращивают будущую мощь народную, будущее ратное могущество.

Эти вот простые соображения привели правительство к тому выводу, что России нужен флот. А на вопрос, какой России нужен флот, дала ответ та же комиссия государственной обороны, которая выразилась так: России нужен флот дееспособный. Это выражение я понимаю в том смысле, что России необходим такой флот, который в каждую данную минуту мог бы сразиться с флотом, стоящим на уровне новейших научных требований. Если этого не будет, если флот у России будет другой, то он будет только вреден, так как неминуемо станет добычей нападающих. России нужен флот, который был бы не менее быстроходен и не хуже вооружен, не с более слабой броней, чем флот предполагаемого неприятеля. России нужен могучий линейный флот, который опирался бы на флот миноносный и на флот подводный, так как отбиваться от тех плавучих крепостей, которые называются броненосцами, нельзя одними минными судами.

Покончивши с вопросами, в которых правительство вполне солидарно с комиссией государственной обороны, позвольте мне перейти и остановиться несколько дольше на третьем вопросе, на котором начинается между нами разногласие. Это вопрос о том, насколько спешно и настоятельно устройство наших морских сил. Ответ на это комиссии государственной обороны совершенно ясен и определенен: комиссия говорит, что ранее всего нужно вырешить все вопросы морской обороны в связи с обороной всего государства; затем необходимо переустройство морского ведомства, наконец, необходимо представление на суд законодательного собрания финансовой программы судостроения, и только после этого уже можно будет приступить

к постройке линейных кораблей, к воссозданию флота.

Эти положения были тут подкреплены беспощадной логикой блестящих речей целого ряда ораторов. Вопрос этот совершенно исчерпан: для Государственной думы безусловно ясно, что после того страшного урока, который получило морское ведомство, необходимо переустроить это министерство, необходимо положить конец и неустройствам в нем, и злоупотреблениям: необходимо обновить самый дух ведомства, и нельзя строить новый флот, не имея полной программы судостроения. Под всеми этими положениями я готов подписаться. Я иду далее. Я уверен, что ответственные представители флота, отвечающие перед Государем Императором за морское дело, не будут этих положений отвергать.

Но, господа, именно для ответственных лиц выводы из этих положений не так просты. Я приглашаю вас на время, на короткое время, отказаться оттого чувства возмущения, которое владеет вами, о котором только что говорил член Государственной думы Гучков. Забудьте, господа, забудьте ту жгучую боль, которую испытывает каждый русский, когда касается вопроса о русском флоте, и последуйте за мной в область бесстрастного разрешения вопроса, в пределах одной государственной пользы и государственной необходимости.

Позвольте мне для этого вернуться к тому сравнению, к которому я прибег в начале моей речи, и сопоставьте положение правительства с положением полководца на следующий день после поражения. В таком положении первая задача лица, власть имеющего, разрешить вопрос о том, как же быть с остатками, с обломками разбитой неприятелем силы. Это задача правительства, задача морского ведомства. Вторая задача — как реорганизовать то ведомство, которое не оказалось на высоте положения, и как возобновлять разрушенную силу, в данном случае — какие строить суда. Это задача специальных технических органов, которая должна быть разрешена после утверждения ее выводов Верховной Властью. Наконец, третья задача — как организовать морскую оборону в связи с обороной государства. Это задача правительства, которая может быть вырешена после разрешения двух /первых/ задач.

Если следовать за комиссией государственной обороны, то, конечно, все эти три задачи можно решить только одновременно и независимо от вопроса об организации министерства, о затрате колоссальных сумм на воссоздание всего нашего флота, невозможно и требовать каких-либо ассигнований на устройство наших расстроенных морских сил, для придания им какого-либо боевого значения. Но правительство, господа, должно смотреть на

дело иначе: правительство имеет дело с живым организмом-флотом, с живыми людьми; оно имеет еще одну капитальную задачу: на нем лежит обязанность оградить государство, во всякую данную минуту, от всяких случайностей. Поэтому правительство должно было прежде всего осмотреться и незамедлительно решить вопрос, как же быть с остатками, с обломками нашего флота.

Я не буду, господа, вводить вас в специальные вопросы, я нахожу, что в таком собрании не могут быть разрешены вопросы о том или другом типе котлов или двигателей, на которых останавливался член Государственной думы Марков; я буду приводить вам простые данные, понятные, по-моему, как для обывателя, в положении члена Государственной думы, так и для штатского министра, не носящего кортика. Если взять кавалерийскую часть, то для вас станет понятно, что она может иметь силу только, если она вся посажена на одинаковых коней, одинакового хода, так как иначе вся часть должна будет равняться по отстающим; вся часть, все всадники должны быть одинаково вооружены одинаковыми винтовками, так как иначе часть пуль не будет долетать, огонь этой части не будет действителен; вся часть должна быть одинаково снаряжена, все всадники должны быть одеты в одинаковые мундиры защитного цвета, иначе часть всадников будет более уязвима, чем другая.

Это все применимо и к флоту. Отдельные корабли, и это было уже указано, не могут иметь никакой силы, если они будут механически соединены в отряды: в этом случае каждое отдельное, более быстроходное судно должно будет равняться по наиболее тихоходному во всей эскадре, должно будет стрелять на такое расстояние, на которое будут долетать снаряды наихудше вооруженных судов, наконец, вся эскадра станет более уязвимой, если часть ее будет хуже других бронирована. Такое сборище судов будет никуда не годным сбродом; это будет отряд, неспособный не только на оперирование, но и на маневрирование. Для того чтобы маневрировать, нужно иметь, по крайней мере, несколько судов одного типа, несколько линейных кораблей, несколько бронированных крейсеров, несколько простых крейсеров, несколько миноносцев; между тем остатки наших судов не могут составить ни одной эскадры: эти остатки напоминают собой ту разношерстную кавалерию, о которой я только что упомянул, посаженную на разных коней, вооруженную разным оружием, обмундированную кто в кирасу, кто в китель, кто в мундир.

И вот перед правительством встал вопрос: что же — ожидать разрешения общих вопросов или остановиться на задаче

использования остатков наших морских сил путем некоторого их пополнения и придания им хоть некоторого боевого значения? Правительство хорошо понимало, что ждать незамедлительного разрешения общих вопросов невозможно. Общая оборона государства — дело весьма сложное, затрагивающее интересы всех почти ведомств. Тут замешано не одно только Морское или Военное министерство. В ряды мер по обороне должно быть введено и ведомство путей сообщения, так как тут важна постройка стратегических железных дорог, и ведомство переселенческое, так как должен быть создан на Дальнем Востоке оплот из живых людей, и Министерство внутренних дел, так как кроме железных дорог для защиты страны нужны грунтовые дороги, нужны почты и телеграфы, затронуто Министерство торговли, так как необходимо учесть и значение торгового флота.

Дело разрослось в вопрос громадного государственного значения, рассматривавшийся Советом министров, на журнале которого от 2 марта Государь Император положил такого рода резолюцию: «Общий план обороны государства должен быть выработан короткий и ясный на одно или два десятилетия, по его утверждении он должен неуклонно и последовательно быть приводим в исполнение».

Что же касается переустройства морского ведомства, то, несмотря на полное напряженно сил этого министерства, нельзя было требовать от него излишней, в ущерб качеству работы, спешности, излишней торопливости, в которой нас, правительство, только что в другой области так упорно обвиняли. Вам известно, господа, что со времени окончания войны в морском ведомстве были произведены спешные работы. С тех пор Государем Императором было утверждено образование должности помощника морского министра, что сияло с морского министра целый ряд хозяйственных забот. Был образован Морской генеральный штаб, было установлено новое, автономное устройство судостроительных заводов. Наконец, в самое последнее время, придана новая организация высшему командованию флотом. Об этих реформах мною упоминалось в комиссии государственной обороны, и если беспристрастно судить, то нужно признать, что за последнее время больше сделано в этой области, чем за целое десятилетие.

Много, господа, и осталось сделать, и многое еще будет совершено. Но нет, нет, господа, той волшебной палочки, от соприкосновения которой в один миг может переустроиться целое учреждение. Поэтому, если ожидать окончательного переустройства ведомства, если ожидать ассигнования колоссальных сумм на приведение в исполнение полной

программы судостроения, то в деле приведения в порядок обломков нашего флота, наших морских сил, расстроенных последней войной, пришлось бы примириться с довольно продолжительной остановкой.

К чему же, господа, привела бы такая остановка? На этом не могло не остановить своего внимания правительство. Вникните, господа, в этот вопрос и вы. Первым последствием такой остановки, о которой красноречиво говорили некоторые из предыдущих ораторов, было бы, несомненно, расстройство наших заводов, на которое я указывал в комиссии государственной обороны и на что мне обстоятельно никто не возразил то, что в других государствах оберегается, бережно наращивается, развивается технический опыт, знание, сознание людей, поставленных на это дело, все то, что нельзя купить за деньги, все то, что создается только в целый ряд лет, в целую эпоху, все это должно пойти на убыль, все это должно прийти в расстройство.

Член Государственной думы Львов говорил о том, что не было бы беды, если бы наши заводы сократили несколько свою работу; но, господа, другие страны находят, что национальное судостроительство является плодом усилий целых поколений, результатом национального порыва, который достижим только с громадным напряжением сил. Всякий регресс, всякий шаг назад в этой области уже ведет к расстройству этого дела. Морской министр в комиссии приводил цифры, говорил о том, что для поддержания наших заводов на теперешнем уровне нам нужно заказов на 22 миллиона рублей в год. В настоящее время заводы имеют заказов только на 11 миллионов рублей и то только на один год. Вторым последствием остановки была бы необходимость обучать личный состав на тех отдельных разношерстных судах, о которых я вам говорил.

Член Государственной думы Бабянский доказывал вчера, что можно обучать личный состав и нижних чинов, и офицеров на тех двух броненосцах, которые имеются в Балтийском море. Но, господа, судите сами, какое же возможно эскадренное учение, какая же возможна стрельба, какое возможно эскадренное маневрирование без эскадры. Возможно ли обучение, воспитание механиков, раз мы не имеем усовершенствованных механизмов? Нас, с одной стороны, упрекали в том, что морское ведомство заказывало такие суда, как «Рюрик», которые являлись отсталыми; с другой стороны, град упреков был обращен на нас за то, что мы хотим заказывать суда новейшего устройства, как тут насмешливо было сказано, «сверх-корабли» — «дредноуты». Но третье последствие остановки в устройстве наших морских сил было бы длительное беспомощное положение России в

отношении морской обороны. Несмотря на полное наше миролюбие, я думаю, что такая беспомощность не соответствует мировому положению России.

Вот, господа, те доводы, которые побудили нас испрашивать у вас не утверждения полной программы кораблестроения, а временно, до установления плана общей обороны государства, постройки только четырех броненосцев в течение четырех лет для того, чтобы несколько пополнить расстроенные ряды нашего флота и придать им некоторый боевой смысл. Я старался обрисовать вам, господа, что выигрывает государство принятием правительственного предложения; я должен при этом еще упомянуть, что постройка этих 4 броненосцев не идет вразрез ни с одной из программ судостроения. Эти 4 броненосца входят во все программы. Они будут служить для осуществления любой из них, хотя бы на первом плане была поставлена программа укрепления наших морских сил на Дальнем Востоке. Таким образом от принятия правительственного предложения не может последовать для государства никакого ущерба.

Останавливаясь на том, что может побудить Государственную думу отказать правительству в ничтожной, сравнительно с общим нашим бюджетом, сумме в 11250000 рублей, надо прийти к логическому выводу, что здесь, как и говорил член Государственной думы Гучков, надо искать мотивов симптоматичного, педагогического свойства. Очевидно, большинство Государственной думы хочет хирургическим образом избавить морское ведомство от одержимой им болезни. Большинство Думы полагает, что после нанесенного ему удара, после того шока, который ему готовится, Морское министерство станет на новый путь плодотворной работы.

Я думаю, что это не так. Я думаю, что, кроме того реального ущерба, о котором я упоминал, вы нанесете флоту еще громадный нравственный ущерб. Вы, господа, верите в силу реорганизации учреждения. Несмотря на то, что, независимо от готовящегося вами удара, ведомство это будет реорганизовано, нельзя все же не признать, что главная сила не в учреждении, а в людях. Людей, господа, мало во всех учреждениях, мало их и в морском ведомстве, и, может быть, еще меньше потому, что, как указывал член Государственной думы Капустин, лучшие, быть может, силы фронта лежат теперь на дне океана. Но как-никак, а те лица, те новые люди, которые поставлены во главе ответственных частей флота, должны же чувствовать, должны сознавать, какая колоссальная задача возложена на них, какая их тяготит ответственность! И не думаете ли вы, что ваш отказ в кредитах переложит эту ответственность с них на вас?

Вы говорите, господа, что вы отказываете в кредите только на несколько месяцев, — но так ли это? Вы ждете реорганизации ведомства? Реорганизовать ведомство можно в несколько месяцев — но можно ли в тот же короткий срок дождаться результатов реформы? Чем через несколько месяцев может похвалиться перед вами морское ведомство? Работой ли заводов, расстроенных тем, что им не будут даны заказы, личным ли составом, обескураженным неопределенностью своего положения? Нет, господа, я лично уверен, что и через несколько месяцев вы найдете, что еще не наступил момент для ассигнования средств на судостроительство.

Господа, ваши нападки, ваши разоблачения сослужили громадную услугу флоту, они принесли и громадную пользу государству; более того, я уверен, что при наличии Государственной думы невозможны уже те злоупотребления, которые были раньше. (Продолжительные рукоплескания.) Господа, я пойду дальше, я скажу, что, быть может, морское ведомство еще не доказало того, что в настоящую минуту возможно доверить ему те сотни миллионов, которые необходимы на выполнение общей программы нового судостроения. Но, господа, не лишайте же морское ведомство возможности доказать вам это, не расстраивайте это ведомство в корне. Ведь, господа, во всех ведомствах есть неустройства. Нельзя же преграждать учреждениям и людям возможность доказывать желание улучшить положение, нельзя всех поголовно считать «рабами лукавыми».

Да, господа, для «лукавых рабов» нет лучшего разрешения вопроса, чем предлагаемый вами. Ведь они, на основании вашего решения, могут предаться полному ничегонеделанию. (Смех слева.) Ведь, господа, для лукавых рабов ваше решение будет мягкой подушкой для сладкого сна. (Смех слева.) Господа, нельзя наказывать гимназиста, срезавшегося на экзамене, лишением его учебных книг, учебных пособий. (Смех слева; возгласы справа: браво.) А вы делаете нечто подобное с флотом (рукоплескания справа и в центре)… и, может быть, делаете худшее.

Вы хирурги, собравшиеся вокруг одурманенного больного. Больной этот — флот, ошеломленный вашей критикой. Вы, господа, взяли ланцеты и режете его, потрошите его внутренности, но одна неловкость, одно неосторожное движение, и вы уже будете не оперировать больного, а анатомировать труп. Господа! Я верю, что ваше решение, каково бы оно ни было, будет продиктовано вам велением вашей совести и тем чистым патриотизмом, о котором говорил тут член Государственной думы Пуришкевич, — этим и ничем более. Вы станете выше

партийных расчетов, выше фракционной тактики. Не сетуйте, господа, если и правительство высказало вам свое мнение прямо и определенно.

Я уверен, что всякая заминка в деле флота будет для него гибельной, нельзя на полном ходу останавливать или давать задний ход машине — это ведет к ее поломке. Господа, в деле воссоздания нашего морского могущества, нашей морской мощи может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль — «вперед». (Рукоплескания справа и в центре.)

Из речи П. А. Столыпина 24 мая 1908 г. // Государственная дума. Третий созыв. Сессия первая. 1908 г. Стенографические отчеты. СПб., 1908. Ч. III. С. 1397–1408.

27 апреля 1911 г. Последняя публичная речь П. А. Столыпина, произнесенная 27 апреля 1911 года в ответ на запрос Государственной Думы

Господа члены Государственной думы!

Время, протекшее со времени внесения в Государственную думу запроса о незакономерном применении правительством статьи 87 Основных законов, закрепило ходячее мнение о причинах, руководивших действиями правительства в этом деле, и придало им в глазах многих характер совершенной бесспорности. Моя задача — противопоставить этим суждениям совершенно откровенное изложение всего хода взволновавшего вас дела и, насколько возможно, полное и точное разъяснение побудительных причин, вынудивших правительство прибегнуть в данном случае к неожиданной и чрезвычайной мере.

Понятно, что речь моя, какой бы летописный характер она ни носила, все же ввиду сложившегося в различных политических кругах понимания правительственной политики будет восприниматься с некоторой неприязнью моими слушателями. Это первое и большое затруднение, с которым мне придется считаться в моих объяснениях. Но оно не единственное. Другое неблагоприятное для меня обстоятельство то, что мне приходится отвечать Государственной думе после того, как мною уже даны разъяснения по тому же предмету Государственному совету как стороне, наиболее заинтересованной в этом деле. А так как доводы правительства уже значительно исчерпаны, то мне не избежать некоторых повторений, хотя повторить я постараюсь лишь то, что, может быть, повторять и небесполезно. Повторения эти будут касаться, главным образом, формальной стороны дела, несмотря на то, что я огораживаться формальным правом не намерен. Но обойти эту сторону вопроса я не могу, так как мне в дальнейшем изложении придется опираться как на установленный факт на то, что в данном случае при других необходимых условиях не было со стороны правительства ни нарушения, ни обхода закона. Это необходимо мне и для более ясного освещения статьи 87, значение которой определяет права Короны и не может быть умалено без создания нежелательного прецедента.

Какие же формальные права присущи нашим

законодательным учреждениям?

Государственная дума, так же как и Государственный совет, вправе, конечно, предъявлять правительству запросы из области управления, но весьма сомнительно, чтобы эти же учреждения вправе были запрашивать правительство по предметам свойства законодательного, хотя бы законодательные функции временно осуществлялись через Совет министров. Права наших палат в этом отношении твердо и ясно выражены в самом законе. Они заключаются в праве последующего обсуждения временных законов и отказа в последующей им санкции. Все возражения по этому поводу основаны, по моему мнению, на смешении двух понятий, двух моментов: права палат после того, как закон уже внесен в законодательные учреждения, и права палат предварительно контролировать формальную закономерность правительственного акта до этого.

Первое право — право отвергнуть закон по всевозможным мотивам и даже без всяких мотивов — совершенно бесспорно, а второго права просто не существует, оно представляло бы из себя юридический нонсенс. Первым обширнейшим полномочием поглощается право запроса; им определяются права законодательных палат, которые не могут стать цензором формальной правильности акта Верховной власти. Я знаю в практике западных государств случаи отклонения временных законов, проведенных в чрезвычайном порядке, но я не знаю случаев запроса о незакономерности таких актов, так как субъективная оценка и момента чрезвычайности, и момента целесообразности принадлежит во всяком случае не палатам. Это логично и понятно: законодательные учреждения не могут сделаться судьей закономерности законодательного акта другого учреждения. Обязанность эта по нашим законам принадлежит исключительно Правительствующему сенату, который не имеет права опубликовать или обнародовать незаконный, незакономерный акт.

Точно так же законодательные учреждения вправе запрашивать и председателя Совета министров, и отдельных министров, и главноуправляющих о незакономерных их действиях, но едва ли они вправе запрашивать о том же Совет министров как учреждение, не подчиненное Правительствующему сенату, в котором, когда Ему это благоугодно, председательствует Его Императорское Величество. Единственный раз, когда мне был предъявлен запрос о незакономерных действиях Совета министров как учреждения, а именно по изданию правил 24 августа 1909 г., я сделал оговорку о том, что существо этого запроса не соответствует природе запросного права.

Предъявленный в настоящее время Государственной думой запрос составлен с формальной стороны более осторожно, чем запрос Государственного совета, так как в нем отсутствует один довод, который лег в основу запроса Совета. Но довода этого касались во время прений о принятии запроса некоторые ораторы, и поэтому мне в двух-трех словах придется коснуться и его. Я подразумеваю опорочение права Верховной власти применять статью 87 при чрезвычайных обстоятельствах, возникших до роспуска палат. Но это право неопровержимо, оно зиждется, основано на жизненных условиях, и как бы наши жизненные и наши законодательные условия ни были различны от таких же условий в западных государствах, но и там, на западе, это право понимается именно так, а не иначе, и авторитетное мнение науки признает правильность обращения к указанному праву во время перерыва занятий палат, вызванного действиями самих палат. Всякое другое толкование этого права неприемлемо, оно нарушало бы смысл и разум закона, оно сводило бы и право Монарха применять чрезвычайные указы на нет.

Чтобы покончить с формальной стороной вопроса, я отмечу еще по поводу указного права, как права чисто политического, что и в Западной Европе не существует норм, так сказать, конституционного его применения. Если вы не хотите обратиться к примеру Австрии, то возьмите пример Пруссии. Все чрезвычайные указы, изданные за последнее полстолетие в порядке параграфа 63 прусской конституции, подвергались оспариванию в прусских палатах, и хотя большинство из них были в конце концов приняты палатами, но многие из них вызывали сильные сомнения, как, например, касавшиеся натуральных повинностей, нового обложения, таможенных сборов и т. д. То, что пытаются представить у нас нарушением законов, незакономерностью, и в Пруссии, и в Австрии никогда не признавалось нарушением конституции.

Но если формальная сторона этого дела настолько безукоризненна, то чем же объяснить, господа, тот шум, который поднялся вокруг последних действий правительства: возбуждение в политических кругах, негодование одних, недоумение других? Конечно, наивно было бы со стороны правительства объяснять это непременным желанием сделать ему во что бы то ни стало неприятность. Несомненно, причины лежат гораздо глубже; чтобы исчерпать вопросы до дна, надо обратиться к ним, и я попытаюсь совершенно спокойно и беспристрастно разобраться в происшедшем, но, ввиду только что высказанных мною соображений, я в дальнейших своих объяснениях буду опираться не на статью 58 Учреждения Государственной думы, а на статью

40 и просто, добросовестно, насколько это мне доступно, изложу вам сведения по делу, которое, согласно этой статье 40, будет в будущем подлежать вашему рассмотрению. Я считаю это совершенно необходимым, так как Государственная дума не судебное учреждение, разрешающее уже законченный, совершившийся факт, анатомирующее мертвое тело; Государственная дума имеет дело с событиями длящимися, с жизнью страны, а жизненные явления требуют объяснения.

В дальнейшем мне, к сожалению, придется подчеркивать пункты и поводы к разногласию между мыслью, заложенной в основании запроса Государственной думы, и мыслью правительственной. Но ранее этого я мимоходом отмечу одно положение, которое не вызывает и не вызовет между нами разногласий. Правительство точно так же, как и Дума, понимает и признает применимость статьи 87 только в самых исключительных обстоятельствах, и статью эту оно не может, конечно, считать обычным оружием своего арсенала. Что же касается разногласий, о которых я только что упомянул, особенно тех, которые ведут в конце концов к применению чрезвычайных мер, то я охотно признаю, что всякое правительство должно их предвидеть и должно сообразовать свои действия с ожидаемыми последствиями.

Gouvemer — c'est prevoir — говаривала еще Великая Екатерина, и, конечно, правительство, действующее не в безвоздушном пространстве, должно было знать, что придет час и оно столкнется с двумя самостоятельными духовными мирами — Государственной думой и Государственным советом. Но так как эти два духовных мира весьма между собой различны, то люди, искушенные опытом, находили, находят и теперь, что правительство должно было мириться с политикой, скажем, некоторого оппортунизма, с политикой сведения на нет всех крупных, более острых вопросов, между прочим и рассматриваемого нами теперь, с политикой, так сказать, защитного цвета. Эта политика, конечно, не может вести страну ни к чему большому, во она не приводит и к конфликтам. Очевидно во всяком случае, что ключ к разъяснению возникшего недоразумения — в оценке и сопоставлении психологии Государственного совета, Государственной думы и правительства, а в правильности их анализа и заключается разъяснение, требуемое от меня Государственной думой.

Психологию Государственного совета предвидеть было не трудно. Законопроекту правительства, внесенному в Государственный совет, придавалось уже заранее значение неудачной затеи, и, конечно, трудно было ждать от

Государственного совета отождествления его же отказа в принятии этого закона с чрезвычайным обстоятельством. Признавая правительство по-прежнему лишь высшим административным местом, не считая его политическим фактом, Государственный совет должен был увидеть и увидел в совершившемся лишь борьбу между двумя началами — началом административным и началом законодательным, а в действиях правительства усмотрел лишь ущерб, нанесенный второму началу, законодательному, высшей правящей бюрократией.

Психология Государственной думы несколько сложнее, так как авторы запроса приписывают правительству нечто другое, и значительно худшее. Я, конечно, не касаюсь и не буду впредь касаться личных против меня нападок, личных выпадов; я остановлюсь на более существенной аргументации: правительство, господа, попросту заподозрено в том, что, пренебрегая всеми законами, даже и Основными, желает править страной по собственному усмотрению, собственному произволу (голос слева: верно), и для того, чтобы легче этого достигнуть, желает приобщить к этому законоубийственному делу и самую Государственную думу (голос слева: правильно; голоса справа: тише); поэтому отношение правительства к Государственной думе понималось тут как яркая провокация или, как оратор Государственной думы более мягко выражался, как вызов. А так как закон был опубликован в думской редакции, то этому придавалось значение искушения, введения в соблазн Государственной думы с целью поссорить ее с Государственным советом, с целью уронить авторитет Государственной думы и воскресить эру административного засилья. (Шум слева; звонок председателя.)

Кроме этого, в попутных замечаниях обращает на себя внимание еще упрек в крайнем искажении смысла статьи 87 путем создания искусственного перерыва и обвинение правительства в нарушении избирательного закона. Вот приблизительно что думали, чувствовали и выражали авторы запроса Государственной думы. Мне, конечно, придется дольше остановиться на этих мыслях, но раньше я попытаюсь отстранить одно привходящее обвинение, на которое я только что сослался; попрек в нарушении избирательного закона. Я думаю, господа, нет ли тут недоразумения? Указ 14 марта ни одним словом не касается этого вопроса; наоборот, если в указе была бы сделана оговорка о сохранении прежнего порядка выборов, то этим самым были бы изменены правила выборов в Государственный совет и нарушена была бы статья 87 Основных законов. Конечно, несомненно, с введением в западной России земства отпадает

статья 5 этих правил, но не указ 14 марта поражает эту статью, а она сама определяет себя как меру временную, подлежащую уничтожению при наступлении известных обстоятельств, ожидаемых законодателем.

Само собой, что полномочия нынешних членов Государственного совета остаются в силе и с введением земства до окончания срока их выбора, а за это время, очевидно, выяснится, окончательно определится судьба временной меры, проведенной в порядке статьи 87.

Покончив с этим эпизодическим обстоятельством, я возвращаюсь к основному вопросу. Из суждений господ членов Государственной думы ясно, что корень вопроса, то есть отклонение законопроекта о западном земстве, до настоящего времени не рассматривался Думой как нечто необычайное, как обстоятельство чрезвычайное. Если видели нечто чрезвычайное в последних событиях, то исключительно только в наружном, бьющем, бросающемся в глаза действии правительства, то есть в способе, а не в причине. Словом, решительность меры затмила ее цель, и чрезвычайность была признана не в существе вопроса, а лишь в применении статьи 87 как в доказательстве возвращения к худшему, что ли, из абсолютизмов — к абсолютизму зарвавшихся чиновников. (Голоса слева: верно.) Правительство, со своей стороны, видело корень вопроса в исключительности политического момента и статью 87 понимало лишь как совершенно, конечно, исключительное средство, но как законный способ выйти из ненормального положения.

Чтобы понять не только действия, но и побуждения правительства, надо исходить из предположения, что политические обстоятельства сложились не совсем обыденным образом. Припомним же, господа, положение государственных дел до мартовских событий. Всем известен, всем памятен установившийся, почти узаконенный наш законодательный обряд; внесение законопроектов в Государственную думу, признание их здесь обычно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный совет; в Государственном совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А в конце концов, в результате, царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах.

Заметьте, господа, что я не ставлю вопроса на почву обвинения каких-либо политических партий в излишнем радикализме или в излишней реакционности. Я рисую положение так, как оно есть; я хотел бы правдиво изобразить вам те

необычные условия, в которых приходилось действовать правительству, в которых возник и получил дальнейшее развитие закон о западном земстве. Совершенно подчиняясь безусловному праву обеих палат и изменять, и отклонять предлагаемые им законопроекты, правительство все же должно было дать себе отчет, бывают ли такие исключительные минуты, когда и само правительство должно вступать в некоторую борьбу за свои политические идеалы. Правительство должно было решить, достойно ли его продолжать корректно и машинально вертеть правительственное колесо, изготовляя проекты, которые никогда не должны увидеть света. Или же правительство, которое является выразителем и исполнителем предначертаний Верховной воли, имеет право и обязано вести определенную яркую политику? Должно ли правительство при постепенном усовершенствовании представительных учреждений параллельно ослабевать или усиливаться и не есть ли это обоюдное усиление, укрепление нашей государственности? Наконец, вправе ли правительство испрашивать у Монарха использования всех находящихся в его распоряжении законных средств или это равносильно произволу?

И, конечно, господа, правительство не могло решить этого вопроса в пользу правительственного бессилия! Причина этому не самолюбие правительства, а прочность государственных устоев. Поэтому и в данном деле, если только придавать ему крупное значение, если учитывать тот волшебный круг, в который попало наше законодательство, правительство должно было представить Верховной власти законный и благополучный из него выход.

Какой же, господа, мог быть выход из попавшего в изображенное мною только что колесо дела (Булат, с места: отставка; голоса справа: тише, тише), дела осуществления западного земства, которое имело за себя сочувствие Монарха, которое в главных основных началах прошло через Государственную думу и было отвергнуто Государственным советом?

Конечно, первый, самый естественный и законный выход заключался во вторичном внесении этого закона на обсуждение законодательных учреждений. Многие говорят: если бы правительство не отвернулось от народного представительства, если бы оно не предпочло остаться одиноким, вместо того чтобы идти рука об руку с Государственной думой, то при некотором терпении были бы достигнуты желательные результаты без нежелательных потрясений. Но ведь это, господа, не так, это было бы актом самообмана, если не лицемерия, это была бы отписка перед западной Россией, отписка тем более жестокая, что ваши

полномочия, полномочия Третьей думы, в скором времени заканчиваются, и для того, чтобы покончить с западным земством, от Государственного совета не требовалось даже шумной процедуры обыкновенного погребения недоношенных законов — достаточно было сдать его в комиссию и несколько замедлить его рассмотрением. (Голоса в правом центре: браво.)

Но, говорят, в таком случае был другой, законный способ — это испрошение у Государя Императора роспуска законодательных учреждений. (Голоса слева: верно.) Но роспуск палат из-за несогласия с верховной палатой, которая является, главным образом, представительством интересов, а не представительством населения, в которой только половина членов выборных (смех и шум слева; звонок председателя), лишено было бы практического смысла и значения. Оставался третий выход — статья 87. Я уже говорил, господа, что правительство ясно отдавало себе отчет, что оценка законодательными учреждениями акта Верховной власти представляет из себя юридическую невозможность. Но, понимая вопрос именно так и зная, что законодательные учреждения снабжены гораздо более сильным средством — правом полного отклонения временного закона, правительство могло решиться на этот шаг только в полной уверенности, что акт, изданный по статье 87, по существу своему для Государственной думы приемлем.

Внесение в Государственную думу на проверку закона, явно для Государственной думы неприемлемого, представляло бы из себя, конечно, верх недомыслия, и вот отсутствие этого недомыслия, тождественность акта, изданного по статье 87, с законопроектом, прошедшим через Государственную думу, опорочивается как соблазн, как искушение, как лукавство! Опорочивается также и искусственность перерыва и проведения по статье 87 закона, отвергнутого верхней палатой в порядке статьи 86. Но, господа, то, что произошло теперь в более ярком освещении, молчаливо признавалось Государственной думой при других обстоятельствах.

Я не буду касаться мелких законов, я напомню вам прохождение законопроекта о старообрядческих общинах. Вы знаете, что по этому закону не состоялось соглашения между обеими палатами и что в настоящее время требуется лишь окончательная санкция этого разногласия с Государственной думой, и закон отпадет. Ни для кого не тайна, что Государственная дума заслушает это разногласие перед одним из перерывов своих занятий, в полной уверенности, что правительство исходатайствует у Государя Императора

восстановление существующего закона (Милюков, с места: что такое? Это безобразие) в порядке статьи 87. (Смех и шум слева.)

Совершенно понятно, что если бы постановление Государственной думы воспоследовало не перед естественным перерывом, то перед правительством во весь рост стал бы вопрос о необходимости искусственного перерыва, так как нельзя, господа, нельзя приводить в отчаяние более 10 миллионов русских по духу и по крови людей из-за трения в государственной машине. (В правом центре рукоплескания и голоса: браво; шиканье слева; звонок председателя.) Нельзя, господа, из-за теоретических несогласий уничтожать более полутора тысяч существующих старообрядческих общин и мешать людям творить не какое-нибудь злое дело, а открыто творить молитву, лишить их того, что было им даровано Царем. (Шум слева.) И в этом случае Государственная дума, устраняя необходимость искусственного перерыва, сама прикровенно наводит, толкает правительство на применение статьи 87!

Я в этом не вижу ничего незаконного, ничего неправильного (Милюков, с места: хорош), но я думаю, что оратор, на которого я раньше ссылался, должен был бы усмотреть тут, по его собственному выражению, «вызов», но уже со стороны Государственной думы по отношению правительства, а правительство по этой же теории должно было бы, вероятно, воздержаться от этого «искусственного предложения». Взвинтить на ненужную высоту (голос слева: на веревку) возможно, конечно, каждый вопрос, но государственно ли это?

Конечно, статья 87 — средство крайнее, средство совершенно исключительное. Но, господа, она дает по закону возможность Монарху создать выход из безвыходного положения. Если, например, в случае голода законодательные учреждения, не сойдясь между собой, скажем, на цифрах, не могли бы осуществить законопроект о помощи голодающему населению, разве провести этот закон возможно было бы иначе, как в чрезвычайном порядке? Поэтому правильно было искать в этом же порядке утоление духовного голода старообрядцев. Но отчего же менее важны культурные интересы шести западных губерний? Почему они должны быть принесены в жертву нашей гармонически законченной законодательной беспомощности? Потому, скажут мне, что эти шесть губерний жили до настоящего времени без земства, проживут без него и далее, потому что этот вопрос не касается всей России и не может быть поэтому признан первостепенным. Но ведь старообрядческие общины и неурожаи — вопросы, которые по распространению своему не касаются всей России.

Всей России в вопросе западного земства касается нечто другое и более важное, чем географическое его распространение. Впервые в русской истории на суд народного представительства вынесен вопрос такого глубокого национального значения. До настоящего времени к решению таких вопросов народ не приобщался. Может быть, поэтому он становился к ним все более и более равнодушен; чувство, объединяющее народ, чувство единения тускнело и ослабевало! И если обернуться назад и поверх действительности взглянуть на наше прошлое, то в сумерках нашего национального блуждания ярко вырисовываются лишь два царствования, озаренные действительной верой в свое родное русское. Это царствования Екатерины Великой и Александра Третьего. Но лишь в царствование Императора Николая Второго вера в народ воплотилась в призвание его к решению народных дел; и, может быть, господа, с политической точки зрения, не было еще на обсуждении Государственной думы законопроекта более серьезного, чем вопрос о западном земстве. В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству и в тяжелые исторические времена всегда стояло на западной нашей границе на страже русских государственных начал. (В правом центре рукоплескания и голоса: браво.)

Если еще принять во внимание, что даже поляки в городах Царства Польского молчаливо одобряют ограждение их от подавляющего влияния еврейского населения путем выделения его в отдельные национальные курии, если того же самого в более или менее близком будущем, в той или другой форме будут требовать и немцы Прибалтийского края по отношению к эстонцам и латышам, го вы поймете, насколько скромна была попытка нашего законодательного предположения оградить права русского населения в шести западных губерниях. Не без трепета, господа, вносило правительство впервые этот законопроект в Государственную думу: восторжествует ли чувство народной сплоченности, которым так сильны наши соседи на Западе и на Востоке, или народное представительство начнет новую федеративную эру русской истории? Победил, как вы знаете, исторический смысл; брошены были семена новых русских политических начал, и если не мы, то будущие поколения должны будут увидеть их рост.

Но что же произошло после этого? Отчасти случайно, по ошибке, отчасти нарочито, эти новые побеги, новые ростки начали небрежно затаптываться людьми, или их не

разглядевшими, или их убоявшимися. (Возглас слева: ох!) Кто же должен был оградить эти всходы? Неужели гибнуть тому, что было создано, в конце концов, взаимодействием Монарха и народного представительства? Тут, как в каждом вопросе, было два пути, два исхода. Первый путь — уклонение от ответственности, переложение ее на вас путем внесения вторично в Государственную думу правительственного законопроекта, зная, что у вас нет ни сил, ни средств, ни власти провести его дальше этих стен, провести его в жизнь, зная, что эта блестящая, но показная демонстрация. Второй путь — принятие на себя всей ответственности, всех ударов, лишь бы спасти основу русской политики, предмет нашей веры. (В правом центре рукоплескания и голоса: браво.)

Первый путь — это ровная дорога и шествие по ней почти торжественное под всеобщее одобрение и аплодисменты, но дорога, к сожалению, в данном случае но приводящая никуда… Второй путь — путь тяжелый и тернистый, на котором под свист насмешек, под гул угроз, в конце концов все же выход к намеченной цели. Для лиц, стоящих у власти, нет, господа, греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности. И я признаю открыто: в том, что предложен был второй путь, второй исход, ответственны мы — в том, что мы, как умеем, как понимаем, бережем будущее нашей родины и смело вбиваем гвозди в вами же сооружаемую постройку будущей России, не стыдящейся быть русской, и эта ответственность — величайшее счастье моей жизни. (Голоса в правом центре: браво.)

И как бы вы, господа, ни отнеслись к происшедшему, а ваше постановление, быть может, по весьма сложным политическим соображениям уже предрешено, как бы придирчиво вы ни судили и ни осудили даже формы содеянного, я знаю, я верю, что многие из вас в глубине души признают, что 14 марта случилось нечто, не нарушившее, а укрепившее права молодого русского представительства. (В правом центре рукоплескания и голоса: браво; смех в левом центре и слева; голоса слева: защитники народного представительства.) Патриотический порыв Государственной думы в деле создания русского земства на западе России был понят, оценен и согрет одобрением Верховной власти. (В правом центре рукоплескания и голоса: браво; шиканье слева.)

Список литературы

1. *Аврех А. П.* А. Столыпин и судьбы реформ в России. // http://scepsis.ru/library/id_1349.html.

2. *Азанов В. И.* Земельная реформа Столыпина: взгляд сквозь время.

3. *Аксаков А. П.* Высший подвиг.

4. *Анохин П.* Кто убил Столыпина?

5. Петр Столыпин: Нам нужна Великая Россия! Полное собрание речей П. А. Столыпина в Государственной думе. М., 2011.

6. *Пушкарев С. Г.* Ставка на сильных.

7. *Розанов В. В.* Историческая роль Столыпина.

8. *Селищев Н. Ю.* Столыпин и его время.

9. Ответ П. А. Столыпина как министра внутренних дел на запрос Государственной думы о Щербаке, данный 8 июня 1906 г. // В кн.: Петр Столыпин: Нам нужна Великая Россия.

10. П. А. Столыпин и Государственная дума // Новое время, 6 сентября, 1911.

11. П. А. Столыпин. Некролог // Новое время, 6 сентября, 1911.

12. Столыпин — убийство реформатора // Киевская правда, 11 сентября, 2011.

13. *Сыромятников С. Н.* Железный министр.

14. *Федоров Б.* Столыпин как историческая личность // Лебедь, № 445, 2 октября 2005.